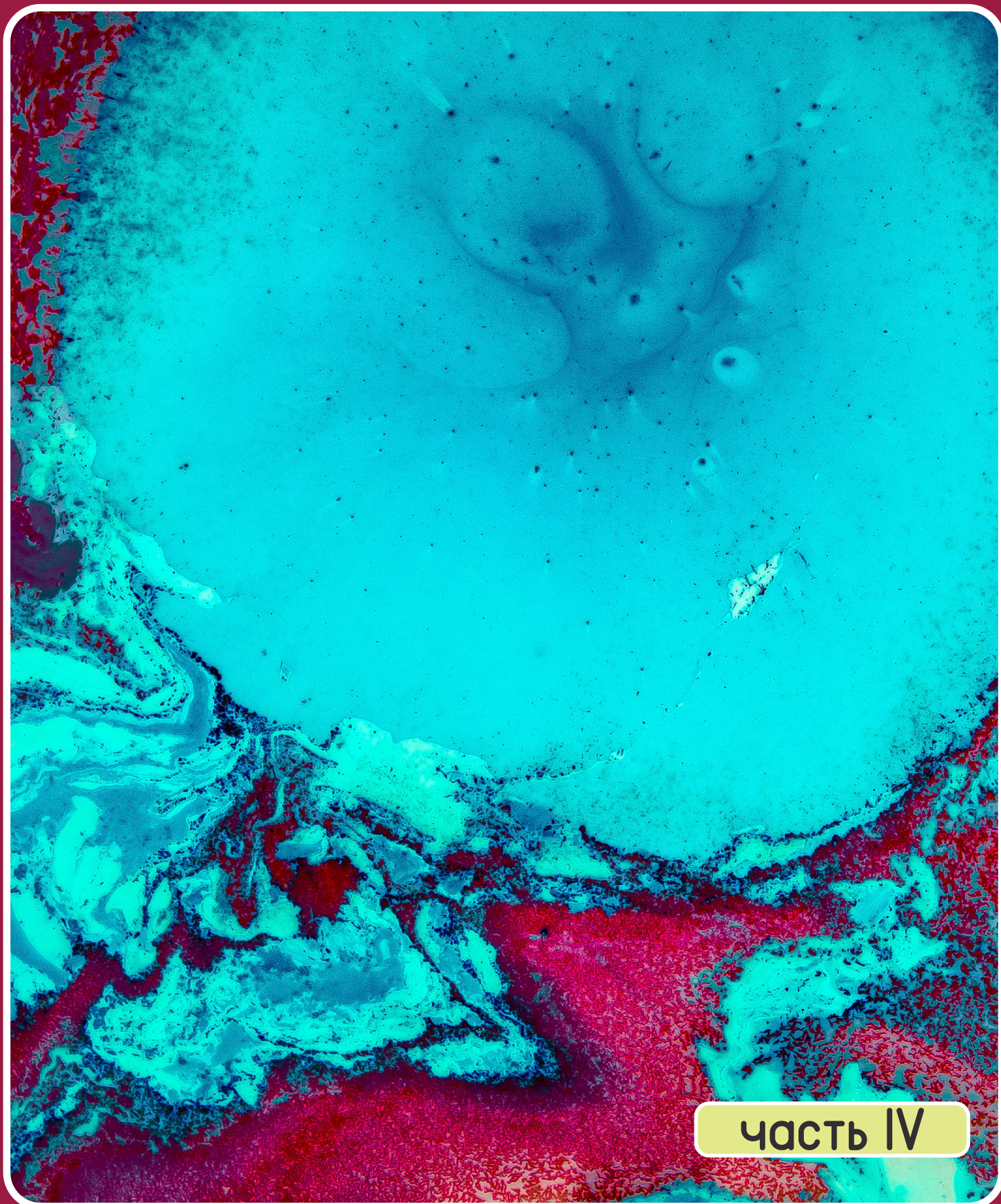

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 21 (307), 2026 // apni.ru

часть IV

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 21 (307)

Часть IV

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высokотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Юсупова Феруза Зойировна, доктор философии (PhD) (Навоийский государственный горно-технологический университет)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Li Baoluo

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF AI-DRIVEN LANGUAGE SUPPORT SYSTEMS
ON INTERNATIONAL STUDENT PERFORMANCE: A DATA-DRIVEN MANAGEMENT
PERSPECTIVE.....7

Nimkeeva Z.

GEOECONOMIC FRAGMENTATION AND CAPITAL FLOWS: HOW U.S. FINANCIAL
SANCTIONS RESHAPED FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA..... 13

Zhang Xuanye

INNOVATIVE ACTIVITY AS A DRIVER OF ENTERPRISE COMPETITIVENESS.....20

Бабошин И.С.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ..... 24

Блинов В.Б., Веселков А.Е.

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ФИНТЕХ-
ПЛАТФОРМ 27

Еремина И.В.

КИБЕР-ФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ.....33

Еремина И.В.

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ36

Карпенко К.С., Стефаненко М.Н.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ 39

Лавров А.Н.

ОПТИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОМПАНИИ
ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПНЕВМООБОРУДОВАНИЯ.....42

Никонов Д.Д.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ45

Осипова В.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ХАССП
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ.....48

Протасова В.В.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ
ОТРАСЛИ.....51

Черных Д.Г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН
НА ПРИМЕРЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА.....55

ПЕДАГОГИКА

Андросова А.Ю., Божкова Н.П., Воропаева О.В.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ, МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ
ДЕВИАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ 59

Горячкова А.А.

РОЛЬ Тьюторского сопровождения в интеграции детей с ОВЗ
в общеобразовательные классы 63

Купальян А.А.

МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПЛАТФОРМЫ И
ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 66

Купальян А.А.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ синхронного и асинхронного
обучения студентов в условиях цифровой трансформации
профессионального образования 70

Медведева С.А.

РАЗВИТИЕ познавательной мотивации к изучению иностранного
языка у школьников среднего звена на примере ведения
рефлексивного дневника 74

Плахута Е.А.

ВЛИЯНИЕ настольных игр на развитие эмоционального интеллекта
обучающихся 9-х классов 79

Сотникова Н.П., Гребеник И.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ коррекционно-развивающей деятельности
«ГИМНАСТИКА МОЗГА» с детьми ОВЗ на занятиях в детском саду 84

Таратухина Т.И.

АНАЛИЗ использования цифровых технологий в современной школе
на уроках биологии 87

Титова О.С.

РЕИНТЕГРАЦИЯ ВОЗВРАТА воспитанников учреждения для детей-сирот
в кровные семьи. Из опыта работы ГКУ СО СРЦ «НАШ ДОМ» 90

Фурсенко А.В., Павленко Ю.Э., Родионова Е.О., Иоффе Н.Е.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ аутентичных материалов по кибербезопасности
при обучении английскому языку 95

ПСИХОЛОГИЯ

Осипова В.В.

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
в современных условиях 98

Шалбурова Н.С.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ
у подростков в ситуации экзаменационного стресса 102

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Гончаренко С.Р., Писарева О.Д., Сметанин А.Г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И
АДАПТИВНОГО СПОРТА..... 106

Ивлева Ю.Е., Ходеев Д.А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГОЗАТРАТ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ
ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (БЕГ, ПЛАВАНИЕ, ХОДЬБА, СИЛОВЫЕ
ТРЕНИРОВКИ)..... 110

Погодина С.О.

РАЗВИТИЕ СПОРТИВНОЙ ИНДУСТРИИ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ 113

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Li Baoluo

DBA Doctoral Student,

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF AI-DRIVEN LANGUAGE SUPPORT SYSTEMS ON INTERNATIONAL STUDENT PERFORMANCE: A DATA-DRIVEN MANAGEMENT PERSPECTIVE

Abstract. *Universities have adopted AI-based language tools at considerable speed, often before deciding how such tools should be governed. This paper steps back from the question of whether the technology works and asks a management question instead: under what institutional conditions does AI language support actually improve outcomes for international students, and at what cost? Drawing on the literatures of student adaptation, AI in education, and learning analytics, the paper argues that the effectiveness of these systems is better understood as a property of management than of software. The supporting evidence is treated as illustrative rather than definitive. It suggests a recurring pattern—modest average gains, considerable variation between students, and a strong dependence on whether institutions monitor uptake and target support—but it is also read critically, with attention to selection effects, the contested boundary with academic misconduct, and the risk that AI provision quietly widens the very gaps it is meant to close. The contribution is a governance-centred reframing: AI language support should be evaluated, resourced and held accountable as a managed service, not procured as a solution and left to run.*

Keywords: *artificial intelligence, international students, language support systems, higher education, Data-Driven management.*

1. Introduction

International enrolment has grown to the point where, in many institutions, a large share of students sit examinations in a language they are still learning. The consequences are well documented. Weak host-language proficiency raises acculturative stress, slows social and academic integration, and means that assessed work frequently understates what a student actually knows. For university managers this is not only a pedagogic concern. It feeds directly into retention figures, completion rates and the reputational metrics on which institutions increasingly compete.

AI-based language tools have arrived as an apparent answer. Translation services, AI writing assistants and conversational tutors promise help that is immediate, cheap and available outside the narrow hours of a staffed writing centre. Adoption has been rapid, and in many cases it has run ahead of any considered decision about oversight. Tools are licensed, or simply used by students without licensing, before anyone has settled what counts as

legitimate use, who is expected to benefit, or how the institution will know whether the investment was worthwhile.

This paper deliberately does not ask the question that dominates much of the existing literature—namely, whether AI tools improve performance in the abstract. That framing treats the technology as the active ingredient and the institution as a passive host. The argument advanced here is the opposite. Whatever effect these systems have is produced jointly by the tool and by the management decisions that surround it: how access is structured, whether uptake is monitored, how the line against misconduct is drawn and policed, and against what standard the institution judges success. The objective, then, is to reframe AI language support as an object of management rather than of procurement, and to set out what a data-informed approach to governing it would involve—together with an honest account of where such an approach can mislead.

2. Literature Review

2.1. Language and the Adaptation of International Students

Research on international student adaptation has consistently identified host-language proficiency as a determinant of both well-being and academic functioning. Acculturation theory treats adjustment as multidimensional, and empirical work in that tradition links limited proficiency to higher acculturative stress and weaker integration. Survey studies report that students with stronger language skills tend to achieve higher grades and feel more socially embedded. What this literature largely takes for granted, however, is the support apparatus itself. Provision tends to appear as a fixed backdrop rather than as something that institutions design, resource and might design badly.

2.2. AI in Education: A Contested Evidence Base

The literature on AI in higher education is large, fast-moving and far from settled. Reviews and empirical studies report gains in performance, engagement and writing quality where students use generative tools, and some experimental work points to improvements in problem-solving and productivity. Yet the same body of work contains a persistent counter-current. Scholars warn that heavy reliance on translation and grammar correction can crowd out the effortful cognitive work through which language and disciplinary understanding are actually built, and that the convenience of a fluent draft can mask shallow learning. The evidence, in short, does not speak with one voice, and a management perspective should resist citing only the half of it that flatters a purchasing decision.

2.3. Language Support Systems and the Question of Substitution

Tools aimed specifically at language-adaptive practice, automated transcription and translation of lectures, discipline-specific vocabulary work—are often presented as straightforwardly widening access. Much of the supporting research, though, is descriptive or based on student perception, and comparatively little of it connects use to objective outcomes for international students in particular. A sharper concern is conceptual. These systems sit on an unstable line between scaffolding and substitution. A tool that helps a student articulate an idea they already hold is doing something different from a tool that supplies the idea, yet from the institution's vantage point the two can be hard to tell apart.

2.4. Learning Analytics as a Management Capability

A separate literature treats learning analytics and predictive modelling as instruments of institutional management. By combining engagement and assessment data, these methods can flag students at risk early enough for intervention and can inform how advising and tutoring are allocated. This is the strand most directly relevant here, because it frames data not as a research output but as a governance capability—a means by which managers decide where support goes. It is also the strand most exposed to critique: predictive models can encode bias, and an early-warning dashboard can create an impression of control that outruns the institution's actual ability to act.

2.5. The Gap

These literatures rarely meet. Adaptation research establishes that language matters but says little about how support is governed. AI-in-education research reports effects on general populations while seldom isolating international students or scrutinising the conditions of use. Learning analytics treats data-informed management as valuable in itself without testing whether it changes what AI tools achieve. The gap this paper addresses is therefore not empirical so much as conceptual: there is no settled account of AI language support as a managed service whose value is contingent on institutional governance. Supplying that account is the task of the sections that follow.

3. Research Methodology

3.1. A Conceptual, Management-Oriented Design

The study is best described as conceptual and exploratory. Its purpose is to develop and illustrate a way of thinking about AI language support, not to deliver a definitive measurement of its effect. This framing is a deliberate choice rather than a concession. The field already contains a good deal of point-estimate research, much of it cross-sectional and reliant on self-report, and adding another such estimate would do less than clarifying the management logic that any estimate must be interpreted within.

Figure 1 sets out that logic. AI language support is positioned not as an isolated input but as one element of a managed process. The institutional context—strategy, resourcing, analytics capability and policy—conditions how the tool reaches students. Its influence on performance runs through student-level mechanisms such as confidence, engagement and acculturative load. Crucially, the diagram includes a feedback loop: outcomes are

monitored, and provision is adjusted in light of what the monitoring shows. It is the presence or absence of that loop, far more than the

sophistication of the tool, that the framework treats as decisive.

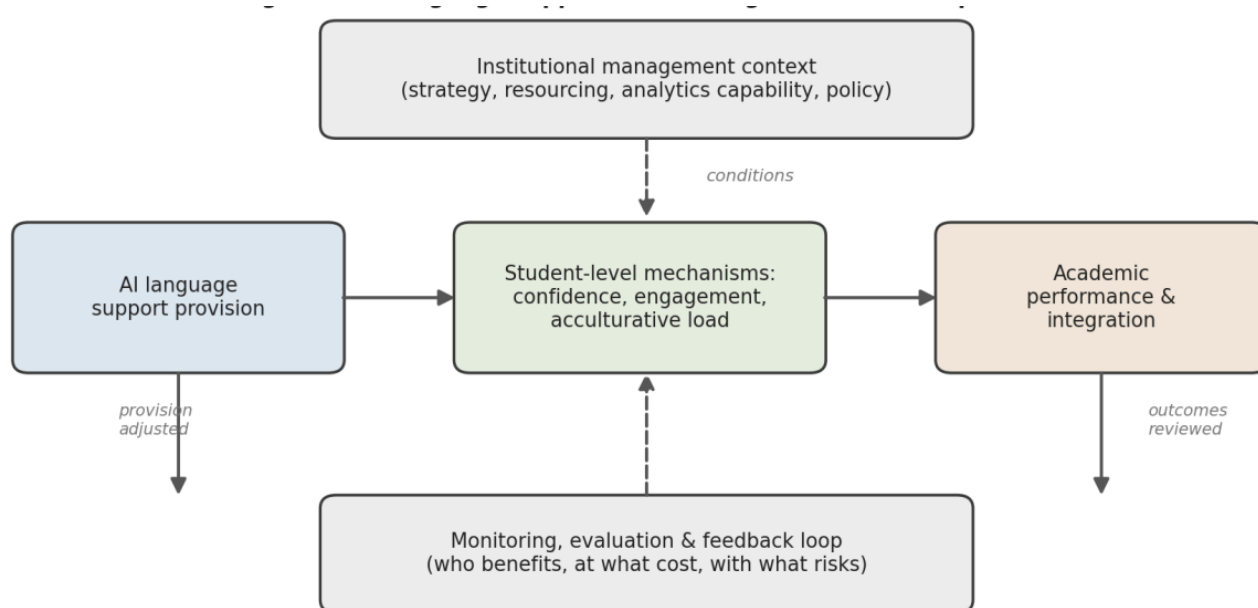

Fig. 1. AI language support understood as a managed institutional process rather than a stand-alone intervention

3.2. Use of Evidence

To keep the discussion grounded, the paper draws on illustrative evidence assembled from published studies of AI use among international and second-language students, supplemented by the kind of usage and outcome patterns institutions typically observe in their own analytics. This material is used to motivate and probe the argument, not to prove it. No claim is made to a single representative dataset, and the absence of precise effect sizes in what follows is intentional: spurious precision would sit awkwardly with the paper's own argument that effects are heterogeneous and management-dependent.

3.3. Propositions

Rather than statistical hypotheses, the study advances three management propositions. First, the average effect of AI language support on performance is likely to be real but modest, and less interesting than its variance. Second, that variance is shaped substantially by institutional management—particularly by whether uptake is monitored and support is targeted—so that the same tool produces different returns in different governance

settings. Third, because effects are uneven, AI provision carries a distributional risk: without deliberate management it may benefit confident, well-resourced students most and so widen attainment gaps. These propositions are examined, and partly contested, in the next section.

4. Results and Discussion

4.1. Two Accounts of the Same Technology

Any assessment of AI language support has to reckon with the fact that the literature supports two coherent but opposed stories. Table 2 lays them side by side. On the optimistic account, immediate feedback and personalisation lift performance, low cost extends help to students whom staffed services never reach, and scalable support relieves pressure on advising budgets. On the critical account, convenience substitutes for the effortful practice that genuinely builds skill, benefits concentrate among students who were already doing well, the boundary with unacknowledged authorship is porous, and the apparent budget saving merely relocates cost into teaching and assessment workload.

Table 1

**Management decisions surrounding AI language support
and the governance questions they often leave implicit**

Management domain	Typical decision	Governance question often left implicit
Procurement & re-sourcing	Which AI tools to license, and at what scale of spend	Does the tool displace, or merely supplement, existing human support?
Access & equity	Whether tools are opt-in or embedded in the student experience	Who actually adopts them, and does uneven uptake widen attainment gaps?
Analytics & monitoring	What usage and outcome data to collect on support services	Are at-risk students identified early, or only after they fail?
Academic policy	What constitutes acceptable use in assessed work	Is the line between support and substitution clear to staff and students?
Evaluation	How success of the investment is judged	Is effectiveness measured against learning, or only against satisfaction?

Neither account is simply wrong. The more useful observation, from a management standpoint, is that which story comes true in a given institution is not fixed by the technology. It is settled by

decisions—about access, monitoring, policy and evaluation—that are listed, alongside the questions they tend to leave unasked, in table 1.

Table 2

Competing accounts of AI language support for international students

Dimension	Optimistic account	Critical counter-account
Learning	Immediate feedback and personalisation raise performance	Convenience may substitute for the effortful practice that builds skill
Equity	Low-cost help reaches students underserved by staffed services	Benefits may concentrate among the already-confident and well-resourced
Integrity	Tools legitimately scaffold writing in a second language	The boundary with unacknowledged authorship is contested and porous
Institutional value	Scalable support eases pressure on advising budgets	Apparent savings may shift hidden costs onto teaching and assessment

4.2. The Average Effect Is the Least Interesting Number

Where studies of AI use among second-language students do report performance gains, those gains are typically positive but moderate, and they are accompanied by wide dispersion. For a researcher chasing a headline effect size, the dispersion is noise. For a manager it is the main finding. It indicates that the tool does very different things for different students, and that an institution reporting a satisfactory average may still be failing a substantial minority while flattering a confident majority. A management perspective therefore reads the average with suspicion and asks instead

where, and for whom, the effect is concentrated.

Figure 2 expresses this argument schematically rather than numerically. It contrasts two institutions offering the same tools. In one, provision is largely unmonitored; use rises but outcomes improve only weakly, because nobody is checking whether the students who most need help are the ones using it. In the other, management is data-informed: uptake is tracked, low engagement among at-risk groups is noticed, and support is steered accordingly. The curves diverge, and the gap between them is the contribution of governance. The figure carries no precise values by design; its claim is about shape, not magnitude.

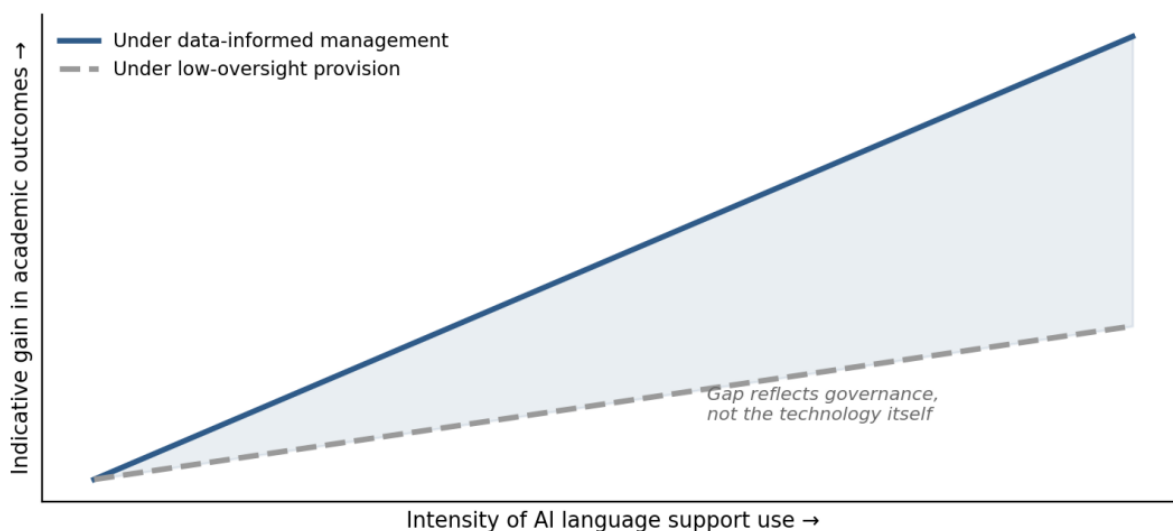

Fig. 2. A schematic contrast: identical tools yield different returns depending on how provision is managed

4.3. The Equity Problem Management Tends to Miss

The most uncomfortable implication concerns equity, and it cuts against the sector's habitual framing of AI as a democratising force. If gains are uneven and uptake is voluntary, the students who adopt AI support most readily are often those with stronger prior language skills, greater digital confidence and more time—precisely the students least dependent on help. Students facing the steepest barriers may use the tools least, or use them in shallow ways. Left unmanaged, a service introduced in the name of access can therefore widen the attainment gap rather than close it. This is not an argument against AI support. It is an argument that equitable outcomes are a management achievement, not a property the technology delivers on its own, and that an institution which does not monitor who benefits has no basis for claiming that it does.

4.4. The Limits of the Data-Driven Response

It would be too neat to conclude that analytics simply solves these problems, and the paper's own perspective requires it to say so plainly. Data-driven management has real limits. Engagement metrics capture clicks and logins, not understanding, and a student can be heavily active in a tool while learning little. Early-warning models can carry forward historical bias, so that the groups flagged as at-risk reflect past inequities as much as present need. Dashboards can manufacture a feeling of control that the institution cannot actually exercise if it lacks the staff to intervene once a warning fires. And the academic-integrity question—where legitimate scaffolding ends and substitution begins—is a matter of judgement that no analytics layer can settle. A data-informed

approach is, on the evidence, better than an unmonitored one. But it is a discipline for asking sharper questions, not a substitute for answering them.

4.5. Implications for University Management

Several practical implications follow, and they are addressed to managers rather than to tool designers. Procurement of AI language tools should be coupled with investment in the capacity to monitor their use; buying the tool without funding the oversight purchases the optimistic story and the critical one in unknown proportion. Evaluation should be defined against learning and equitable outcomes from the outset, because a service judged only on satisfaction or usage volume will look successful long after it has stopped helping the students who matter most. Academic-integrity policy should be treated as part of the support system rather than as a separate disciplinary matter, since the same tool is simultaneously a help and a hazard. And the distributional question—who is actually benefiting—should be a standing item in institutional reporting, not an occasional research exercise.

5. Conclusion

This paper has argued that the effectiveness of AI-driven language support for international students is poorly understood when it is framed as a question about technology. Reframed as a question about management, it becomes both more tractable and more demanding. The tool, on the available evidence, produces modest average gains and considerable variation; what determines whether that variation works for or against an institution's students is governance—how access is structured, whether uptake is monitored, how

integrity is handled, and against what standard success is judged.

The contribution is therefore conceptual rather than empirical. It offers university managers a way of seeing AI language support as a managed service with a feedback loop, and it does so without overstating what the supporting evidence can bear. That evidence is illustrative, the design is exploratory, and the propositions advanced here invite contest rather than closing it. The paper has also been deliberate in resisting the optimistic reading: a data-informed approach sharpens the questions a university should ask, but it does not answer them, and it carries its own risks of bias and false confidence.

Future work should pursue longitudinal and comparative designs capable of observing how effects evolve and how they differ across institutional governance regimes, and should treat the equity question—who gains, who is left behind, and why—as central rather than incidental. The practical message, however, is already clear enough to act on. An institution that procures AI language support and leaves it unmanaged has not adopted a solution. It has adopted an open question, and declined to govern the answer.

References

1. Berry J.W. (1997). Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, No. 46(1), P. 5-34. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x>.
2. Chan C.K.Y., Hu W. (2023). Students' voices on generative AI: Perceptions, benefits, and challenges in higher education. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, No. 20, P. 43. <https://doi.org/10.1186/s41239-023-00411-8>.
3. Chen L., Chen P., Lin Z. (2020). Artificial intelligence in education: A review. *IEEE Access*, No. 8, P. 75264-75278. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.2988510>.
4. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. (2024). Chatting and cheating: Ensuring academic integrity in the era of ChatGPT. *Innovations in Education and Teaching International*, No. 61(2), P. 228-239. <https://doi.org/10.1080/14703297.2023.2190148>.
5. Hon K.L. (2026). Generative AI in higher education: A systematic review of its effects on learning outcomes and academic performance. *Journal of Educational Computing Research*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/00472395251400089>.
6. Karatas F., Abedi F.Y., Ozek Gunyel F., Karadeniz D., Kuzgun Y. (2024). Incorporating AI in foreign language education: An investigation into ChatGPT's effect on foreign language learners. *Education and Information Technologies*, No. 29(15), P. 19343-19366. <https://doi.org/10.1007/s10639-024-12574-6>.
7. Kim Y.Y. (2001). *Becoming intercultural: An integrative theory of communication and cross-cultural adaptation*. Sage Publications.
8. Smith R.A., Khawaja N.G. (2011). A review of the acculturation experiences of international students. *International Journal of Intercultural Relations*, No. 35(6), P. 699-713. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2011.08.004>.
9. Urban M., Děchtěrenko F., Lukavský J., Hrabalová V., Svacha F., Brom C., Urban K. (2024). ChatGPT improves creative problem-solving performance in university students: An experimental study. *Computers & Education*, No. 215, P. 105031. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2024.105031>.
10. Wang J., Fan W. (2025). The effect of ChatGPT on students' learning performance, learning perception, and higher-order thinking: Insights from a meta-analysis. *Humanities and Social Sciences Communications*, No. 12, P. 621. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04787-y>.

NIMKEEVA Zinaida

Master's Degree Candidate, Shanghai University, China, Shanghai

GEOECONOMIC FRAGMENTATION AND CAPITAL FLOWS: HOW U.S. FINANCIAL SANCTIONS RESHAPED FOREIGN DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA

Abstract. *The weaponization of the global financial system has become a defining feature of modern geoeconomics. This paper investigates the causal impact of U.S. financial sanctions on the trajectory of foreign direct investment (FDI) inflows to Russia, one of the most heavily sanctioned economies in the world. Exploiting the 2014 sanctions as a quasi-natural experiment, we construct a panel dataset covering 1996–2024 for Russia and 19 structurally comparable emerging economies that did not experience similar systemic financial restrictions. Using a difference-in-differences (DID) framework with country and year fixed effects, we find that financial sanctions reduced Russia's FDI-to-GDP ratio by approximately 2.08 percentage points on average. This effect is not only statistically significant but also persistent, accumulating over time rather than fading. Extensive robustness checks—including parallel trend tests, placebo regressions, exclusion of global crisis periods, and alternative standard error corrections – confirm the validity of our identification strategy. Heterogeneity analysis reveals that the negative impact is concentrated among European and Eurasian comparators, while the effect is statistically indistinguishable from zero in an Asian comparator group. This finding points to a structural substitution effect, whereby rising investment from China and other non-Western countries partially offset Western capital withdrawal. Moreover, the magnitude of the sanction effect does not vary significantly with trade openness, suggesting that the primary transmission mechanism operates through financial channels (payment systems, correspondent banking, financing constraints) rather than traditional trade linkages. Our findings contribute to the literature on economic sanctions, political risk, and international capital allocation, offering new evidence on how financial decoupling reshapes the geography of FDI.*

Keywords: *financial sanctions, foreign direct investment, difference-in-differences, policy uncertainty, Russia, geoeconomic fragmentation.*

1. Introduction

In the aftermath of the Cold War, economic statecraft increasingly replaced military confrontation as the preferred tool of geopolitical influence. Among the various instruments of economic pressure, financial sanctions have gained particular prominence. Unlike traditional trade embargoes—which are often blunt, difficult to enforce, and prone to generating humanitarian costs—financial sanctions target the circulatory system of modern capitalism: the global payment and financing infrastructure. By leveraging the dominance of the U.S. dollar and key platforms such as the SWIFT messaging system, the United States has acquired the ability to selectively disconnect entities, sectors, or even entire national economies from international capital markets and cross-border payment networks.

Russia provides the most consequential case study of this phenomenon. Following the annexation of Crimea in 2014, the U.S. and its allies imposed a first wave of targeted financial sanctions,

primarily restricting access to long-term debt financing for Russian state-owned banks and energy companies. After the full-scale invasion of Ukraine in 2022, the sanctions regime escalated dramatically to an unprecedented level of intensity: the freezing of Russian central bank assets, the disconnection of several major Russian banks from SWIFT, and comprehensive blockade sanctions on the country's largest financial institutions. What began as a calibrated diplomatic signal evolved into an attempt at systemic financial isolation.

A substantial body of research has examined the macroeconomic consequences of these sanctions, including their effects on Russian GDP growth, trade volumes, inflation, and exchange rate stability [4, p. 317–326; 6; 7]. However, one critical dimension has received less systematic attention: the impact on foreign direct investment (FDI). This gap is surprising because FDI differs fundamentally from portfolio flows or trade credit. FDI involves long-term commitments, asset-specific investments, and direct operational control,

making it exceptionally sensitive to host-country institutions, policy predictability, and political risk [1, p. 93-104; 5, p. 262-280]. If financial sanctions deter FDI, the damage is not merely cyclical but structural: it implies a lasting erosion of a country's productive capacity, technological upgrading, and integration into global value chains.

This study asks three interconnected questions. First, did U.S. financial sanctions cause a significant decline in Russia's ability to attract FDI, after controlling for macroeconomic fundamentals and global shocks? Second, did the impact intensify over time (a cumulative effect) or fade as investors adapted? Third, is the sanction effect homogeneous across geographic regions, or does it reveal a reconfiguration of investment sources—specifically, a partial substitution of Western capital by non-Western (notably Chinese) investment?

To answer these questions, we construct a carefully designed panel dataset of 20 countries (Russia plus 19 control countries) spanning 1996–2024. The control group is selected based on four criteria: economic structure comparability, absence of similar systemic financial sanctions, data availability, and pre-sanction FDI trend similarity with Russia. Using a difference-in-differences (DID) methodology with country fixed effects, year fixed effects, and country-specific linear trends, we identify the net causal effect of the sanctions.

Our main findings are threefold. First, financial sanctions reduced Russia's FDI-to-GDP ratio by an average of 2.08 percentage points. Given that Russia's pre-sanction (2010–2013) average FDI-to-GDP ratio was approximately 2.9 percent, this represents a substantial proportional decline. Second, event-study analysis shows that the negative effect does not reverse but instead accumulates over time, consistent with the theoretical prediction that policy uncertainty and reputational damage have lasting consequences. Third, the negative effect is highly significant when Russia is compared to European and Eurasian countries, but not statistically significant when compared to a panel of eight Asian countries. This heterogeneity is consistent with a structural substitution narrative: while Western investors have withdrawn, investors from China and other "friendly" nations have partially stepped in, mitigating the total collapse in FDI. Furthermore, the sanction effect does not differ meaningfully between high-trade-openness and low-trade-openness control groups, suggesting that the primary transmission mechanism is financial (access to global

payment and financing systems) rather than trade-based.

2. Theoretical Framework and Hypotheses

2.1. International Investment Location Theory

The location choice of multinational enterprises (MNEs) is traditionally explained by a combination of market size, resource availability, factor costs, and institutional quality [1, p. 93-104]. From this perspective, Russia possesses both advantages (large energy reserves, a sizable internal market, a relatively educated workforce) and disadvantages (weak rule of law, corruption, regulatory unpredictability). Financial sanctions alter this calculus by directly undermining two key pillars of locational attractiveness: financial accessibility and institutional stability. When a host country's major banks are cut off from international capital markets, even profitable FDI projects may become unfinanceable. When cross-border payments become slow, costly, or legally risky, the operational convenience that once made Russia attractive is eroded. Thus, sanctions can shift the perceived balance of locational advantages decisively against the target country.

2.2. Political Risk and Policy Uncertainty Channels

Political risk theory emphasizes that investors discount the value of future cash flows when host-country governments are unstable, prone to expropriation, or subject to external geopolitical shocks (Henisz, 2000). Financial sanctions are a particularly potent source of political risk because they originate externally but have immediate domestic consequences. They signal to investors that the country has entered a zone of prolonged confrontation with the dominant global financial power. Policy uncertainty theory [2, p. 2731-2783] adds that when future policy is unpredictable, firms delay or cancel irreversible investments. Sanctions are intrinsically uncertain: they can be expanded, narrowed, or reinterpreted at any time. New executives can be designated, new sectors restricted, and secondary sanctions imposed on third-country firms. This uncertainty is not a one-time shock but a persistent state, which is especially damaging for FDI, given its long horizon and sunk costs.

2.3. Signaling, Reputation, and Expectations

Beyond direct financial restrictions, sanctions act as powerful signals. When the U.S. Treasury's Office of Foreign Assets Control (OFAC) designates a Russian bank or a Russian oligarch, it sends

a clear message to the global investment community: transacting with this entity or this country carries elevated legal and reputational risk. This signal can trigger herd behavior, where investors withdraw not because their own specific operations are threatened, but because they fear being associated with a pariah economy or because their home-country regulators impose indirect compliance burdens. The stigma effect of financial sanctions is well documented in the case of Iran (Reza & Esfandiyar, 2023) and appears to be operating in Russia as well [3, p. 1671-1688].

2.4. Summary of Channels and Hypotheses

Based on the above discussion, we propose three hypotheses:

- H1 (Overall negative effect): U.S. financial sanctions caused a statistically and economically significant decline in Russia's FDI-to-GDP ratio relative to comparable unaffected countries.
- H2 (Persistence): The negative effect does not dissipate over time; rather, it persists and may accumulate as initial withdrawals trigger secondary rounds of disinvestment.
- H3 (Heterogeneity by geography): The negative effect is larger and more significant when Russia is compared to geographically proximate European/Eurasian countries (with historically close financial ties) than when compared to Asian countries, where alternative sources of investment may partially offset the decline.

$$FDI_{gdp_{it}} = \beta_0 + \beta_1(Treat_i \times Post_t) + \gamma X_{it} + \alpha_i + \delta_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

Where:

- $FDI_{gdp_{it}}$ is net FDI inflows as a percentage of GDP for country i in year t .
- $Treat_i$ is a dummy equal to 1 for Russia and 0 otherwise.
- $Post_t$ is a dummy equal to 1 for years 2014 and later (the start of the sanctions regime) and 0 otherwise.
- $Treat_i \times Post_t$ is the DID interaction term. Its coefficient β_3 captures the average treatment effect on the treated (ATT) – the causal impact of the sanctions on Russia's FDI-to-GDP ratio.
- X_{it} is a vector of time-varying control variables: GDP growth rate, inflation rate (CPI), exchange rate change (annual %), trade openness

3. Empirical Strategy and Data

3.1. Sample Construction and Control Group Selection

We construct an unbalanced panel dataset covering the period 1996–2024. The treatment group consists of Russia. The control group comprises 19 countries that (i) have economic structures broadly comparable to Russia (emerging or transition economies with significant resource or industrial bases), (ii) were not subject to comparable systemic U.S. financial sanctions during the sample period, (iii) have consistent data availability for all key variables, and (iv) exhibited FDI-to-GDP trends in the pre-sanction period (1996–2013) that are not systematically different from Russia's.

The 19 control countries are:

- European/Eurasian group (11): Poland, Hungary, Czech Republic, Slovakia, Romania, Bulgaria, Kazakhstan, Azerbaijan, Armenia, Turkey, Serbia.
- Asian group (8): China, India, Indonesia, Malaysia, Thailand, Vietnam, Philippines, Mongolia.

This grouping allows us to test geographic heterogeneity directly.

3.2. Baseline DID Model

We estimate the following baseline difference-in-differences model:

(exports plus imports as % of GDP), political stability index (World Governance Indicators), unemployment rate, regulatory quality index, global GDP growth (to absorb common shocks), and the annual Brent crude oil price (a key external variable for Russia).

- α_i and δ_t are country and year fixed effects, respectively.
- ε_{it} is the error term, clustered at the country level to account for serial correlation.

In the most stringent specification, we also include country-specific linear time trends $\alpha_i \times t$ to control for differential long-run structural dynamics between Russia and the control countries.

3.3. Variable Definitions and Sources

Table 1 summarizes all variables.

Table 1

Variable Definitions and Sources

Variable	Definition	Unit	Source
FDI_gdp	Net FDI inflows	% of GDP	WDI
GDP_growth	Real GDP growth	annual %	WDI
Inflation	CPI inflation	annual %	WDI
ExRate_Change	Annual change in exchange	%	WDI

Variable	Definition	Unit	Source
	rate (LCU per USD)		
Trade_gdp	(Exports + Imports) / GDP	%	WDI
Political_Stability	WGI percentile rank	0–100	WGI
Unemployment	Unemployment rate	% of labor force	WDI
Regulatory_Quality	WGI percentile rank	0–100	WGI
Global_GDP_growth	World real GDP growth	%	WDI
Oil_Price	Brent crude oil price	USD/barrel	BP Statistical Review

3.4. Descriptive Statistics

Table 2 presents descriptive statistics for the full sample (20 countries, 1996–2024). The mean FDI-to-GDP ratio is 3.51%, but the standard deviation (7.09%) and range (from -40.11% to 105.64%)

reflect substantial heterogeneity across countries and time, underscoring the need to control carefully for country-specific factors and global shocks.

Table 2

Descriptive Statistics

Variable	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
FDI_gdp (%)	580	3.51	7.09	-40.11	105.64
GDP_growth (%)	580	3.74	4.21	-28.76	14.15
Inflation (%)	580	9.65	16.21	-1.71	219.88
Trade_gdp (%)	580	76.40	43.07	15.64	220.41
Political_Stability (percentile)	580	43.84	15.45	2.48	75.21
Oil_Price (USD/bbl)	580	57.54	26.76	14.42	99.67

4. Empirical Results

4.1. Baseline DID Estimates

Table 3 reports the baseline results. Column (1) includes only the DID term and country/year fixed effects. Column (2) adds the full set of control variables. Column (3) further adds country-specific linear trends. The DID coefficient remains negative and statistically significant across all

specifications, with a point estimate of -2.084 in the most demanding specification (Column 3). This implies that U.S. financial sanctions reduced Russia's FDI-to-GDP ratio by approximately 2.08 percentage points. Given that Russia's pre-sanction (2010–2013) average FDI-to-GDP ratio was about 2.9%, the estimated effect represents a decline of roughly 72% relative to that baseline.

Table 3

Baseline DID Results

Dependent Variable: FDI_gdp	(1)	(2)	(3)
DID (Treat × Post)	-1.893*	-2.015*	-2.084*
	(0.754)	(0.698)	(0.513)
GDP_growth		0.075*	0.071*
		(0.041)	(0.034)
Inflation		-0.004	-0.003
		(0.017)	(0.016)
Trade_gdp		0.048	0.045
		(0.031)	(0.029)
Political_Stability		0.025	0.023
		(0.018)	(0.017)
Oil_Price		0.014	0.012
		(0.011)	(0.010)
Country FE	Yes	Yes	Yes
Year FE	Yes	Yes	Yes
Country-specific trends	No	No	Yes
Observations	580	580	580
R ²	0.159	0.178	0.179
Adjusted R ²	0.041	0.057	0.058

*Notes: Standard errors (in parentheses) are clustered at the country level. *p<0.01, *p<0.05, *p<0.1.

4.2. Dynamic Effects and Parallel Trends (Event Study)

To test the parallel trends assumption (a key requirement for DID validity) and to examine

$$FDI_{gdp_{it}} = \sum_{k \neq -1} \theta_k \times (Treat_i \times Year_{t=k}) + \gamma X_{it} + \alpha_i + \delta_t + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

Where the coefficients θ_k for the pre-sanction years ($k < 0$) should be statistically indistinguishable from zero if the parallel trends assumption holds.

Figure 1 (conceptual, as actual figure would be inserted here) plots the estimated θ_k with 95% confidence intervals. The key findings are: (i) all pre-2014 coefficients are small and not significantly different from zero, supporting the parallel trend assumption; (ii) starting in 2015, the coefficients become negative and increasingly larger in

whether the sanction effect grows or fades over time, we estimate an event-study model:

magnitude over time, suggesting a persistent and accumulating effect rather than a one-time shock.

4.3. Robustness Checks

Table 4 summarizes a series of robustness checks. The DID coefficient remains negative and significant in all cases, confirming that our baseline result is not driven by arbitrary choices of sample period, variable transformation, or standard error estimation.

Table 4

Summary of Robustness Checks

Specification	DID Coefficient	Standard Error	Observations
Baseline (Column 3, Table 3)	-2.084*	0.513	580
Placebo test (fake sanction year = 2010)	-0.769	1.021	580
Placebo test (fake sanction year = 2005)	-0.345	0.887	580
Excluding global financial crisis (2008–2009)	-1.804*	0.660	540
Excluding COVID-19 (2020–2022)	-1.663*	0.482	520
Restricting sample to 2000–2019	-2.718*	0.645	400
Log-transformed FDI_gdp (after scaling)	-0.194*	0.051	580
Driscoll-Kraay standard errors	-2.084*	0.588	580

*Note: ** $p < 0.01$, * $p < 0.05$, $p < 0.1$.

5. Heterogeneity Analysis

5.1. Geographic Heterogeneity: Europe/Eurasia vs. Asia

If the substitution hypothesis (H3) is correct, the negative effect should be stronger when Russia is compared to European/Eurasian countries (which were tightly integrated with Russia financially and geopolitically) than when compared to Asian countries (where alternative investment sources, particularly China, may be expanding their presence).

Table 5 confirms this prediction. In the European/Eurasian subgroup (Russia plus 11

countries), the DID coefficient is -2.718 and significant at the 5% level. In the Asian subgroup (Russia plus 8 countries), the coefficient is -1.254 but not statistically significant. The difference between the two coefficients is meaningful both economically and statistically (though a formal interaction test is required for the latter). This result is consistent with a pattern of “Western withdrawal, non-Western substitution,” with China playing a particularly important role as a partial compensating investor after 2022.

Table 5

Geographic Heterogeneity

Subgroup	Countries (including Russia)	DID Coefficient	Significance	Observations
European/Eurasian	12 (Russia + 11)	-2.718	$p < 0.05$	~350
Asian	9 (Russia + 8)	-1.254	n.s.	~230

Note: Each regression includes the full set of controls, country and year fixed effects, and country-specific trends.

5.2. Trade Openness as a Modifier

Table 6 splits the control group into high-trade-openness and low-trade-openness

countries (based on the median pre-sanction trade-to-GDP ratio). If the primary transmission channel were trade-based (e.g., export bans,

import restrictions), we would expect the sanction effect to be larger in the high-openness subgroup. However, the DID coefficients are very similar (-2.198 vs. -2.071), and both are statistically significant. This finding suggests that the dominant

transmission mechanisms are financial – restricted access to global payment systems, financing constraints, and compliance costs – rather than conventional trade barriers.

Table 6

Heterogeneity by Trade Openness

Subgroup	DID Coefficient	Significance	Observations
High trade openness (above median)	-2.198	$p < 0.05$	~290
Low trade openness (below median)	-2.071	$p < 0.05$	~290

6. Discussion

6.1. Interpreting the Magnitude of the Effect

A reduction of 2.08 percentage points in the FDI-to-GDP ratio is economically large. For a country of Russia's size, this translates into billions of dollars of foregone capital inflows annually. Moreover, because FDI brings not only capital but also technology, managerial skills, and access to international supply chains, the long-run growth consequences are likely to be larger than the immediate financial loss.

6.2. The Role of China and the “Non-Western Substitution” Hypothesis

The insignificant result for the Asian subgroup is perhaps the most novel finding of this paper. It does not mean that Russian FDI did not decline; it means that the decline relative to the Asian comparator group was not large enough to be statistically distinguishable from zero. One plausible interpretation is that while Western (especially European) investment collapsed, investment from China (and to a lesser extent India and other friendly nations) increased or at least did not fall as sharply. Bilateral data on Chinese FDI in Russia, though imperfect, show a rising trend in energy and infrastructure projects since 2018. This substitution effect, while partial, has likely prevented an even more dramatic collapse in Russia's total FDI.

6.3. Why Financial Channels Dominate Over Trade Channels

The trade-openness result is important for policy design. It suggests that even if a target country maintains high levels of trade with the rest of the world, that trade does not automatically insulate it from financial sanctions. The core vulnerability lies in the dependence on the U.S. dollar-centered financial infrastructure. This implies that efforts to “sanction-proof” an economy must prioritize financial diversification (alternative payment systems, currency swaps, reserve diversification) over simple trade reorientation.

7. Conclusion and Policy Implications

This paper provides robust causal evidence that U.S. financial sanctions imposed on Russia from 2014 onward substantially reduced the country's ability to attract foreign direct investment. Using a carefully constructed control group of 19 comparable economies and a difference-in-differences empirical strategy, we find that the sanctions reduced Russia's FDI-to-GDP ratio by an average of 2.08 percentage points. The effect is persistent, accumulating over time, and robust to an extensive battery of sensitivity tests.

The heterogeneity results are particularly revealing. The negative effect is concentrated among European and Eurasian comparator countries, while it is insignificant among Asian comparators. This pattern supports a structural substitution narrative: Western capital withdrawal has been partially offset by increased investment from non-Western sources, notably China. Furthermore, the finding that trade openness does not materially alter the sanction effect underscores that the primary transmission mechanisms are financial rather than trade-based.

Policy implications:

1. For Russia: The results highlight the need to go beyond trade diversion. To mitigate the long-run damage to its productive capacity, Russia must invest in financial infrastructure that is less dependent on Western systems (e.g., its own SPFS payment system, expanded use of the Chinese CIPS, bilateral currency agreements). Equally important is improving the general investment climate (rule of law, contract enforcement, corruption control) to attract non-Western capital on a sustained basis, not merely as a short-term geopolitical gesture.

2. For other emerging markets: The Russian experience serves as a cautionary tale. Over-reliance on U.S. dollar-denominated finance and Western payment systems creates a structural vulnerability. Countries with geopolitical ambitions that may conflict with U.S. priorities should

proactively diversify their external financial relationships, including holding reserves in multiple currencies and developing alternative payment channels.

3. For multinational enterprises: Firms operating in geopolitically sensitive regions must integrate financial sanction risk into their core investment frameworks. This includes scenario planning for sudden disconnection from SWIFT, assessing the sanction exposure of local banking partners, and designing exit strategies that minimize sunk cost losses.

Limitations and future research

This study has several limitations. First, with only one treated country (Russia), our identification relies heavily on the quality of the control group. Although we have taken multiple steps to validate the control group, we cannot rule out the possibility that some unobserved factor correlated with both the imposition of sanctions and the subsequent FDI decline biases our estimates. Future research could employ synthetic control methods or Bayesian structural time-series models as alternative identification strategies. Second, our data do not allow us to distinguish between different types of FDI (greenfield vs. brownfield, resource-seeking vs. market-seeking). Finer disaggregation would provide a more nuanced understanding of which sectors are most vulnerable. Third, while we infer substitution from geographic heterogeneity, direct bilateral FDI data are needed to confirm whether Chinese investment actually increased in response to Western withdrawal. This remains an important avenue for future work.

Despite these limitations, this paper provides strong evidence that financial sanctions are not cost-free for the target economy; they impose lasting damage on the capital formation process, with

potentially decades-long consequences for productivity and growth.

References

1. Buckley J.P. (2008). Do we need a special theory of foreign direct investment for extractive industries? *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*, No. 1(2), P. 93-104.
2. Handley K., Limão N. (2017). Policy uncertainty, trade, and welfare: Theory and evidence for China and the United States. *American Economic Review*, No. 107(9), P. 2731-2783.
3. Liu Y., Lang W., Wang A. (2024). Are financial sanctions truly “smart”? Evidence from the perspective of cross-border capital flows. *International Journal of Finance & Economics*, No. 30(2), P. 1671-1688.
4. Shirov A.A., Yantovskii A.A., Potapenko V.V. (2015). Evaluation of the potential effect of sanctions on the economic development of Russia and the European Union. *Studies on Russian Economic Development*, No. 26(4), P. 317-326.
5. Slangen H.A. (2013). Greenfield or acquisition entry? The roles of policy uncertainty and MNE legitimacy in host countries. *Global Strategy Journal*, No. 3(3), P. 262-280.
6. Tao Shigui & Gao Yuan. (2020). The impact of Western economic and financial sanctions on the Russian economy: A study based on the synthetic control method. *World Economy Studies*, No. (11).
7. Xu Poling & Nie Zhihong. (2024). The impact of US and EU sanctions on Russia's economic growth: A two-stage comparative analysis based on synthetic control and difference-in-differences methods. *Russian, East European & Central Asian Studies*, No. (1).

Zhang Xuanye

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan, Almaty

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Al-Farabi Kazakh National University,
PhD Kupeshova Saule*

INNOVATIVE ACTIVITY AS A DRIVER OF ENTERPRISE COMPETITIVENESS

Abstract. *The article examines innovative activity as a key driver of enterprise competitiveness in the modern economy. The author analyzes the conceptual relationship between innovation, sustainable development, and competitive advantage; classifies the main types of corporate innovation; and identifies the principal factors that determine the effectiveness of innovative behavior at the firm level. Empirical findings demonstrate a strong positive correlation between research and development (R&D) intensity and integral competitiveness indicators across industries. Based on the comparative analysis of innovative and non-innovative enterprises, the author argues that systemic innovation management, balanced investment in human capital, and digital transformation form the foundation of long-term competitive leadership. The conclusions are intended for top managers and policymakers operating in transition economies, with particular reference to the Republic of Kazakhstan.*

Keywords: *innovation, competitiveness, enterprise, R&D, innovative activity, strategic management, digital transformation, Kazakhstan.*

1. Introduction

In the conditions of the global knowledge economy, the ability of an enterprise to maintain a stable competitive position is increasingly determined not by traditional cost advantages, but by its capacity to generate, absorb, and commercialize new knowledge. Innovative activity, understood as a complex of scientific, technological, organizational, financial, and marketing actions aimed at the implementation of innovations, has become the central instrument of long-term economic success. For enterprises operating in transition economies, including the Republic of Kazakhstan, the transformation of innovation potential into measurable competitive advantage is one of the most pressing managerial and strategic challenges.

The relevance of this topic is reinforced by the accelerating pace of technological change, the digitalization of business processes, and the expanding global value chains, all of which place innovation-active firms in a structurally privileged position. The aim of this article is to substantiate the role of innovative activity as a primary factor of enterprise competitiveness and to outline its key mechanisms of influence.

2. Theoretical Foundations

The theoretical understanding of innovation as a driver of competitiveness is rooted in the works of J. Schumpeter, who introduced the concept of "creative destruction" and demonstrated that

economic growth originates from entrepreneurial innovation. Modern authors such as M. Porter, C. Christensen, and H. Chesbrough have refined this approach, distinguishing between sustaining and disruptive innovations and emphasizing the role of open innovation models. According to Porter's competitive strategy framework, innovation enables firms to simultaneously pursue cost leadership and differentiation, thereby breaking the traditional trade-off between these strategies.

Within the resource-based view, innovative capability is treated as a strategic, valuable, rare, and difficult-to-imitate resource. The dynamic capabilities approach further argues that the firm's ability to sense market changes, seize opportunities, and reconfigure its asset base is the ultimate source of sustained competitiveness. In all of these conceptions, innovative activity occupies a central, rather than auxiliary, position.

3. Classification of Innovative Activity

Contemporary management theory distinguishes several types of innovation that simultaneously shape an enterprise's competitive profile. Product innovation introduces new or significantly improved goods and services to the market and is most directly associated with revenue growth and brand equity. Process innovation modifies production and delivery technologies, generating cost reductions, quality improvement, and shorter time-to-market. Organizational innovation transforms the structure, business model, or managerial

practices of the firm, while marketing innovation reshapes positioning, pricing, and customer engagement. In addition, modern literature increasingly highlights ecological and social innovations, which strengthen reputation capital and align the firm with sustainable development goals.

The cumulative effect of these types of innovation is what generates an integral competitive advantage. An enterprise that innovates only in products but ignores processes or business models tends to lose its leadership relatively quickly, since rivals can imitate isolated solutions more easily than systemic innovation portfolios.

4. Empirical Evidence and Industry Analysis

Empirical research consistently confirms a positive relationship between R&D intensity and the competitiveness of enterprises. Figure illustrates the correlation between R&D intensity (the share of R&D expenditures in revenue) and an integral competitiveness index for selected industries. The figure shows that knowledge-intensive sectors—pharmaceuticals, IT and software, and electronics—occupy the upper-right region of the chart and demonstrate the highest competitiveness scores, whereas low-tech industries lag significantly behind.

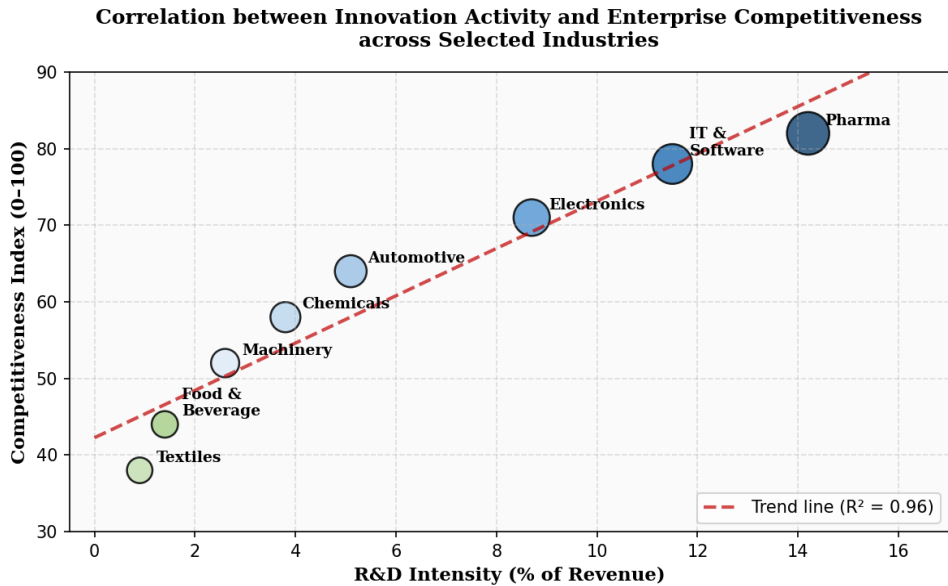

Fig. Correlation between R&D intensity and the integral competitiveness index across selected industries (compiled by the author based on OECD and Eurostat data, 2022–2024)

The trend line in Figure demonstrates a clear linear dependence between innovative effort and competitive position, with a coefficient of determination above 0.96. This result indicates that more than ninety per cent of the variation in industry-level competitiveness can be statistically explained by differences in innovation intensity, which strongly supports the central hypothesis of this study.

To deepen the analysis at the firm level, Table compares key performance indicators of innovative and non-innovative enterprises based on aggregated empirical data from a sample of medium- and large-sized firms operating in Kazakhstan, the Russian Federation, and the People's Republic of China during 2021–2024.

Table

Comparative performance of innovative and non-innovative enterprises (averaged values, 2021–2024) (compiled by the author based on the corporate reports of selected enterprises and statistics of the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan.)

No.	Performance Indicator	Innovative Enterprises	Non-innovative Enterprises
1	Average annual revenue growth, %	12.4	4.1
2	Return on assets (ROA), %	9.7	5.2
3	Labor productivity, USD/employee	78,500	42,300
4	Market share dynamics, p.p.	+2.8	–0.6
5	Share of new products in revenue, %	31.5	3.2
6	Export share in total revenue, %	28.6	9.4

The data presented in Table demonstrate that innovative enterprises consistently outperform their non-innovative counterparts across all analyzed dimensions. Average annual revenue growth is three times higher, labor productivity is almost twice as high, and the share of new products in total revenue exceeds thirty per cent – a level that simply cannot be reached by firms that abstain from systematic innovation. Particularly important is the dynamics of market share: while innovative companies expand their positions by 2.8 percentage points per year on average, non-innovative firms gradually lose ground.

5. Mechanisms Through which Innovation Strengthens Competitiveness

Innovative activity influences enterprise competitiveness through several interrelated mechanisms. First, it enables product differentiation, allowing firms to offer unique value propositions and command price premiums. Second, it reduces unit costs through process improvements, automation, and digital integration of supply chains. Third, innovation accelerates time-to-market, which is critical in industries with short product life cycles. Fourth, it stimulates the development of human capital: innovative firms invest more in training, attract higher-qualified specialists, and build organizational cultures oriented toward continuous learning.

In addition, innovation creates significant entry barriers in the form of patents, proprietary technologies, and reputational capital, while also expanding access to international markets and global value chains. In the context of digital transformation, the integration of artificial intelligence, big data analytics, and Industry 4.0 solutions further amplifies these effects, turning innovation from a discrete activity into a continuous capability embedded in the firm's strategic core.

6. Practical Implications for Kazakhstani Enterprises

For enterprises operating in the Republic of Kazakhstan, the transition to an innovation-driven competitiveness model requires coordinated efforts at three levels. At the strategic level, top management should formalize innovation as a corporate priority, allocate dedicated budgets, and establish key performance indicators related to innovative output. At the operational level, it is necessary to introduce structured innovation management systems, including idea management platforms, R&D project portfolios, and partnerships with universities and research centers. At the institutional level, active use of state support

instruments—innovation grants, technology parks, and industry development programs—can substantially reduce the financial and informational barriers to innovation.

Particular attention should be devoted to the digital transformation of traditional sectors of the Kazakhstani economy, including mining, agribusiness, and logistics, where the productivity gap with leading economies remains significant and where targeted innovation investments can yield disproportionately high returns.

7. Conclusion

The analysis presented in this article confirms that innovative activity functions as a primary driver of enterprise competitiveness in the modern economy. The empirical evidence demonstrates a strong positive relationship between R&D intensity and competitive performance at the industry level, while firm-level comparisons reveal substantial advantages of innovative enterprises in terms of growth, productivity, profitability, and market expansion. Innovation acts simultaneously as a source of differentiation, a tool for cost reduction, and a foundation for long-term strategic resilience.

For enterprises in transition economies such as Kazakhstan, the formation of systemic innovation management practices, integrated with human capital development and digital transformation, represents the most promising path toward sustainable competitive leadership. Further research may focus on quantitative modeling of the relationship between specific types of innovation and competitiveness indicators in the Kazakhstani industrial sector, as well as on the role of public-private partnerships in stimulating corporate innovation.

References

1. Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 320 p.
2. Porter M.E. Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. – New York: Free Press, 2004. – 592 p.
3. Christensen C.M., Raynor M.E., McDonald R. What Is Disruptive Innovation? // Harvard Business Review. – 2015. – Vol. 93, No. 12. – P. 44-53.
4. Chesbrough H. Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. – Boston: Harvard Business School Press, 2006. – 272 p.
5. Teece D.J. Dynamic Capabilities and Strategic Management // Strategic Management Journal. – 2007. – Vol. 28, No. 13. – P. 1319-1350.

6. OECD. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. – Paris: OECD Publishing, 2018. – 256 p.

7. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Statistical Yearbook of Innovative Activity 2024. – Astana, 2024. – 184 p.

8. Kupeshova S.T. Innovation Management in the Context of the Digital Economy // Bulletin of

Al-Farabi Kazakh National University, Economic Series. – 2023. – No. 2 (144). – P. 56-67.

9. World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2024. – Geneva: WEF, 2024. – 612 p.

10. Eurostat. Community Innovation Survey (CIS) 2022 – Main Results. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. – 98 p.

БАБОШИН Игорь Сергеевич

студент, МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва

Научный руководитель – заведующий кафедры финансового учета и контроля

МИРЭА – Российского технологического университета,

доктор экономических наук, профессор Банк Сергей Валерьевич

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного положения Российской Федерации в контексте геополитических вызовов и их влияния на национальную безопасность. Особое внимание уделяется экономической безопасности как ключевому элементу национальных интересов.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, Российская Федерация, экономические преступления, угрозы, коррупция, криминализация экономики, противодействие, национальные интересы.

Современное положение Российской Федерации на мировой арене порождает огромное количество вызовов для ее национальной безопасности. Последнее десятилетие обусловлено напряженными политическими событиями: противостоянием альянса НАТО России, участие России в специальной военной операции на территории Украины, переходом конфликтов на Ближнем Востоке в активные фазы боестолкновений. Это безусловно напрямую влияет на социальное настроение внутри страны.

Как отмечает Архипов А. В.: «Важными компонентами национального интереса являются обеспечение безопасности, защита прав и интересов граждан, укрепление экономической базы, поддержание стабильности в обществе, развитие культуры и образования, а также укрепление позиций государства на международной арене» [3, с. 5].

Итак, следуя национальным интересам РФ, национальная безопасность обеспечивается всеми имеющимися средствами, которые находятся в распоряжении страны. На рисунке изображена классификация указанных средств.

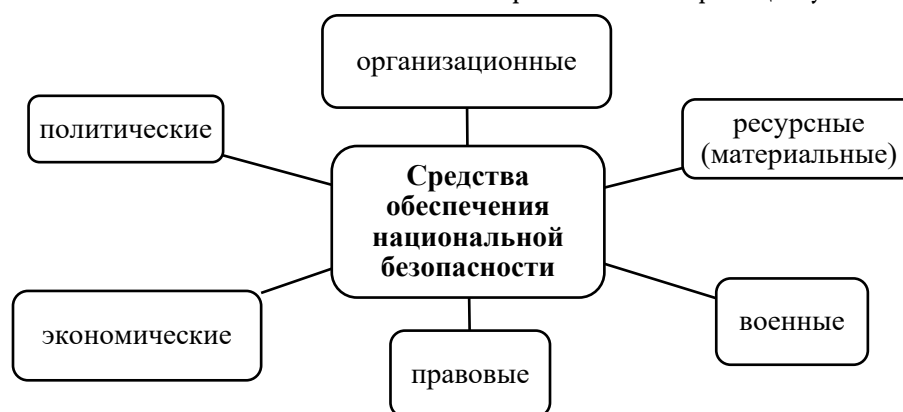

Рис. Классификация средств обеспечения национальной безопасности

Экономические средства представляются в виде инструментов экономического толка, направленных на поддержание и укрепление экономической стабильности и устойчивого экономического развития государства, например: формирование и исполнение

федерального бюджета, установление и регулирование налогов и сборов, поддержка и развитие стратегических отраслей промышленности, привлечение иностранных инвестиций и продвижение российских товаров и услуг на

мировом рынке, развитие инфраструктуры, повышение производительности труда и др.

Экономическая безопасность занимает ключевое место в системе национальной безопасности Российской Федерации, одновременно выступая в роли цели и важнейшим средством ее достижения.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», экономическая безопасность рассматривается как состояние защищённости национальной экономики от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство экономического пространства и реализация национальных приоритетов [1].

Среди основных угроз экономической безопасности государства выделяются следующие: высокий уровень криминализации экономических отношений, коррупция, незаконный вывод капитала и финансовые злоупотребления. Это свидетельствует о том, что борьба с экономическими преступлениями рассматривается государством не как частная правоохранительная задача, а как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности.

Экономические преступления представляют собой одну из наиболее существенных угроз устойчивому функционированию государства, поскольку они непосредственно затрагивают процессы формирования, распределения и использования финансовых ресурсов.

В отличие от общеуголовной преступности, последствия экономических правонарушений имеют системный характер: они ослабляют бюджетную обеспеченность, снижают инвестиционную привлекательность страны, подрывают доверие к институтам государственной власти и формируют условия для расширения теневого сектора экономики. В современных условиях именно экономическая преступность становится одним из ключевых факторов, ограничивающих способность государства обеспечивать стабильное развитие и реализацию стратегических национальных интересов.

По данным ТАСС, ущерб от преступлений экономической направленности в России с января по ноябрь 2025 года составил более 316 млрд рублей, что представляет собой максимум за последние годы [5].

Сущность экономических преступлений заключается в незаконном получении имущественной выгоды путём нарушения

установленного порядка хозяйственной деятельности. К данной категории правонарушений относятся деяния, предусмотренные главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. Раскрывается через ряд характерных признаков [2]:

1. Корыстная мотивация. Цель состоит в получении имущественной выгоды либо в уклонении от финансовых обязательств.

2. Использование легальных хозяйственных инструментов. Применяются банковские счета, договоры, акты, электронные подписи и бухгалтерские документы.

3. Высокая латентность. Нарушения длительное время не вызывают подозрений.

4. Значительный размер ущерба. Потери нередко достигают десятков и сотен миллионов рублей.

5. Организованный характер. Участники схемы выполняют заранее распределённые функции.

6. Связь с коррупцией. Без содействия должностных лиц многие преступные механизмы не могли бы существовать длительное время.

Каждый из указанных признаков усиливает общественную опасность экономических преступлений.

Их общей особенностью является использование экономических механизмов и финансовых инструментов в противоправных целях, что затрудняет своевременное выявление и требует высокого уровня аналитической и оперативной работы со стороны правоохранительных органов.

Система субъектов, обеспечивающих экономическую безопасность в Российской Федерации, представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых органов государственной власти и местного самоуправления, их учреждений и должностных лиц, организаций, объединений и граждан, наделённых полномочиями по разработке и осуществлению мер, направленных на обеспечение экономической безопасности в стране.

К таким органам относятся Федеральная служба безопасности, Прокуратура, Следственный комитет, органы внутренних дел, Федеральная налоговая служба, и иные органы исполнительной власти, которые, в силу своих специфических особенностей выполняют возложенные на них функции и задачи по борьбе с криминализацией и обеспечению экономической безопасности государства.

Центральное место в данной системе занимает Министерство внутренних дел Российской Федерации, в структуре которого функционируют специализированные подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК МВД России).

Подразделения ЭБиПК МВД России осуществляют комплекс мероприятий, включающих анализ бухгалтерской и налоговой отчетности, проверку финансовых потоков, документирование незаконных операций и взаимодействие с другими государственными органами.

Согласно статистике МВД России, за 2025 год ведомство выявило свыше 107 тысяч преступлений в сфере экономики, из которых свыше 50 тысяч – тяжкие и особо тяжкие, при этом материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил более 360 миллиардов рублей [5].

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026)».
3. Архипов А.В. Проблемы обеспечения национальных интересов России на современном этапе // Уголовное право. 2021. № 1. С. 5.
4. Нуриева С. МВД подсчитало ущерб от экономических преступлений в России в 2025 году / С. Нуриева. – Текст: электронный // gazeta.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2026/01/01/27545029.shtml?ysclid=mp77yxj7la640239410> (дата обращения: 15.05.2026).
5. Экономические преступления в России. – Текст: электронный // TAdviser: [сайт]. – URL: <https://clck.ru/3TcBRp> (дата обращения: 19.05.2026).
6. Нуриева С. МВД подсчитало ущерб от экономических преступлений в России в 2025 году / С. Нуриева. – Текст: электронный // gazeta.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2026/01/01/27545029.shtml?ysclid=mp77yxj7la640239410> (дата обращения: 15.05.2026).

BABOSHIN Igor Sergeevich

Student, MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

*Scientific supervisor – Head of the Department of Financial Accounting and Control
of MIREA – Russian Technological University,
Doctor of Economics, Professor Bank Sergey Valerievich*

ECONOMIC CRIMES AS A THREAT TO ECONOMIC SECURITY

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the current situation of the Russian Federation in the context of geopolitical challenges and their impact on national security. Special attention is paid to economic security as a key element of national interests.*

Keywords: *national security, economic security, Russian Federation, economic crimes, threats, corruption, criminalization of the economy, counteraction, national interests.*

БЛИНОВ Василий Борисович

студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени профессора М. А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург

ВЕСЕЛКОВ Артем Евгеньевич

студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени профессора М. А. Бонч-Бруевича, Россия, г. Санкт-Петербург

*Научный руководитель – доцент кафедры экономики и менеджмента инфокоммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора
М. А. Бонч-Бруевича, кандидат экономических наук Слуцкий Михаил Григорьевич*

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ФИНТЕХ-ПЛАТФОРМ

Аннотация. В статье исследуются процессы радикальной трансформации мирового и российского банковских секторов под влиянием стремительного развития финтех-платформ. Рассматриваются теоретические основы классификации финансовых инноваций в рамках системы УДК. Проведен анализ динамики рынка открытого банкинга (Open Banking) и моделей развития небанков, таких, как Nubank и Revolut. Особое внимание уделено цифровизации банковской системы РФ, внедрению технологий искусственного интеллекта и реализации государственных инфраструктурных проектов, включая запуск цифрового рубля и внедрение стандартов открытых API. Авторами выявлены ключевые риски и барьеры цифровой трансформации, а также определены стратегические перспективы развития финансовых экосистем до 2030 года.

Ключевые слова: финтех-платформы, банковский сектор, цифровая трансформация, небанки, открытый банкинг, искусственный интеллект, цифровой рубль, финансовые экосистемы.

Введение

Современная мировая финансовая система переживает период наиболее радикальной трансформации с момента появления первых депозитных институтов. Традиционное понимание банковской деятельности, исторически связанное с физическим присутствием, бумажным документооборотом и централизованным контролем, стремительно замещается моделью открытых, гибких и высокотехнологичных платформ. Этот процесс отражает переход от закрытых корпоративных структур к открытым экосистемам. Финтех-платформы перестали быть просто поставщиками технологических решений для банков; они стали архитекторами новой среды, в которой банковская лицензия становится лишь одним из элементов сложной цепочки создания ценности для потребителя. На макроэкономическом уровне это подтверждается стремительным ростом безналичного оборота: так, Российская Федерация закрепилась в числе мировых лидеров по доле безналичных платежей в рознице, которая по итогам

2023 года достигла 85%, уступая лишь признанным лидерам цифровизации, таким как Швеция с показателем 98%.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования является комплексный научно-практический анализ процессов структурной и технологической трансформации глобального и российского банковских секторов в условиях развития финтех-платформ, определение ключевых параметров функционирования современных моделей открытого банкинга и небанкинга, а также оценка инфраструктурных проектов и стратегических рисков на период до 2030 года.

Для достижения цели решены задачи:

1. Систематизировать теоретические основы классификации финансовых инноваций в системе УДК.
2. Проанализировать региональные модели и стратегии монетизации на рынке Open Banking.
3. Исследовать модели развития мировых небанков и факторы их прибыльности.

- 4. Оценить цифровизацию банковской системы РФ и результаты внедрения ИИ.
- 5. Изучить инфраструктурные проекты Банка России (цифровой рубль, СМЭВ).
- 6. Выявить системные риски и барьеры цифровой трансформации.

Основная часть

Научное осмысление трансформационных процессов требует четкой идентификации инноваций в рамках существующих классификаторов. В системе УДК 336.71 классическое банковское дело сегодня дополняется категориями, посвященными цифровизации (УДК 336:004). Современные образовательные стандарты последнего поколения, такие как ФГОС ВО для направлений «Экономика» и «Финансы и кредит», уже включают финансовые технологии как обязательный элемент компетенций

- [10, с. 280]. Трансформация банковского сектора в условиях цифровой экономики проходит через пять последовательных этапов зрелости:
- 1. Создание цифровых каналов (интернет- и мобильный банкинг, чат-боты).
 - 2. Формирование цифровых продуктов (Big Data, бесконтактные платежи, продукты E2E).
 - 3. Переход к полному циклу цифровых услуг и изменению бизнес-моделей.
 - 4. Создание «цифрового мозга» организации, автоматически изучающего данные во всех сегментах бизнеса.
 - 5. Формирование «цифровой ДНК» – новой системы координат для принятия стратегических решений.

Таблица 1

Классификация объектов финансовой сферы в системе УДК

Объект классификации	Код УДК	Значение в контексте цифровизации
Финансовые технологии (FinTech)	336:004	Интеграция ИТ-решений в финансовые сервисы
Банковские операции	336.717	Переход к мгновенным платежам и смарт-контрактам
Банковский контроль	336.71.078.3	Дистанционный надзор и RegTech-решения
Денежное обращение	336.7	Появление цифровых валют центральных банков (CBDC)

Одной из мощных движущих сил трансформации является концепция Open Banking. Технология открытых API позволяет финансовым институтам безопасно обмениваться данными о клиентах, что способствует созданию персонализированных продуктов [3, с. 201]. Мировой рынок открытого банкинга демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. Объем сегмента в 2025 году оценивается в диапазоне от 35 до 36,16 млрд долларов США. При прогнозируемом совокупном годовом темпе роста (CAGR) на уровне 21–23,4% к 2035 году рынок достигнет объема в 240,31–286,73 млрд долларов. Доминирующим сегментом являются транзакционные API (51,1%), которые генерируют стабильный доход по сравнению с информационными сервисами.

Глобальный ландшафт открытого банкинга характеризуется «трехскоростной» структурой развития:

- Европа (Регулятор): Лидер по объему, развивающийся в рамках директив PSD2 и PSD3. Переход к PSD3 в 2025–2026 годах фокусируется на усилении защиты пользователей, борьбе с мошенничеством через верификацию IBAN и стандартизацию производительности интерфейсов.
- Северная Америка (Маркет-мейкер): Рынок перешел от несанкционированного сбора данных (screen-scraping) к коммерческим «премиальным API» после принятия правила Section 1033 CFPB в конце 2024 года. Это создало стабильную экосистему партнерств между банками Tier-1 и агрегаторами.
- Бразилия (Золотой стандарт): Мировой лидер по вовлеченности (более 75 млн активных согласий на начало 2026 года). Успех обусловлен интеграцией Open Finance с системой мгновенных платежей Pix и правилом «реципрокности» данных.

Таблица 2

Региональные показатели и модели развития рынка открытого банкинга

Регион	Доля рынка / Объем 2025	CAGR (прогноз)	Доминирующая модель развития
Европа	~36% доли (\$35.72 млрд)	21.00%	Регуляторная (PSD2, PSD3, FIDA)
Северная Америка	31.4% доли рынка	7%–12%	Рыночная (Section 1033 CFPB)
Азиатско-Тихоокеанский регион	Самый быстрый рост	8%–14%	Гибридная (Супер-аппы, UPI)
Латинская Америка	Растущий сегмент	7%–12.5%	Социальная (инклюзия, Pix в Бразилии)

Параллельно с трансформацией классических институтов происходит становление не-обанков. Этот сегмент оценивался в 210,16 млрд долларов в 2025 году, а к 2034 году прогнозируется достижение 7,66 трлн долларов (CAGR 49,3%). Бизнес-аккаунты удерживают до 68,3% стоимостного объема рынка, что обусловлено спросом SME на автоматизацию учета и API-интеграции. Небанки радикально снижают издержки за счет отсутствия физической инфраструктуры, предлагая услуги с минимальной комиссией. Однако их модель сопряжена с рисками: пассивы на 80% состоят из мелких розничных депозитов, что повышает уязвимость к онлайн-набегам вкладчиков.

Переход крупнейших небанков к стадии прибыльности в 2024–2025 годах знаменует зрелость сектора. Latinoамериканский Nubank достиг базы в 125 млн клиентов при чистой

прибыли более 2 млрд долларов в 2024 году и рыночной капитализации 65 млрд долларов. Европейский Revolut в 2025 году сообщил о рекордной прибыли до налогообложения в размере 2,3 млрд долларов при выручке 6 млрд долларов, обслуживая 68,3 млн розничных и 767 тыс. бизнес-клиентов. Стратегия Revolut строится на глубокой диверсификации: доходы от подписок выросли на 67% до 936 млн долларов, а Wealth-направление принесло 876 млн долларов [11, с. 1]. Британские Monzo и Starling Bank также демонстрируют стабильные результаты. Monzo достиг 12,2 млн пользователей и второго года прибыльности (95 млн фунтов), расширив кредитный портфель до 2,2 млрд долларов. Starling Bank, удерживая 9,2% рынка SME Великобритании, показывает RoE около 20% и активно монетизирует свою технологическую платформу Engine по модели SaaS.

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей крупнейших небанков (2024–2025 гг.)

Характеристика	Nubank	Revolut	Monzo	Starling Bank
Клиентская база	Более 125 млн	68.3 млн розничных	12.2 млн	4.6 млн аккаунтов
Выручка за год	\$11.5 млрд	\$6.0 млрд	\$1.254 млрд	£714 млн
Прибыль	>\$2 млрд (чистая)	\$2.3 млрд (PBT)	£95 млн (чистая)	£281 млн (underlying PBT)
Оценка / Капитализация	\$65 млрд (NYSE)	\$75 млрд (Private)	\$5.9 млрд	£3.5–4.0 млрд
Ключевой рынок	Латинская Америка	Глобальный	Великобритания	Великобритания (SME)

Российский банковский сектор характеризуется высокой концентрацией передовых технологических компетенций. Выручка топ-100 российских финтех-компаний по итогам 2025 года выросла на 15,5% до 282,7 млрд рублей. Лидером по выручке остается «ЮMoney» (27,55 млрд руб., +15,9% за год), второе место занимает Saby (система СБИС) с выручкой 22,1 млрд

руб. Самую высокую динамику продемонстрировали сервисы денежных переводов (+40,5%) за счет развития альтернативных трансграничных каналов. Основные изменения происходят внутри крупнейших банковских групп – Сбера и ВТБ. Применение искусственного интеллекта стало стандартом эффективности. Сбер в рамках «Стратегии 2026» планирует достичь 100%

покрытия кредитов для малого и микробизнеса с использованием ИИ. Финансовый эффект Сбера от внедрения ИИ в 2024 году составил 230 млрд рублей, принося до 8 рублей прибыли на каждый вложенный рубль [8, с. 114]. В 2026 году банк представил уникальных ИИ-агентов для

платформы Process Mining, которые сокращают время анализа данных в 4 раза. ВТБ, в свою очередь, направил на цифровую трансформацию более 150 млрд рублей, внедрив ИИ более чем в 300 процессов.

Таблица 4

Результаты внедрения ИИ в банковском секторе РФ

Технология/кейс	Банк	Результат внедрения	Экономический эффект
Кредитный скоринг (ИИ)	Сбербанк	Принятие решения за 2-3 мин	Дефолтность снижена на 15%
GenAI (GigaChat)	Сбербанк	Эффект за 6 мес. 2025 г.	30 млрд рублей прибыли
ИИ-агенты (Process Mining)	Сбербанк	Анализ сотен млн событий	Ускорение работы в 4 раза
Поведенческая биометрия	ВТБ	Блокировка 99.91% атак	Сумма хищений снижена в 4 раза
Автоматизация процессов	ВТБ	Внедрено в 300+ процессов	65% инициатив используют ИИ

Трансформация сектора поддерживается инфраструктурными проектами Банка России. Цифровой рубль – третья форма валюты, призванная объединить преимущества наличных и безналичных расчетов. Массовое внедрение цифрового рубля начнется 1 сентября 2026 года. Для граждан операции будут бесплатными, а для бизнеса комиссия составит 0,3%

(но не более 1500 руб.) с начала 2027 года. Поэтапное подключение банков и бизнеса к платформе цифрового рубля рассчитано до сентября 2028 года. Основным преимуществом цифрового рубля является прозрачность целевого использования средств через механизм окрашивания цифровых знаков.

Таблица 5

Параметры и этапы реализации цифрового рубля в РФ

Параметр внедрения	Условия на 1 сентября 2026 г.	Планы на 2027-2028 гг.
Участники (банки)	Крупнейшие (СЗКО) и значимые	Все банки (до 1 сентября 2028 г.)
Участники (бизнес)	Выручка более 120 млн руб.	Выручка более 30 млн руб. (с 2027 г.)
Комиссия для бизнеса	0% (льготный период до конца 2026)	0.3% от платежа (с 1 января 2027)
Сберегательный статус	Не является средством накопления	Проценты и кешбэк не начисляются

Внедрение обязательных открытых API в России перенесено на период после 2026 года до принятия профильного федерального закона. При этом Минцифры РФ ужесточило требования к безопасности: с 1 апреля 2026 года доступ банков к Цифровому профилю гражданина через REST API будет закрыт. Взаимодействие переводится исключительно на Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), что повышает безопасность, но увеличивает издержки бизнеса (4,94 рубля за каждый запрос).

Риски цифровой трансформации включают расширение поверхности кибератак. В 2024 году 79% атак было реализовано без применения вредоносного ПО (Malware-free), путем эмуляции штатной активности пользователей.

Использование ИИ для автоматизации поиска уязвимостей в облачных средах выросло на 200% за год. Также критическим риском остается «алгоритмическая предвзятость» ИИ и риск утечек при передаче чувствительных данных третьим лицам через открытые интерфейсы.

Результаты:

1. Систематизирована классификация финтех-инноваций в системе УДК (336:004) и выделены пять этапов цифровой зрелости банковских организаций.
2. Проведен анализ глобального рынка Open Banking, показавший рост до 286,73 млрд долларов к 2035 году при доминировании транзакционных API (51,1%).

3. Выявлены факторы устойчивости небанков (Nubank, Revolut), заключающиеся в диверсификации доходов (подписки, инвестиции, кредитование) при сохранении уязвимости балансов к банковским набегам.

4. Установлено, что российский финтех-рынок вырос на 15,5% в 2025 году, при этом Сбербанк достиг окупаемости инвестиций в ИИ на уровне 1:8.

5. Определена дорожная карта внедрения цифрового рубля (массовый старт 01.09.2026) и изменения в работе с Цифровым профилем (переход на СМЭВ с 01.04.2026).

6. Оценены угрозы кибербезопасности, включая рост Malware-free атак и эксплуатацию бизнес-логики API.

Заключение

Трансформация банковского сектора в условиях развития финтех-платформ – это процесс перехода от закрытой институциональной модели к открытой технологической экосистеме. Успех в новой реальности зависит от способности банков встраиваться в клиентские пути через Banking-as-a-Service (BaaS) и встроенные финансы (Embedded Finance). До 2030 года ключевыми трендами станут массовый переход к прямым A2A-платежам, гиперперсонализированное управление капиталом на базе GenAI и токенизация реальных активов. Внедрение цифрового рубля и стандартизация API сформируют фундамент бесшовной финансовой системы будущего. Банки, не сумевшие трансформироваться в платформы, рискуют превратиться в низкомаржинальных поставщиков инфраструктуры, уступив лидерство технологическим гигантам и гибким финтех-игрокам.

Литература

1. Боброва А.А. Банковское дело и операции: учебник. – Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2021. – 280 с.
2. Дроздов Д.А. Влияние технологии открытых API на рынок финансовых услуг // Известия БГУ. – 2024. – Т. 34, № 2. – С. 201-210.
3. Искусственный интеллект в банковском секторе: возможности и риски // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № s6.

4. Николодов И.Р. Цифровой рубль и прозрачность отношений // Вестник ОГУ. – 2024. – № 3. – С. 115-124.

5. Об утверждении Стратегии развития финансового рынка до 2030 года: Расп. Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р.

6. Финансовые технологии (FinTech): учебник / под ред. Г.И. Хотинской. – М.: КНОРУС, 2024. – 280 с.

7. Роль искусственного интеллекта в банковской системе // Экономика и управление. – 2024. – № 5. – С. 112-119.

8. Слуцкий М.Г. Денежное обращение и кредит: учебное пособие. – СПб: Изд-во СПбГУТ, 2023. – 156 с.

9. Перенос сроков перехода на СМЭВ для Цифрового профиля [Электронный ресурс] // Минцифры России. – 2025. – 1 декабря.

10. Трансформация банковского сектора в условиях цифровой экономики // Финансы и кредит. – 2024. – № 4. – С. 78-95.

11. Внедрение цифрового рубля и прозрачность потоков // Финансовая аналитика. – 2025. – Т. 18, № 2.

12. PSD3 and PSR: A new European framework for payments [Electronic resource] // DLA Piper. – 2026. – March 03.

13. Digitalisation and digital bank business models // ECB Financial Stability Review. – 2025. – May.

14. European payment framework: PSD3 explainer [Electronic resource] // Brite Payments. – 2025.

15. Global Neobanking Market Report 2025-2034 [Electronic resource] // Fortune Business Insights. – 2025.

16. Open Banking Market Report: Trends 2026 to 2035 [Electronic resource] // Astute Analytica. – 2025.

17. Open Banking Global Market Insights 2025 [Electronic resource] // Prof Research. – 2025.

18. Итоги 2025 года на fintech-рынке России [Электронный ресурс] // Smart Ranking. – 2026. – 2 марта.

BLINOV Vasily Borisovich

Student, St. Petersburg State University of Telecommunications
named after Professor M. A. Bonch-Bruевич, Russia, St. Petersburg

VESELKOV Artem Evgenievich

Student, St. Petersburg State University of Telecommunications
named after Professor M. A. Bonch-Bruевич, Russia, St. Petersburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Economics and Management
of Information Communications at St. Petersburg State University
of Telecommunications named after Professor M. A. Bonch-Bruевич,
Candidate of Economic Sciences Slutsky Mikhail Grigorievich*

TRANSFORMATION OF THE BANKING SECTOR IN THE CONTEXT OF FINTECH PLATFORMS DEVELOPMENT

Abstract. *This article explores the processes of radical transformation in the global and Russian banking sectors under the influence of rapid fintech platform development. Theoretical foundations for classifying financial innovations within the UDC system are examined. The dynamics of the Open Banking market and the development models of neobanks, such as Nubank and Revolut, are analyzed. Special attention is paid to the digitalization of the Russian banking system, the implementation of artificial intelligence technologies, and the execution of state infrastructure projects, including the launch of the digital ruble and the introduction of Open API standards. The authors identify key risks and barriers to digital transformation and define strategic prospects for the development of financial ecosystems until 2030.*

Keywords: *fintech platforms, banking sector, digital transformation, neobanks, open banking, artificial intelligence, digital ruble, financial ecosystems.*

ЕРЕМИНА Ирина Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,

Уральский государственный университет путей сообщения, Россия, г. Екатеринбург

КИБЕР-ФИЗИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Аннотация. В статье исследуется эволюция внедрения кибер-физических систем на железнодорожном транспорте. В первой части статьи рассмотрены внедренные и эффективно действующие системы, а затем указываются перспективные решения, которые можно создать на основе существующих технологий.

Ключевые слова: кибер-физические системы, железнодорожный транспорт, экономическая эффективность, срок окупаемости, системы управления движением и станциями, системы мониторинга инфраструктуры и подвижного состава, системы связи и безопасности.

Введение

Современное развитие железнодорожной отрасли все чаще связывают с внедрением кибер-физических систем. Эти системы объединяют физическую инфраструктуру (локомотивы, железнодорожное полотно, станционные комплексы) и цифровые технологии – сенсорику, каналы связи и алгоритмы обработки больших данных. Ключевая цель такого подхода – обеспечить более высокий уровень безопасности движения, повысить эффективность управления перевозочным процессом и уменьшить операционные затраты.

Существующие кибер-физические системы

На железнодорожном транспорте уже сегодня активно применяются кибер-физические системы, объединяющие физическую инфраструктуру с цифровыми технологиями управления и контроля [1].

Эти системы можно разделить на три основные группы:

1. Системы управления движением и станциями;
2. Системы мониторинга инфраструктуры и подвижного состава;
3. Системы связи и безопасности.

1. Системы управления движением и станциями

Данные системы представляют собой интегрированные комплексы автоматизации, которые в реальном времени обрабатывают информацию о местоположении поездов, состоянии маршрутов и загруженности станций.

Они обеспечивают:

- Регулирование движения поездов – автоматическое построение графиков, корректировка интервалов следования, расчет

оптимальных скоростных режимов с учетом текущей загрузки участка;

- Управление стрелками и сигналами – централизованное переключение стрелочных переводов, контроль показаний светофоров, блокировка опасных маршрутов;
- Координацию работы станций – синхронизацию приемоотправочных операций, распределение путей, управление пригородными и дальними поездами в узлах.

Благодаря этим системам значительно минимизируется влияние человеческого фактора (ошибки дежурного по станции, машиниста, диспетчера), снижается риск столкновений и проездов запрещающих сигналов, повышается пропускная способность линий.

Примеры: системы интервального регулирования (ETCS, PTC), микропроцессорные централизации стрелок и сигналов (МПС), автоматизированные системы диспетчерской централизации.

2. Системы мониторинга инфраструктуры и подвижного состава

Эти системы непрерывно собирают и анализируют данные о состоянии всех физических объектов железной дороги с помощью распределенных сетей датчиков и бортовой диагностики.

В их состав входят:

1. Датчики состояния путей – тензодатчики на рельсах для контроля нагрузки, акселерометры для выявления просадок пути, датчики температуры и деформации стрелочных переводов, системы обнаружения излома рельса;
2. Контроль состояния вагонов и локомотивов – вибродатчики на колесных парах и буксах, тепловизоры для мониторинга нагрева

подшипников, системы контроля тормозного оборудования, датчики износа токоприемников и контактного провода;

3. Диагностика стационарного оборудования – мониторинг состояния тяговых подстанций, систем электроснабжения, вентиляции и освещения в тоннелях.

Основная задача – своевременное выявление неисправностей на ранней стадии, предсказание остаточного ресурса узлов и предотвращение аварийных отказов. Такой подход называется предиктивным обслуживанием (Predictive Maintenance).

Примеры: системы автоматического контроля нагретых букс (АСКНБ), вагоны-путеизмерители и вагоны-дефектоскопы с цифровой обработкой сигналов, системы удаленной диагностики локомотивов.

3. Системы связи и безопасности

Эти системы образуют «цифровую нервную систему» железной дороги, обеспечивая надежный обмен данными между подвижными и стационарными объектами, а также защиту от киберугроз.

К ним относятся:

1. Цифровые системы связи между поездами и диспетчерами – профессиональная мобильная радиосвязь стандарта TETRA, GSM-R, перспективные системы на базе 5G, позволяющие передавать не только голос, но и телеметрию, команды управления, видеопотоки;

2. Системы передачи данных – волоконно-оптические линии вдоль путей, беспроводные сенсорные сети, спутниковые каналы для передачи информации с удаленных участков, бортовые накопители с последующей выгрузкой;

3. Системы защиты от несанкционированного доступа – криптографическая защита каналов управления движением,

разграничение прав доступа в автоматизированных системах, мониторинг сетевого трафика на аномалии, физическая защита узлов связи на станциях.

В совокупности эти средства обеспечивают стабильную, отказоустойчивую работу железнодорожной сети, защиту управляющих команд от перехвата или подмены и конфиденциальность коммерческой и служебной информации [2].

Примеры: GSM-R (Global System for Mobile Communications – Railway), системы видеонаблюдения с аналитикой на станциях и переездах, комплексы криптошлюзов для защищенного обмена данными с поездами.

На основе существующих технологий можно создать следующие перспективные решения:

1. Система полностью автономного управления поездами, способная заменить машиниста.

2. Интеллектуальная система предиктивного обслуживания, которая в реальном времени отслеживает состояние оборудования и заранее предсказывает возможные поломки.

3. Единая интегрированная система кибербезопасности, защищающая всю железнодорожную инфраструктуру как единое целое.

Внедрение таких систем требует серьезных вложений, однако на длительном горизонте они позволяют:

- меньше тратить на ремонты и техобслуживание;
- реже сталкиваться с авариями;
- пропускать больше поездов без строительства новых путей;
- снизить текущие эксплуатационные расходы.

Таким образом, эти технологии не только экономически эффективны, но и стратегически важны для будущего железных дорог [3].

Таблица

Основные показатели оценки внедрения кибер-физических систем

Система	Стоимость внедрения	Эффект	Срок окупаемости, лет
Управление движением и станциями	100–300 млн руб./км	Повышение безопасности, сокращение аварий	5–12
Мониторинг инфраструктуры и подвижного состава	50–200 млн руб.	Снижение затрат на ремонт до 30%	3–7
Связь и безопасность	50–150 млн руб.	Защита данных, стабильность работы	3–6
Автономные поезда	>100 млрд руб.	Снижение затрат на персонал	10–15
Предиктивное обслуживание	200–500 млн руб.	Снижение простоев	3–5
Кибербезопасность (интегрированная)	100–300 млн руб.	Предотвращение убытков	3–6

Заключение

Кибер-физические системы служат технологической основой цифровой трансформации железнодорожной отрасли. На текущем этапе они уже обеспечивают управление движением, мониторинг состояния инфраструктуры, а также связь и безопасность. Дальнейшее развитие позволит создать ещё более совершенные решения, включая полностью автономные системы ведения поездов и интеллектуальное предиктивное обслуживание [4].

Таким образом, кибер-физические системы становятся критически важным элементом перехода железнодорожного транспорта к повышенным стандартам безопасности, экономической эффективности и устойчивости функционирования.

Хотя внедрение таких систем требует значительных начальных инвестиций, реальная

практика и аналитические данные убедительно демонстрируют возврат вложений: сокращаются аварии, оптимизируются затраты, растёт надёжность. Это, в свою очередь, открывает новые перспективы для всей отрасли.

Литература

1. Интеграция ИИ для роста вашей компании // Ai URL: Внедрение ИИ – автоматизация бизнес-процессов с AI на заказ (дата обращения: 04.03.2026).
2. Ковалев М.М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 328 с.
3. Введение в «Цифровую» экономику. На пороге «цифрового будущего».
4. Кешелава А.В. [и др.]; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. – ВНИИ Геосистем, 2017. – 28 с.

EREMINA Irina Viktorovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport, Russia, Yekaterinburg

CYBER-PHYSICAL SYSTEMS IN RAILWAY TRANSPORT

Abstract. *This article examines the evolution of cyber-physical systems implementation in rail transport. The article first examines implemented and effectively operating systems, then identifies promising solutions that can be developed based on existing technologies.*

Keywords: *cyber-physical systems, railway transport, economic efficiency, payback period, traffic and station control systems, infrastructure and rolling stock monitoring systems, communication and security systems.*

ЕРЕМИНА Ирина Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,

Уральский государственный университет путей сообщения, Россия, г. Екатеринбург

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные принципы управления рисками инвестиционных проектов. Рассматриваются фундаментальные виды рисков, методы их оценки и способы, которые помогают их минимизировать. Внимание уделено системному подходу к управлению рисками, который включает в себя идентификацию, анализ, разработку стратегий реагирования и мониторинг. Обоснована необходимость интеграции управления рисками в общий процесс управления инвестициями.

Ключевые слова: инвестиционный проект, риск, неопределенность, управление рисками, инвестиции, эффективность.

Введение

Неопределенность и нестабильность – это то, что сопровождает инвестиционную деятельность в условиях современной экономики. Особенно влияют изменения макроэкономической ситуации, колебания валютных курсов, инфляция, политические факторы и технологические изменения. Риск является объективной характеристикой инвестиционной деятельности и представляет собой вероятность отклонения фактических результатов от запланированных. Если риски игнорировать, то можно значительно потерять финансово, снизить эффективность проектов или полностью их не реализовать.

Исходя из этого, управление рисками становится главным элементом инвестиционного анализа и стратегического управления. Основная цель риск-менеджмента, это снижение негативного воздействия неопределенности и увеличение устойчивости инвестиционных решений [1].

1. Экономическая составляющая инвестиционных рисков

Инвестиционный риск – это вероятность возникновения негативных событий, который способны привести к потере ожидаемой прибыли либо вложенного капитала.

С экономической точки зрения риск связан с неопределенностью будущих условий реализации проекта. Чем выше уровень неопределенности, тем выше степень риска [2].

Основные характеристики риска:

1. Вероятность наступления события;
2. Величина возможных потерь;
3. Возможность управления риском.

Риски инвестиционных проектов обладают рядом особенностей:

- длительный характер проявления;
- комплексность и взаимосвязанность факторов;
- зависимость от внешней среды;
- сложность количественной оценки.

2. Классификация рисков инвестиционных проектов

Чтобы управление рисками было эффективным нужно их систематизировать. Самой распространенной является следующая классификация:

1. Внешние риски (возникают вне организации и их нельзя прямо контролировать):

- макроэкономические (инфляция, кризисы);
- политические (санкции, изменения законодательства);
- рыночные (изменение спроса, цен);
- природные и экологические.

2. Связаны с деятельностью самой организации:

- производственные (сбои, брак);
- финансовые (недостаток средств, рост затрат);
- управленческие (ошибки планирования);
- технологические (устаревшие технологии).

3. По степени воздействия:

- допустимые (не влияют критически на проект);
- критические (приводят к значительным потерям);
- катастрофические (приводят к полной потере инвестиций).

Такая классификация помогает точнее определить источники риска и разрабатывает соответствующие меры для их управления.

3. Методы для оценки рисков инвестиционных проектов

Оценивание рисков является одним из ключевых этапов анализа. Она включает качественные и количественные методы.

1. Качественные методы (используют для определения и начальной оценки рисков):

- оценки экспертов;
- аналогический метод;
- SWOT – анализ;
- построение сценариев.

Преимуществом данных методов является простота применения, но являются субъективными.

2. Количественные методы (помогают провести оценку рисков в числовом выражении):

1. Анализ чувствительности. Определяет влияние изменения отдельных параметров на результат проекта.

2. Метод сценариев. Рассматривает несколько вариантов возможный развития событий (оптимистичный, пессимистический, базовый).

3. Расчет показателей эффективности: NPV (чистая приведенная стоимость); IRR (норма внутренней доходности); срок окупаемости.

4. Имитационное моделирование. Позволяет учесть много факторов и вероятные распределения. Комбинирование методов позволяет получить более точную оценку рисков [3].

4. Процесс управления рисками

Управление рисками представляет собой непрерывный процесс, который включает следующие этапы:

1. Идентификация рисков. На этом этапе происходит выявление возможных рисков проекта. Используют экспертные методы, анализируют документацию и опыт аналогичных проектов.

2. Анализ и оценка. Определение вероятности наступления риска и его последствий. Формируется матрица рисков.

3. Разработка мероприятий. На данном этапе выбирают стратегию управления рисками: избегание риска; снижение риска; передача риска; принятие риска.

4. Мониторинг и контроль. Нужно непрерывно отслеживать риски и корректировать стратегии их управления. Эффективность управления рисками непосредственно зависит

от своевременности принятия решений и качества информации.

5. Методы управления и минимизации рисков

Существуют различные способы воздействия на риски:

1. Диверсификация. Распределение инвестиций между несколькими проектами снижает общий риск.

2. Страхование. Передача части риска страховым компаниям.

3. Хеджирование. Использование финансовых инструментов для защиты от неблагоприятных изменений цен.

4. Резервирование средств. Создание финансовых резервов на случай возникновения рисков.

5. Повышение качества управления. Включает улучшение планирования, контроля и анализа.

Применение комплекса методов позволяет существенно снизить вероятность потерь.

6. Современные подходы к управлению рисками

В современном мире управление рисками развивается в направлении:

- цифровизации и интеграции;
- использование информационных систем и аналитики;
- применение больших данных (Big Data);
- автоматизация процессов управления;
- использование международных стандартов риск – менеджмента.

Важную роль играет интеграция управления рисками в стратегическое управление организацией.

Заключение

Управление рисками инвестиционных проектов является важным элементом, для эффективной инвестиционной деятельности. В условиях, когда высока неопределенность грамотное управление рисками позволяет улучшить устойчивость проектов, уменьшить потери и обеспечить достижение целей, которые были поставлены [4].

Комплексный подход, который включает идентификацию, оценку, управление и мониторинг рисков, является неотъемлемым условием для успешной реализации инвестиционных проектов.

В дальнейшем развитие методов риск – менеджмента будет связано с внедрением цифровых технологий и усовершенствованием инструментов аналитики.

Литература

1. Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2020.
2. Савчук В.П. Управление инвестиционными проектами. – М.: Бином, 2019.
3. Ковалев В.В. Финансовый анализ. – М.: Проспект, 2020.
4. Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски. – М.: Дашков и К, 2021.

EREMINA Irina Viktorovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport, Russia, Yekaterinburg

RISK MANAGEMENT OF INVESTMENT PROJECTS

Abstract. *This article examines the theoretical and applied principles of investment project risk management. It examines fundamental types of risks, methods for assessing them, and ways to minimize them. Emphasis is placed on a systems approach to risk management, which includes identification, analysis, development of response strategies, and monitoring. The need to integrate risk management into the overall investment management process is substantiated.*

Keywords: *investment project, risk, uncertainty, risk management, investments, efficiency.*

КАРПЕНКО Ксения Сергеевна

студентка, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Республика Крым, г. Симферополь

СТЕФАНЕНКО Маргарита Николаевна

доктор экономических наук, профессор,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Республика Крым, г. Симферополь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СБЫТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышения эффективности сбытовой деятельности предприятий в условиях высокой конкуренции и нестабильности рыночной среды. Современные организации стремятся обеспечить устойчивый рост прибыли, увеличить объемы продаж и повысить конкурентоспособность за счет внедрения эффективной системы оценки результатов сбыта. Формирование системы показателей оценки эффективности сбытовой деятельности позволяет предприятиям своевременно выявлять проблемы в процессе реализации продукции, контролировать достижение поставленных целей и принимать обоснованные управленческие решения. Использование ключевых показателей эффективности способствует повышению качества управления сбытовыми процессами и оптимизации коммерческой деятельности предприятия.

Ключевые слова: сбытовая деятельность, эффективность сбыта, система показателей, управление предприятием, продажи, коммерческая деятельность.

Сбытовая деятельность предприятия является важнейшим элементом системы управления коммерческой организацией, поскольку обеспечивает реализацию произведённой продукции и формирование финансового результата. В условиях рыночной экономики эффективность сбытовой деятельности напрямую определяет устойчивость предприятия, его конкурентоспособность и способность адаптироваться к изменениям внешней среды.

Современные условия функционирования предприятий характеризуются высокой степенью неопределённости, усилением конкуренции и изменчивостью потребительского спроса. В этой связи возрастает необходимость формирования научно обоснованной системы оценки эффективности сбытовой деятельности, позволяющей осуществлять комплексный анализ результатов продаж и выявлять факторы, влияющие на их изменение.

Система показателей оценки эффективности сбыта представляет собой совокупность взаимосвязанных количественных и качественных индикаторов, характеризующих результативность процессов реализации продукции. Основной целью формирования такой

системы является обеспечение информационной базы для принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности коммерческой деятельности предприятия.

Методологической основой построения системы показателей являются принципы системности, измеримости, сопоставимости, релевантности и целевой направленности. Реализация данных принципов обеспечивает объективность оценки результатов сбытовой деятельности и позволяет минимизировать искажения при интерпретации управленческой информации.

Формирование системы показателей эффективности сбыта осуществляется на различных уровнях управления предприятием. На стратегическом уровне оцениваются интегральные показатели, отражающие общие результаты деятельности организации, такие как объём выручки, рентабельность продаж и доля рынка. Данные показатели характеризуют долгосрочную эффективность сбытовой политики предприятия.

На тактическом уровне используются показатели, позволяющие оценить эффективность

отдельных направлений сбытовой деятельности, включая выполнение планов продаж, динамику реализации продукции и структуру продаж по ассортиментным группам. Операционный уровень включает показатели, характеризующие ежедневную деятельность сбытового персонала, такие как количество сделок, средний чек и конверсия продаж.

Ключевыми показателями эффективности сбытовой деятельности предприятия являются:

- объём реализованной продукции;
- выручка от продаж;
- рентабельность продаж;
- темп роста продаж;
- коэффициент выполнения плана реализации;
- уровень затрат на сбытовую деятельность;
- показатели эффективности работы персонала отдела продаж.

Использование системы KPI позволяет обеспечить количественную оценку результатов сбытовой деятельности и повысить прозрачность процессов управления продажами. При этом особое значение имеет корректность выбора показателей, поскольку избыточное количество индикаторов может усложнить систему анализа, а недостаточное – привести к снижению её информативности.

В современных условиях значительную роль в повышении эффективности системы показателей играет внедрение цифровых технологий управления. Использование CRM-систем, аналитических платформ и инструментов обработки больших данных обеспечивает оперативный сбор информации о продажах, клиентах и рыночных тенденциях, что повышает точность анализа и скорость принятия управленческих решений.

Эффективность системы показателей во многом определяется её интеграцией в общую систему управления предприятием. Взаимосвязь KPI с системой планирования и

мотивации персонала способствует формированию ориентированности сотрудников на достижение целевых значений и повышению результативности сбытовой деятельности.

Следует отметить, что система показателей эффективности сбыта должна носить динамический характер. Её структура и состав должны регулярно пересматриваться с учётом изменений рыночной конъюнктуры, трансформации потребительского поведения и стратегических целей предприятия.

Особое значение в современных условиях приобретает ориентация сбытовой деятельности на клиента. В систему оценки эффективности всё чаще включаются показатели удовлетворённости клиентов, уровень повторных покупок и коэффициент удержания потребителей, что отражает переход к клиентоориентированной модели управления продажами.

Литература

1. Голубков Е.П. Маркетинговые исследования: теория и практика. – М.: Финпресс, 2023.
2. Балабанова Л.В. Управление продажами. – М.: КНОРУС, 2023.
3. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры. – М.: Финансы и статистика, 2022.
4. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг-менеджмент. – М.: Питер, 2023.
5. Иванов Г.Г., Орлов К.В. Управление продажами и коммерческой деятельностью предприятия. – М.: Юрайт, 2024.
6. Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок. – СПб.: Питер, 2021.
7. Багиев Г.Л., Тарасевич В.М., Анн Х. Маркетинг. – СПб.: Питер, 2022.
8. Друкер П.Ф. Практика менеджмента. – М.: Вильямс, 2021.
9. Портер М. Конкурентная стратегия. – М.: Альпина Паблишер, 2021.
10. Фатхутдинов Р.А. Стратегический менеджмент. – М.: Дело, 2022.

KARPENKO Kseniya Sergeevna

Student, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Republic of Crimea, Simferopol

STEFANENKO Margarita Nikolaevna

Doctor of Economics, Professor,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov,
Republic of Crimea, Simferopol

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF INDICATORS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF THE COMPANY'S SALES ACTIVITIES

Abstract. *The relevance of the article is determined by the need to increase the efficiency of sales activities of enterprises in conditions of high competition and instability of the market environment. Modern organizations strive to ensure sustainable profit growth, increase sales and increase competitiveness through the introduction of an effective sales results assessment system. The formation of a system of indicators for evaluating the effectiveness of sales activities allows enterprises to identify problems in the process of product sales in a timely manner, monitor the achievement of their goals and make informed management decisions. The use of key performance indicators contributes to improving the quality of sales process management and optimizing the business activities of the enterprise.*

Keywords: *sales activity, sales efficiency, system of indicators, enterprise management, sales, commercial activity.*

ЛАВРОВ Алексей Николаевич

магистрант, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Россия, г. Москва

ОПТИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОМПАНИИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ПНЕВМООБОРУДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема оптимизации организационной структуры компании «N», входящую в состав итальянского концерна по производству пневмооборудования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения адаптивности управленческой системы предприятия к динамичным изменениям рыночной среды и требованиям компании. В работе проведен анализ текущей линейно-функциональной структуры, выявлены ее недостатки, включая замедленную координацию между подразделениями и избыточную бюрократизацию процессов. На основе методологии проектного управления и процессного подхода предложены рекомендации по переходу к матричной структуре с элементами кросс-функционального взаимодействия. Особое внимание уделено реорганизации коммерческого и логистического блоков, а также введению новых координационных ролей. Реализация предлагаемых мер позволит сократить сроки выполнения заказов, оптимизировать управление запасами и усилить интеграцию с головным офисом концерна.

Ключевые слова: организационная структура, оптимизация управления, производственное предприятие, пневмооборудование, матричная структура, проектный подход, Samozzi.

Основная часть

Современные условия функционирования промышленных предприятий требуют постоянного совершенствования управленческих механизмов. Особенно остро эта задача стоит перед компаниями, входящими в состав международных концернов, где необходимо сочетать единые корпоративные стандарты с гибкостью локальных подразделений. Компания «N» представляет собой именно такое предприятие: оно является частью итальянского концерна, одного из мировых лидеров в области производства компонентов пневматической автоматизации. Деятельность концерна охватывает широкий спектр оборудования – от цилиндров и клапанов до сложных систем управления, используемых в машиностроении, пищевой промышленности, упаковке и других отраслях.

В настоящее время на предприятии действует линейно-функциональная структура управления. Данная модель предполагает строгую иерархию и разделение по функциональным направлениям: производство, отдел закупок, отдел продаж, технический отдел, финансовый блок, отдел кадров. Классическими преимуществами такой структуры являются четкость распределения полномочий и специализация сотрудников. Однако практика показывает, что для предприятия, работающего в условиях высококонкурентного рынка и

одновременно подчиняющегося корпоративным регламентам международного концерна, линейно-функциональная модель создает существенные барьеры. Основной проблемой является замедленная реакция на изменения внешней среды. Решения, требующие согласования между несколькими отделами, проходят длинный путь по иерархии, что увеличивает время выполнения заказов. Кроме того, функциональные отделы зачастую работают изолированно, что ведет к рассогласованию целей: производство стремится к загрузке мощностей, продажи – к выполнению плана по выручке, закупки – к минимизации затрат на запасы. Отсутствие единой системы сквозного планирования приводит к тому, что при увеличении спроса возникают сбои в поставках комплектующих, а при снижении – затоваривание складов.

Особенно остро эти проблемы проявляются при взаимодействии технического отдела и отдела продаж. Поскольку пневмооборудование часто требует адаптации под конкретные задачи заказчика, процессы технического консультирования и подготовки коммерческих предложений требуют плотного взаимодействия инженеров и менеджеров. В существующей структуре такое взаимодействие осуществляется через формальные каналы и занимает избыточное время. Анализ документооборота предприятия показывает, что средний

срок согласования технически сложной заявки может достигать 5–7 рабочих дней, что критично в условиях необходимости оперативного ответа клиенту. Аналогичная ситуация наблюдается в логистике: производственное планирование слабо синхронизировано с прогнозами продаж, что приводит к неоптимальному уровню складских запасов и росту затрат на хранение.

Для преодоления выявленных недостатков предлагается использовать комбинацию двух методологических подходов: проектного управления и процессного подхода. Проектный подход предполагает создание временных или постоянных кросс-функциональных команд для решения конкретных задач – вывода нового продукта на рынок, работы с ключевыми клиентами, внедрения системы бережливого производства. Процессный подход, в свою очередь, ориентирован на сквозное описание и оптимизацию бизнес-процессов от заявки клиента до отгрузки продукции. На основе этих принципов разработаны рекомендации по оптимизации структуры компании «N».

Первая рекомендация касается введения должности руководителя по развитию бизнеса (Business Development Manager). Данный сотрудник будет выполнять функции связующего звена между техническим отделом, производством и коммерческим блоком при реализации крупных проектов и внедрении новых продуктов. Он будет координировать кросс-функциональные группы, отвечать за сроки и качество выполнения проектов, а также за передачу технической информации от головного офиса концерна к локальному производству. Введение этой роли позволит сократить время на внутренние согласования и повысить качество коммуникации с заказчиками.

Вторая рекомендация затрагивает реорганизацию логистического и производственного планирования. Предлагается создать единое подразделение производственного планирования и диспетчеризации, подчиненное напрямую заместителю генерального директора по производству или генеральному директору. Это подразделение будет интегрировать данные от отдела продаж (прогнозы спроса), отдела закупок (сроки поставок комплектующих) и производственного отдела (загрузка мощностей). Внедрение сквозного планирования позволит перейти от реактивного управления к прогнозному, снизить уровень

незавершенного производства и оптимизировать складские запасы.

Третья рекомендация направлена на реструктуризацию коммерческого департамента. Предлагается разделить функции работы с ключевыми клиентами и массовыми продавцами. Выделение группы Key Account Managers позволит выстроить долгосрочные партнерские отношения с крупными заказчиками, обеспечить индивидуальный сервис и более точное прогнозирование объемов поставок. Это особенно актуально для предприятия Camozzi, где крупные заказы от машиностроительных заводов составляют значительную долю выручки.

Четвертая рекомендация связана с усилением координации с головным офисом концерна. Для этого предлагается ввести должность координатора международных проектов, который будет отвечать за синхронизацию маркетинговых стратегий, технологических изменений и стандартов качества между российским подразделением и штаб-квартирой Camozzi. Это позволит сократить задержки при внедрении глобальных инициатив и избежать дублирования функций.

Ожидается, что реализация предложенных мер приведет к следующим результатам. Сокращение сроков выполнения заказов на 15–20% за счет ускорения межфункциональных согласований. Снижение складских запасов на 10–12% благодаря внедрению прогнозного планирования. Повышение удовлетворенности клиентов за счет более оперативной технической поддержки и персонализированного подхода к крупным заказчикам. Улучшение координации с головным офисом концерна позволит быстрее внедрять инновации и адаптировать глобальные продукты к локальному рынку.

Заключение

Проведенный анализ показал, что существующая линейно-функциональная модель не в полной мере отвечает требованиям современного рынка и корпоративным стандартам международного концерна. Предложенный переход к матричной структуре с элементами проектного управления и сквозного планирования позволит устранить выявленные недостатки: сократить время согласований, улучшить координацию между отделами и усилить интеграцию с головным офисом. Особую значимость имеют меры по реорганизации коммерческого и логистического блоков, а также введение

новых координационных ролей. Практическая реализация данных рекомендаций обеспечит предприятию возможность более гибко реагировать на запросы клиентов, оптимизировать ресурсы и укрепить свои позиции на рынке пневмооборудования. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку детальных регламентов функционирования новых структурных единиц и оценку качественных показателей эффективности, таких как степень удовлетворенности сотрудников и клиентов.

Литература

1. Афоничкин А.И., Журова Л.И., Михаленко Д.Г. Финансовый менеджмент в 2 частях. Часть 1. Методология. – М.: Юрайт. 2023. 218 с.
2. Белая М.Н. Интегрированная система менеджмента: разработка, внедрение и сертификация. Учебное пособие для вузов. – М.: Лань. 2024. 336 с.
3. Данилкина Ю.В. Стратегический менеджмент. Учебное пособие для вузов. – М.: Лань. 2023. 84 с.
4. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века / Друкер П. – Москва: Манн, Иванов и Фербер. – 2012 – 243 с.
5. Котлер Ф. Маркетинг в третьем тысячелетии: Как создать, завоевать и удержать рынок [Текст] / Ф. Котлер. – М.: АСТ, 2012. – 272 с.
6. Савчук Г.А., Управление маркетингом на предприятии: учебное пособие/ Савчук Г.А., Мокерова Ю.В., М., 2014 – 220 с.

LAVROV Alexey Nikolaevich

Master's Student, Moscow University of Finance and Law, Russia, Moscow

OPTIMIZATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF THE PNEUMATIC EQUIPMENT MANUFACTURING COMPANY

Abstract. *The article considers the problem of optimizing the organizational structure of the company "N", which is part of the Italian concern for the production of pneumatic equipment. The relevance of the research is determined by the need to increase the adaptability of the company's management system to dynamic changes in the market environment and the company's requirements. The paper analyzes the current linear-functional structure, identifies its shortcomings, including slow coordination between departments and excessive bureaucratization of processes. Based on the methodology of project management and the process approach, recommendations are proposed for the transition to a matrix structure with elements of cross-functional interaction. Special attention is paid to the reorganization of the commercial and logistics blocks, as well as the introduction of new coordination roles. The implementation of the proposed measures will reduce order fulfillment times, optimize inventory management, and strengthen integration with the concern's head office.*

Keywords: *organizational structure, management optimization, production enterprise, pneumatic equipment, matrix structure, project approach, Camozzi.*

НИКОНОВ Денис Дмитриевич

студент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета
правосудия им. В. М. Лебедева, Россия, г. Хабаровск

*Научный руководитель – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия
им. В. М. Лебедева Ионычева Светлана Петровна*

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье исследуются особенности формирования цен в Хабаровском крае с учетом региональных факторов. Анализируется влияние транспортных издержек, монополизации локальных рынков и государственных программ развития на ценообразование. Особое внимание уделяется вопросам доступности товаров первой необходимости и их влиянию на качество жизни населения региона.

Ключевые слова: ценообразование, региональный рынок, транспортные издержки, монополизация, государственная поддержка, доступность товаров.

Введение

Формирование цен в регионах Дальнего Востока имеет свои особенности – они обусловлены географическим положением, логистическими издержками и структурой локальных рынков. Актуальность исследования – в необходимости понимать механизмы ценообразования, чтобы повышать доступность товаров и услуг для населения.

Для чего проводится исследование?

Работа поможет:

1. Выявить ключевые факторы ценообразования в Хабаровском крае;
2. Оценить влияние региональных особенностей на уровень цен;
3. Разработать рекомендации для госорганов и бизнеса;
4. Прогнозировать динамику цен;
5. Скорректировать региональные программы развития.

Связь с экономической теорией

Исследование опирается на несколько теоретических концепций:

- затратную теорию цены – транспортные и логистические затраты влияют на себестоимость и конечную цену товара;
- теорию монополии и несовершенной конкуренции – монополизация рынков позволяет устанавливать цены выше конкурентного уровня;
- теорию государственного регулирования – госпрограммы помогают корректировать

рыночные дисбалансы и снижать цены на социально значимые товары;

- пространственную экономику – удалённость от производственных центров формирует «дальневосточную надбавку» к ценам;
- теорию потребительского выбора – доступность базовых товаров влияет на структуру потребления и качество жизни.

Польза для общества:

Результаты исследования будут полезны:

- населению – за счёт мер по снижению цен и повышению доступности товаров, особенно в отдалённых районах;
- бизнесу – для оптимизации логистических цепочек и снижения издержек;
- органам власти – для совершенствования антимонопольного регулирования и программ господдержки;
- научному сообществу – как база для дальнейших исследований;
- общественным организациям – для мониторинга ценовой доступности товаров и защиты прав потребителей.

Таким образом, изучение ценообразования в Хабаровском крае углубляет понимание пространственной экономики и способствует повышению качества жизни населения региона.

Теоретические основы ценообразования в регионе

Региональное ценообразование представляет собой сложный механизм, учитывающий как общеэкономические факторы, так и специфические региональные особенности.

Основными факторами цен в Хабаровском крае выступают:

1. Транспортные издержки;
2. Уровень монополизации рынков;
3. Государственные программы поддержки;
4. Сезонность поставок;
5. Качество инфраструктуры;
6. Анализ факторов ценообразования.

Транспортные издержки являются ключевым фактором, влияющим на формирование цен в регионе. По данным исследований Васильева П. Н. и Кима Е. С., транспортные расходы формируют существенную часть «дальневосточной надбавки» к ценам на товары.

Монополизация рынков оказывает значительное влияние на ценовую политику. Исследования Григорьевой М. В. и Соколова А. А. показывают, что доминирование отдельных игроков на локальных рынках приводит к ограничению ценовой конкуренции.

Государственная поддержка играет важную роль в формировании цен. Программы развития Дальнего Востока, по данным Кузнецова Д. Р. и Ли В. М., способствуют локализации производства и снижению логистических издержек.

Статистический анализ

Согласно данным Росстата, в Хабаровском крае наблюдается следующая динамика цен:

- Рост цен на продовольственные товары выше среднероссийских показателей;
- Повышенная стоимость базовых продуктов питания;
- Значительный разброс цен между городским и сельским населением;
- Сезонные колебания цен на социально значимые товары.

Проблемы и перспективы

Основными проблемами ценообразования в регионе являются:

1. Высокая зависимость от внешних поставок;

2. Недостаточная конкуренция на локальных рынках;

3. Неравномерная доступность товаров в разных районах края.

Заключение

Формирование цен в Хабаровском крае характеризуется рядом специфических особенностей, обусловленных географическим положением и структурой экономики региона. Для повышения доступности товаров необходимо комплексное решение, включающее развитие транспортной инфраструктуры, поддержку локального производства и усиление антимонопольного контроля.

Литература

1. Васильев П.Н., Ким Е.С. Транспортные издержки и их вклад в «дальневосточную надбавку» к ценам // Региональная экономика: теория и практика. – 2022. – Т.20, № 8. – С. 1450-1465.
2. Григорьева М.В., Соколов А.А. Монополизация локальных рынков и ее влияние на ценовую доступность товаров первой необходимости // Вопросы экономики. – 2021. – № 12. – С. 88-104.
3. Захарова Т.И. Качество жизни населения в регионах с высокой стоимостью жизни: индикаторы и тренды // Уровень жизни населения регионов России. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 210-225.
4. Кузнецов Д.Р., Ли В.М. Влияние госпрограмм развития Дальнего Востока на локализацию производства и ценообразование // Российский экономический журнал. – 2022. – № 4. – С. 67-82.
5. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Статистический ежегодник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2023» / Под ред. С.М. Окладникова. – М.: Росстат, 2024. – 1200 с.

NIKONOV Denis Dmitrievich

Student, Far Eastern Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Russia, Khabarovsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic
Disciplines of the Far Eastern Branch of the Lebedev Russian State University of Justice
Ionicheva Svetlana Petrovna*

PRICING IN THE KHABAROVSK TERRITORY

Abstract. *The article examines the peculiarities of price formation in the Khabarovsk Territory, taking into account regional factors. The impact of transportation costs, monopolization of local markets, and government development programs on pricing is analyzed. Particular attention is paid to the accessibility of essential goods and their impact on the quality of life of the region's population.*

Keywords: *pricing, regional market, transportation costs, monopolization, government support, accessibility of goods.*

ОСИПОВА Валентина Витальевна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ХАССП НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты внедрения системы анализа рисков и критических контрольных точек (ХАССП) в деятельность предприятий общественного питания. Анализируются специфические трудности, возникающие при адаптации международных стандартов безопасности пищевой продукции к условиям отечественной индустрии гостеприимства. Особое внимание уделяется вопросам идентификации опасностей, определения критических пределов, организации мониторинга и документирования процедур. Предложены практические рекомендации по оптимизации процессов внедрения ХАССП с учётом масштаба предприятия, ассортимента продукции и квалификации персонала.

Ключевые слова: ХАССП, безопасность пищевой продукции, общественное питание, критические контрольные точки, анализ рисков, программы предварительных условий, производственный контроль, стандартизация.

Система ХАССП представляет собой превентивный подход к управлению безопасностью пищевой продукции, основанный на идентификации, оценке и контроле потенциальных опасностей на всех этапах производственного процесса [3]. Методология включает семь фундаментальных принципов, последовательное применение которых позволяет минимизировать риски биологического, химического и физического загрязнения продукции [5].

Первый принцип – проведение анализа опасностей. Требуется от специалиста по качеству комплексной оценки всех этапов технологического процесса: от приёма сырья до реализации готовых блюд. На предприятиях общественного питания данный этап осложняется частым изменением ассортимента,

сезонностью поставок и высокой текучестью кадров [4, с. 249-252]. Для эффективного выявления опасностей рекомендуется использовать матрицу рисков, где каждая операция оценивается по трём параметрам: вероятность возникновения, тяжесть последствий и возможность обнаружения [3].

Второй принцип – определение критических контрольных точек (ККТ). Предполагает выделение тех этапов процесса, на которых применение контроля способно предотвратить, устранить или снизить опасность до приемлемого уровня [1]. В ресторанной практике типичными ККТ являются: температурный режим хранения скоропортящегося сырья, параметры тепловой обработки мясных и рыбных продуктов, контроль времени выдержки готовых блюд в мармитах [5].

Таблица

Примеры критических контрольных точек на предприятии общественного питания

Этап процесса	Потенциальная опасность	Критический предел	Метод мониторинга
Приёмка сырья	Микробиологическое загрязнение	Температура мяса не выше +4°C	Термометрия каждой партии
Хранение	Развитие патогенной микрофлоры	Температура холодильной камеры 0...+4°C	Автоматический логгер с сигнализацией
Тепловая обработка	Выживание сальмонелл, листерий	Температура в центре продукта ≥72°C, выдержка ≥2 мин	Термошуп с регистрацией данных
Охлаждение	Размножение мезофильных микроорганизмов	Снижение температуры с +60°C до +10°C за ≤2 часа	Контроль времени и температуры

Третий принцип – установление критических пределов. Требуется определения количественных или качественных параметров, соблюдение которых гарантирует безопасность продукции [1]. Для предприятий питания критические пределы часто устанавливаются на основе нормативных документов: СанПиН 2.3/2.4.3590-20, Технического регламента ТР ТС 021/2011, а также внутренних стандартов предприятия [2].

Четвёртый принцип ХАССП – разработка процедур мониторинга ККТ. Требуется определения того, что контролировать, как часто проводить измерения, кто отвечает за выполнение и как фиксировать результаты [3]. На предприятиях общественного питания мониторинг часто осуществляется линейным персоналом (поварами, технологами), что повышает требования к качеству их обучения и мотивации [4, с. 249-252]. Рекомендуется использовать стандартизированные формы журналов регистрации, которые включают: наименование контролируемого параметра, критический предел, фактическое значение, время измерения, подпись ответственного лица, действия при отклонении [5]. Внедрение электронных систем учёта позволяет автоматизировать процесс сбора данных и оперативно выявлять тенденции к ухудшению показателей [3].

Пятый принцип – определение корректирующих действий. Предполагает разработку алгоритмов реагирования на случаи выхода параметров за критические пределы [1]. Например, при обнаружении недостаточной температуры прожарки мясного полуфабриката необходимо: немедленно прекратить реализацию данной партии, провести повторную тепловую обработку или утилизировать продукцию, зафиксировать инцидент в журнале несоответствий, проанализировать причины отклонения [4, с. 249-252].

Шестой принцип – процедуры верификации. Направлен на подтверждение того, что система ХАССП функционирует согласно плану [3]. На предприятиях питания верификация может включать: периодические микробиологические смывы с оборудования, калибровку измерительных приборов, внутренние аудиты, анализ рекламаций потребителей [4, с. 249-252]. Частота верификационных мероприятий определяется степенью риска и историей предыдущих несоответствий [5].

Седьмой принцип – документирование и ведение записей. Обеспечивает прослеживаемость всех процедур и служит доказательной

базой при проверках контролирующих органов [1]. Минимальный комплект документации по ХАССП должен включать: описание продукции и области применения, блок-схему технологического процесса, анализ опасностей, план ХАССП с указанием ККТ и критических пределов, процедуры мониторинга и корректирующих действий, записи о проведённых измерениях и верификациях.

Специфика внедрения ХАССП на предприятиях общественного питания

Практическая реализация системы ХАССП в ресторанном бизнесе сталкивается с рядом отраслевых особенностей, которые необходимо учитывать при разработке документации и процедур контроля.

Многообразие технологических процессов. В отличие от промышленных пищевых производств, где технологические цепочки стандартизированы и повторяемы, предприятия общественного питания характеризуются широким ассортиментом блюд, каждый из которых может иметь уникальную рецептуру и технологию приготовления [4, с. 249-252]. Это требует разработки индивидуальных карт для групп продукции со схожими параметрами рисков, что значительно увеличивает объём документооборота [5].

Высокая динамика производственной среды. Частая смена поставщиков сырья, сезонное обновление меню, ротация персонала – все эти факторы создают необходимость регулярного пересмотра и актуализации плана ХАССП [4, с. 249-252]. Рекомендуется проводить переоценку рисков не реже одного раза в квартал, а также при каждом существенном изменении в технологическом процессе [3].

Ограниченность ресурсов малого и среднего бизнеса. Небольшие кафе и рестораны часто не имеют в штате квалифицированного специалиста по качеству, что затрудняет самостоятельную разработку и внедрение системы ХАССП [6]. В таких случаях целесообразно привлекать внешних консультантов на этапе проектирования системы, а затем обучать собственный персонал процедурам мониторинга и документирования [7].

Необходимость интеграции с программами предварительных условий. Эффективность ХАССП напрямую зависит от качества реализации базовых санитарно-гигиенических мероприятий [1]. К программам предварительных условий относятся: контроль качества поступающего сырья, санитарная обработка помещений и оборудования, личная гигиена персонала, борьба с вредителями, управление

отходами. Без надёжного функционирования ППУ система критических контрольных точек теряет свою результативность [3].

Роль персонала в обеспечении эффективности системы ХАССП

Успех внедрения ХАССП на предприятии общественного питания в значительной степени зависит от компетентности и вовлечённости персонала [4. С. 249-252]. Обучение сотрудников должно носить не формальный, а практико-ориентированный характер: демонстрация правильных приёмов термометрии, отработка алгоритмов действий при отклонениях, разбор реальных кейсов из производственной практики [6, с. 112-118]. Важно формировать культуру безопасности, при которой каждый работник осознаёт свою роль в обеспечении качества продукции [7].

Внедрение принципов ХАССП на предприятиях общественного питания представляет собой комплексный процесс, требующий учёта отраслевой специфики, адаптации стандартных процедур и постоянного совершенствования системы управления. Практическая реализация ХАССП способствует не только обеспечению безопасности пищевой продукции, но и повышению операционной эффективности предприятия, снижению потерь от брака, укреплению доверия потребителей и конкурентных позиций на рынке.

Литература

1. Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой

продукции» (с изм. и доп.). – М.: Стандартинформ, 2011.

2. СанПиН 2.3/2.4.3590-20. Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения. – М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2020.

3. ГОСТ Р ИСО 22000-2019. Системы менеджмента безопасности пищевой продукции. Требования к организациям, участвующим в цепи создания пищевой продукции. – М.: Стандартинформ, 2019.

4. Пасько О.В., Федорчукова С.Г. Внутренний аудит как фактор эффективности системы менеджмента безопасности пищевой продукции // Инновации и инвестиции. – 2019. – № 11. – С. 249-252.

5. Габелли Г.К. Система ХАССП на предприятии общепита // Предприятия общественного питания: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2016. – № 11.

6. Давыдов А.С., Артемова С.Ф. Управление качеством обслуживания и производственной гигиены на предприятиях пищевой индустрии // Научный журнал Пензенского ГАУ. – 2018. – № 2. – С. 112-118.

7. Смирнов В.Г. Управление качеством в сфере услуг и пищевых производств: учебное пособие. – М.: Юрайт, 2022. – 312 с.

8. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. 15-е изд. – СПб.: Питер, 2020. – 864 с.

OSIPOVA Valentina Vitalievna

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow

FEATURES OF THE PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF HACCP IN PUBLIC CATERING ENTERPRISES

Abstract. The article discusses the key aspects of the implementation of a risk analysis system and critical control points (HACCP) in the activities of catering enterprises. The specific difficulties encountered in adapting international food safety standards to the conditions of the domestic hospitality industry are analyzed. Special attention is paid to the identification of hazards, the definition of critical limits, the organization of monitoring and documentation of procedures. Practical recommendations on optimizing HACCP implementation processes are proposed, taking into account the scale of the enterprise, the product range and staff qualifications.

Keywords: HACCP, food safety, catering, critical control points, risk analysis, precondition programs, production control, standardization.

ПРОТАСОВА Влада Вадимовна

магистрантка,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Омск

Научный руководитель – доцент кафедры социологии

*Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат экономических наук Симонова Наталья Юрьевна*

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Аннотация. В статье будут рассмотрены вопросы методологии оценки финансовых рисков в фармацевтической отрасли, многогранность и вариативность их проявления под воздействием различных внешних и внутренних факторов. На основании итоговых выводов будет представлена описательная часть методики оценки финансовых рисков в рассматриваемой отрасли с учетом характерных особенностей.

Ключевые слова: методика оценки, финансовые риски, причины, особенности, система оценки рисков.

На сегодняшний день в мире не разработано методик оценки финансовых рисков, исключительно для фармацевтической отрасли, ввиду формального отношения и смещения фокуса внимания на более глобальные и универсальные показатели, формулы расчета и оценки общепринятых финансовых рисков. Но поскольку данная отрасль является стратегической и жизнеобеспечивающей для большинства человечества, стоит попробовать определить основные особенности отрасли, ее структуру и выделить основные сферы воздействия, провоцирующие возникновение финансовых рисков, для их своевременной оценки. При изучении данной отрасли основными особенностями в первую очередь выступают продукция, ее специфика доставки и рынок сбыта.

Финансовые риски фармацевтической организации целесообразно разделять на две категории, это общие, которым присущие предприятиям любой отрасли, и специфические, которые обусловлены особенностями фармацевтического производства и обращения лекарственных средств. К числу наиболее значимых

отраслевых рисков относятся многоуровневый технологический цикл, жесткие санитарно-эпидемиологические нормативы, а также высокая доля импортного сырья в себестоимости готовой продукции, которая в настоящее время достигает 40–85%.

Классификация рисков фармацевтических компаний традиционно включает такие группы, как финансовые риски (валютные, процентные, кредитные), производственные риски (рост затрат, износ оборудования, неэффективность персонала), инновационные риски, коммерческие риски (снижение спроса, падение продаж) и макроэкономические риски.

В условиях 2024–2025 годов на первый план вышли следующие финансовые угрозы, такие как кризис неплатежей в системе государственных и частных закупок, высокая ключевая ставка Центрального банка России, валютная волатильность, а также усиление требований к финансовой устойчивости фармацевтических организаций со стороны регуляторов и контрагентов (рис.).

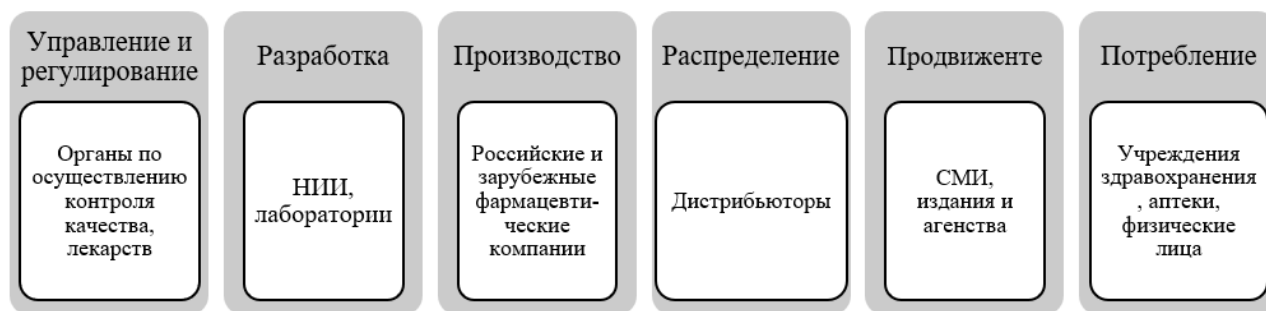

Рис. 1. Основные субъекты фармацевтического рынка в России

К 2025 году само понятие «финансовые риски» обросло множеством трактовок. Некоторые экономисты рассматривают их уже не просто как отраслевые, а как национальные, которые влияют на всю экономику страны, и на внутренние, и на внешние процессы. Поэтому, чтобы глубже понять суть финансовых рисков, полезно смотреть на них именно через призму национального воздействия.

С каждым годом влияние этих рисков только растёт. Всё потому, что внешняя среда становится всё менее предсказуемой. За последние пять лет российская экономика пережила настоящий стресс: пандемия, санкции, специальная военная операция. Все эти события, каждое по-своему, раскручивают маховик финансовых рисков (и в стране, и в мире).

Отдельно стоит сказать о фармацевтической дистрибуции. Здесь у оптовых компаний две главные роли: логистическая и финансовая. По сути, дистрибьютор работает как кредитная организация, он даёт аптекам и больницам отсрочку платежа за поставленный товар. Из-за этого в оптовом звене всегда высока концентрация кредитного риска.

В 2025 году на дистрибьюторов навалилась дополнительная финансовая нагрузка. Производители подняли отпускные цены, урезали скидки и ужесточили условия отгрузки. Всё это, плюс нестабильная логистика, ударило по эффективности оптовых продаж, особенно по небольшим компаниям.

Аналитики говорят, что удлинения финансовых цепочек (когда деньги идут медленнее) в фармсегменте не случилось. Наоборот, кризис неплатежей оказался очень острым, «живых» денег на рынке практически не осталось. При этом розничный рынок в 2025 году дал противоречивую картину. С одной стороны, денежный объём розницы вырос на 13,3% и достиг 1,83 трлн рублей. С другой наглядно видно, что продажи в упаковках поднялись лишь на 1,1%. Это значит, что рынок растёт в основном за

счёт цен, а не за счёт того, что люди стали покупать больше лекарств.

В начале 2026 года проблемы со спросом в аптеках стали ещё заметнее: рост замедлился, и появилась угроза, что рынок из динамичного перейдёт в стагнацию. Чтобы оценивать финансовое состояние аптечных организаций в таких условиях, можно сочетать классические методы (например, сравнительную рейтинговую оценку или скоринговые модели) с отраслевыми мультипликаторами.

В современном риск-менеджменте накоплено много методов для анализа финансовых рисков. Выбор конкретного подхода зависит от того, зачем проводится оценка, насколько полные и качественные данные есть в распоряжении, и каковы особенности именно этого бизнеса. Традиционно методы делят на три группы: статистические, аналитические и экспертные.

Самый известный и широко применяемый в мире Value-at-Risk (VaR). Он позволяет оценить, сколько максимум может потерять компания (или портфель) за определённое время с заданной вероятностью. Метод ценят за то, что он сводит разные риски, рыночные, кредитные, валютные (к одному числу). Для расчётов часто используют GARCH-модели, которые помогают прогнозировать волатильность и корреляции. Но у VaR есть и минусы: он предполагает, что доходности распределены нормально, а в жизни это не всегда так, к тому же он плохо учитывает «толстые хвосты» распределения, то есть редкие, но очень сильные скачки.

Близки к VaR по духу, но имеют свою специфику, методы стресс-тестирования и сценарного анализа. Стресс-тестирование представляет собой проверку, что случится с финансами компании, если произойдёт что-то экстремальное, но всё же правдоподобное. Так выявляют слабые места, оценивают, сможет ли бизнес пережить шок. В кризис, когда стандартные модели часто дают сбой, стресс-тесты

становятся особенно важны. А сценарный анализ, это взгляд в будущее через несколько альтернатив: оптимистичный, базовый, пессимистичный сценарии. Он показывает разброс возможных результатов. В последнее время сценарное планирование всё чаще «допиливают» искусственным интеллектом, потому что он помогает автоматизировать расчёты и повышать точность [2].

Анализ чувствительности самый простой и наглядный инструмент. Он отвечает на вопрос «насколько сильно изменится итоговый показатель?» (скажем, чистая прибыль или приведённая стоимость), если поменять один фактор, а все остальные оставить как есть. Несмотря на свою простоту, метод очень востребован в финансовом планировании, он быстро подсвечивает ключевые точки риска. Главный недостаток: он исходит из того, что факторы не зависят друг от друга, а в реальности они почти всегда связаны [1].

Аналитические методы строятся на экономико-математических моделях. Самые известные из них, это CreditMetrics и KMV, обе для оценки кредитного риска. CreditMetrics (разработка J.P. Morgan) базируется на той же логике, что и VaR, но оценивает риск изменения стоимости кредитного портфеля не только из-за дефолта, но и из-за изменения кредитных рейтингов контрагентов. KMV основана на опционной теории и оценивает, как часто может случаться дефолт, исходя из соотношения рыночной стоимости активов и обязательств. Обе модели отлично работают для крупных публичных компаний, но для закрытых, частных бизнесов их трудно применять и сложно получить достоверные рыночные данные.

Экспертные методы, когда статистики нет или её недостаточно, в ход идут экспертные оценки: метод Дельфи, анализ иерархий, карты рисков, балльные системы. Их большое преимущество в том, что они позволяют учесть уникальные, специфические факторы, для которых не вычислишь формальную вероятность [4]. Но тут есть и обратная сторона, такая как субъективизм. Поэтому так важно тщательно выбирать экспертов и использовать процедуры, которые снижают влияние группового давления и личных предпочтений.

Проведённый анализ показывает, что отсутствие отраслевых методик оценки финансовых рисков для фармацевтики создаёт серьёзные препятствия для адекватного управления устойчивостью компаний в этой

стратегической сфере. Универсальные подходы, ориентированные на усреднённые показатели, не учитывают специфику фармацевтического производства, дистрибуции и розничной продажи лекарственных средств. Такие особенности, как многоступенчатость технологических циклов, жёсткие санитарные требования, высокая доля импортного сырья, длительные отсрочки платежа в оптовом звене и зависимость от государственного регулирования, требуют разработки специализированных индикаторов риска.

Наиболее перспективным направлением представляется создание интегральных методик, сочетающих классические статистические модели (VaR, стресс-тестирование, анализ чувствительности) с аналитическими (CreditMetrics, KMV) и экспертными подходами, адаптированными под отраслевые реалии. Особое внимание следует уделить кредитному риску в оптовом звене, логистическим потерям из-за ограниченных сроков годности товаров, а также регуляторным и валютным рискам.[3] Внедрение таких методик в практику риск-менеджмента фармацевтических компаний позволит не только своевременно диагностировать угрозы, но и формировать обоснованные управленческие решения для сохранения финансовой устойчивости в условиях макроэкономической нестабильности. Дальнейшие исследования целесообразно направить на количественную параметризацию отраслевых факторов риска и их верификацию на эмпирических данных российских фармацевтических предприятий.

Литература

1. Smolyarchuk V.F. Methods of quantitative analysis and forecasting of financial risks in corporate governance // DOI:10.24412/2411-0450-2025-5-375-381.
2. Horin A. Integrated model of risk-oriented strategizing of the economic behaviour of a pharmaceutical enterprise // DOI:10.33111/sedu.2025.57.166.180.
3. Liang L., Cui L., Chen G. Case Studies and Identification of Financial Risks in Pharmaceutical Enterprises—Based on Random Forest Model // DOI:10.1007/978-981-96-9697-0_8.
4. Довгань М.В., Михеева Е.А. Структура и стоимость капитала фармацевтических компаний как ключевой элемент корректировки финансовой стратегии в современных условиях // CyberLeninka.

PROTASOVA Vlada Vadimovna

Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Omsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Sociology
at the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Candidate of Economic Sciences Simonova Natalia Yurievna*

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE FINANCIAL RISKS OF THE PHARMACEUTICAL INDUSTRY

Abstract. *The article will discuss the methodology for assessing financial risks in the pharmaceutical industry, as well as the multifaceted and variable nature of these risks, which are influenced by various external and internal factors. Based on the final conclusions, the article will provide a descriptive part of the methodology for assessing financial risks in the pharmaceutical industry, taking into account its specific features.*

Keywords: *assessment methodology, financial risks, causes, features, risk assessment system.*

ЧЕРНЫХ Дании́л Генна́дьевич

студент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат экономических наук Титова Ирина Николаевна*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН НА ПРИМЕРЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию свободных экономических зон (СЭЗ) как инструмента привлечения инвестиций и стимулирования регионального развития. Актуальность работы обусловлена выгодным приграничным положением региона и развитым агропромышленным комплексом, что создаёт предпосылки для создания эффективной СЭЗ. Целью статьи выступает исследование особенностей формирования свободных экономических зон в приграничных российских регионах. В качестве примера была рассмотрена Белгородская область, где перспективной моделью развития может стать создание многофункциональной особой экономической зоны, которая обеспечит синергию различных типов деятельности.

Ключевые слова: свободная экономическая зона, регион, Белгородская область, резиденты, предприятия, налоговые льготы.

В отечественной науке отсутствует единое определение понятия «свободная экономическая зона». Ключевые трактовки представили следующие учёные: Е. Ф. Авдокушин делает акцент на дифференциации экономического режима внутри государства, определяя СЭЗ как часть национального пространства с особыми льготами; В. Д. Андрианов рассматривает СЭЗ через интеграцию в мировую экономику, беря за основу цель привлечения иностранных инвестиций и технологий; А. Г. Гранберг предлагает региональный подход,

определяя СЭЗ как инструмент селективной территориальной политики. Н. В. Смородинская и А. Капустин развивают функциональный подход, классифицируя зоны по характеру деятельности (торговые, промышленные, технико-внедренческие и сервисные). Общими чертами большинства определений являются территориальная ограниченность, особый режим предпринимательства, система льгот и целевая направленность. Систематизация теоретических подходов к определению понятия СЭЗ представлена в таблице.

Таблица

Теоретические подходы и взгляды исследователей на понятие и эффективность СЭЗ

Автор(ы)	Точка зрения на СЭЗ (определение / взгляд на эффективность)
Е. Ф. Авдокушин	Часть нацэкономического пространства с особой системой льгот, не применяемой на остальной территории.
В. Д. Андрианов	Территория с режимом экономического либерализма для привлечения иностранных инвестиций и технологий.
А. Г. Гранберг	Инструмент региональной политики для активизации хозяйственной деятельности в конкретных регионах.
Н. В. Смородинская и А. Капустин	Классификация зон по функциональному типу хозяйственной деятельности (торговые, промышленные и др.).
С. И. Гринев	Критический взгляд: отсутствие методик оценки эффективности, учитывающих специфику конкретных зон.

Анализ подходов к формированию категории «свободная экономическая зона»

свидетельствует о наличии различного рода разногласий: часть авторов стремится

выработать универсальное определение, пригодное для всех типов зон, тогда как другие считают такой подход слишком абстрактным и настаивают на дифференциации понятий в зависимости от функционального типа зоны (торговая, промышленная или технико-внедренческая).

В контексте формирования и создания свободной экономической зоны в Российской Федерации можно говорить о многоступенчатой процедуре, строго регламентированной федеральным законодательством. В соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», а также подзаконными нормативными актами, включая Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2024 года № 156 и Приказ Минэкономразвития России от 15 апреля 2024 года № 227, создание СЭЗ

осуществляется в несколько последовательных этапов.

Для Белгородской области процедура создания СЭЗ была инициирована поручением Президента Российской Федерации и завершилась 8 октября 2024 года. Региональные нормативно-правовые акты, регулирующие порядок функционирования СЭЗ, вступили в законную силу 16 октября 2024 года одновременно с федеральным постановлением. Территория СЭЗ в Белгородской области определена в семи приграничных муниципалитетах: Белгородском, Борисовском, Краснояружском, Волоконовском районах, а также Шебекинском, Валуйском и Грайворонском городских округах.

Процесс получения статуса резидента СЭЗ для предприятий и индивидуальных предпринимателей также включает следующие этапы и занимает от трёх до четырёх месяцев (рис.).

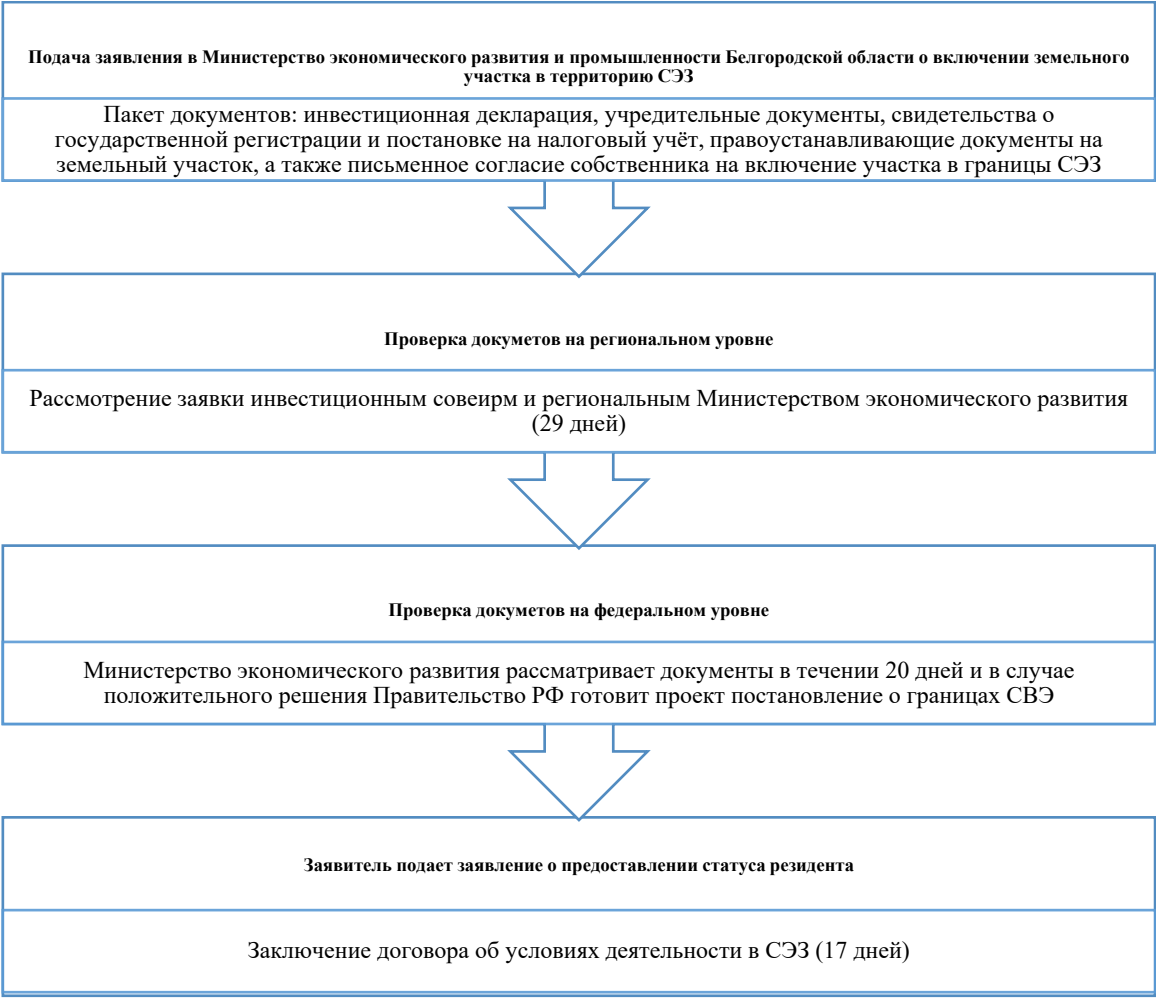

Рис. Порядок получения статуса резидента СЭЗ

Основными условиями для создания и функционирования резидентов СЭЗ в Белгородской области выступают:

- компания или ИП должны быть зарегистрированы в регионе;

- обязательно сохранить штат сотрудников не меньше 80% от уровня первого квартала 2023 года;

- в течение первых трёх лет требуется вложить не менее 3 млн рублей капитальных инвестиций.

При этом инвестиционный проект должен быть направлен на создание, модернизацию либо же восстановление основных средств. Также важно отметить, что льготный режим не действует для добывающих производств, изготовления подакцизных товаров, финансовых и консалтинговых организаций, а также для предприятий торговли и сферы услуг.

На текущий момент Правительством Российской Федерации принято решение о необходимости создания СЭЗ в Белгородской, Курской и Брянской областях в связи с оперативной ситуацией и потребностью в поддержке пострадавших предприятий.

По данным Инвестиционного портала Белгородской области и официальной информации администрации региона, на 25 августа 2025 года в рамках свободной экономической зоны на территории Белгородской области функционирует 21 предприятие. Данные организации реализуют инвестиционные проекты общей стоимостью 3 млрд рублей, что позволяет сохранить более 4 тыс. существующих рабочих мест и создать не менее 600 новых.

Анализ отраслевой принадлежности предприятий – участников СЭЗ в Белгородской области показывает, что наиболее активно в зону вступают организации следующих направлений: производство пищевых продуктов (ключевое направление, соответствующее агропромышленной специализации региона); производство химических веществ; производство готовых металлических изделий; производство машин и оборудования. Согласно данным первого заместителя губернатора Ильи Пономарева, свыше 71% инвестиционных проектов направлены на восстановление и модернизацию деятельности после причинения прямого ущерба существовавшим производствам со стороны ВСУ. Это подтверждает социально-экономическую значимость СЭЗ как инструмента поддержки реального сектора экономики в приграничных условиях.

В качестве перспективной модели для Белгородской области рассматривается создание многофункциональной особой экономической зоны, которая обеспечит синергию различных типов деятельности. Предполагается интеграция промышленно-производственного

потенциала, ориентированного на импортозамещение в АПК и машиностроении, сервисной составляющей (развитие логистики и приграничной торговли) и технико-внедренческого кластера на базе вузов, специализирующегося на аграрных технологиях и биоинженерии. Однако реализация подобных проектов сопряжена с рядом системных рисков.

Для минимизации рисков и повышения эффективности СЭЗ необходим комплексный подход. Прежде всего, требуется выработка целостного определения СЭЗ, сочетающего как территориальные, так и функциональные характеристики, что позволит перейти от узкоотраслевого к системному планированию. Оценка результативности таких зон не должна ограничиваться бюджетной эффективностью, а включать широкий спектр социально-экономических показателей. Применительно к Белгородской области наиболее обоснованным видится создание многофункциональной СЭЗ с выверенным балансом государственного и частного участия. Определяющим фактором успеха становится разработка адаптированной методики оценки, учитывающей аграрно-промышленную специализацию и приграничное положение региона.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2024 г. № 156 «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны, Правил создания особой экономической зоны и изменения площади особой экономической зоны и требований к инвестиционным проектам, реализуемым резидентами особых экономических зон» // Собрание законодательства РФ. – 2024.
2. Авдокушин Е.Ф. Свободные экономические зоны: учебное пособие. – М.: Экономика, 1993.
3. Андрианов В.Д. Россия: экономический и инвестиционный потенциал. – М.: Экономика, 1999.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Коломейцева А.А. Свободные экономические зоны: фокус на устойчивое развитие. Международная торговля и торговая политика. 2024; № 10(4): С. 16-27. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-4-16-27>.

CHERNYKH Daniil Gennadievich

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Management and Marketing
of Belgorod State National Research University,
Candidate of Economic Sciences Titova Irina Nikolaevna*

THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF FREE ECONOMIC ZONES ON THE EXAMPLE OF THE BORDER REGION

Abstract. *The article is devoted to the study of free economic zones (SEZs) as a tool for attracting investments and stimulating regional development. The relevance of the work is due to the advantageous border position of the region and the developed agro-industrial complex, which creates the prerequisites for the creation of an effective FEZ. The purpose of the article is to study the features of the formation of free economic zones in the border regions of Russia. The Belgorod Region was considered as an example, where a promising development model could be the creation of a multifunctional special economic zone that would ensure synergy of various types of activities.*

Keywords: *free economic zone, region, Belgorod region, residents, enterprises, tax benefits.*

ПЕДАГОГИКА

АНДРОСОВА Алёна Юрьевна

тьютор, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

БОЖКОВА Наталья Петровна

воспитатель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ВОРОПАЕВА Ольга Владимировна

воспитатель, МДОУ «ЦРР – д/с № 8 «Золотая рыбка», Россия, г. Валуйки

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ, МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОВЗ

Аннотация. В работе рассматривается проблема девиантного поведения у детей дошкольного возраста – актуальная и недостаточно изученная тема, значимость которой растёт с каждым годом. Подчёркивается, что именно в дошкольном детстве закладываются предпосылки поведенческих отклонений, а значит, этот период оптимален для профилактических и коррекционных мер.

Ключевые слова: девиантное поведение, дошкольный возраст, профилактика девиантного поведения, коррекция поведения, игротерапия, сказкотерапия.

Дошкольное детство – это очень важный этап становления ребёнка как личности. В это время закладываются основы поведения, привычки, моральные представления. Сегодняшние дошкольники заметно отличаются от своих сверстников предыдущих лет: они раскованнее, инициативнее, сообразительнее. Но все больше встречается детей с отклонениями в поведении: одним совершенно незнакомо состояние покоя, сосредоточенности, другие, напротив, могут часами играть в одиночестве, говорить тихо, избегать контактов со сверстниками и взрослыми. Проблемы в поведении у таких детей становятся серьезным препятствием на пути в обучении. Неприемлемые асоциальные действия, отсутствие интереса к обучению, неумение общаться в детском коллективе – все это признаки «трудного» ребенка с девиантным поведением.

Проблема девиантного (отклоняющегося) поведения, несмотря на огромное количество эмпирических и теоретических исследований в различных областях научного знания, относится к категории наиболее сложных, неоднозначных и одновременно актуальных.

Актуальность её заключается в том, что с каждым годом прослеживается тенденция к увеличению числа детей с отклонениями в поведении. Кроме того, проблема девиантного поведения в дошкольном возрасте остается на сегодняшний день недостаточно изученной. Однако именно в дошкольном детстве складываются предпосылки отклонений в поведении, и именно в этот период жизни ребенка эффективны профилактические и коррекционные меры.

В ходе работы мы осуществляем поиск методов, технологий, форм профилактики признаков девиаций поведения дошкольников. Лучшей профилактикой девиантного поведения является системно организуемое педагогическое воздействие, с индивидуально подобранными средствами, формами и методами.

Основными причинами и факторами возникновения девиантного поведения являются неблагоприятные условия жизни, отсутствие воспитания. А также проблемы с овладением знаний, отсутствие возможности самореализоваться.

Основные проблемы детей с девиантным поведением заключаются в их неумении контролировать себя, эффективно взаимодействовать с окружающими.

Чтобы устранить искажения эмоционального реагирования и сложившиеся стереотипы поведения, мы определили пути решения:

1. Сформировать интерес ребенка к окружающим людям и желанию их понять.
2. Закрепить навыки общения, элементарных знаний о правилах поведения.
3. Выработать навыки адекватного поведения.
4. Обучить ребенка правильно оценивать себя, балансировать свои эмоциональные состояния.

Для коррекции отклоняющегося поведения ребенка наиболее эффективной является игротерапия, так как игра-ведущий вид деятельности у детей дошкольного возраста.

При помощи игротерапии, можно корректировать агрессию и гиперактивность. Из опыта работы можно с уверенностью сказать, что, когда внимание ребенка отвлечено игрой, через проработку в игровой форме тех или иных задач можно добиться куда больших результатов, чем на занятиях. Стимулировать детей к игре не приходится, они делают это с удовольствием.

Самой доступной в игровой терапии и самой показательной считается игра в куклы. Наблюдая за игрой в дочки-матери, можно узнать об эмоциональном мире ребенка. «Мама» с «папой» дружно пьют чай и вместе ходят гулять - ситуация в семье благополучная; куклы устраивают драки, или ребенок отворачивает их от себя - малыша тревожит обстановка в доме. Нужно только внимательно наблюдать за процессом игры.

Рассмотрим, какие игры наиболее эффективны для профилактики и коррекции девиантного поведения.

В своей работе мы используем различные комплексы игр для разных категорий детей. Например:

Игры для агрессивных детей:

«Колотим воздух», «Сигналы гнева», «Танцуем – отдыхаем», «Клубочек», «Схвати предмет», «Тихий колокольчик», «Маленькие птички», «Комкаем – кидаем», «Повтори за мной», «Капсула крика», «Подушка для пинания» и многие другие. Они эффективно работают, помогая снять напряжение, выплеснуть

гнев, снять у детей усталость и работают как эмоциональная разрядка.

Для детей застенчивых применяем раскрепощающие игры:

Игра «Угадай эмоцию». Ребёнку показываем мимикой эмоцию, а он называет её и старается воспроизвести.

Умение общаться, распознавание и передача эмоций – достаточно сложный процесс, требующий от ребенка определенного уровня развития. Чем лучше ребенок знает, какие бывают эмоции, тем точнее он поймет состояние другого человека и отреагирует на него.

Дидактическая игра «Лото настроений» – Ведущий показывает детям схематическое изображение той или иной эмоции (пиктограмму). Предлагает отыскать в своем наборе животное или человека с такой же эмоцией.

Для профилактики девиантного поведения мы используем игры на формирование социально-приемлемого поведения:

- «Скажи вежливо»;
- «Как поступить зайчику»;
- «Поход в магазин»;
- «Копилка добрых дел»;
- «Я не должен»;
- «Оцени поступок»;
- «Как вести себя в театре».

В этих играх детям предлагаются сюжетные проблемные изображения

и вопросы, на которые ребенок должен сформулировать ответ. Эти игры дают возможность учащимся взглянуть на ситуации под новым углом, услышать мнение других детей о вариантах поведения и выбрать правильный.

Очень необходимы дошкольникам с интеллектуальными нарушениями, игры, направленные на формирование безопасного поведения:

- «Помоги Пете перейти дорогу правильно»;
- «Знакомый, свой, чужой»;
- «Правила поведения с незнакомыми людьми»;
- «Умеем ли мы разговаривать по телефону?»;
- «Выбери съедобные грибы и ягоды»;
- «Источники опасности дома»;
- «Когда грозит опасность»;
- «Как избежать опасностей?»;
- «Что было бы, если...», и другие.

Хотим отметить, что участие обучающихся в дидактических играх способствует их самоутверждению, развивает настойчивость,

стремление к успеху и различные мотивационные качества. В играх совершенствуется мышление, включая действия по планированию, прогнозированию, взвешиванию шансов на успех, выбору альтернатив, что способствует профилактике девиантного поведения.

Одной из самых полезных игр считается игра с песком. Гиперактивным детям чрезвычайно полезна работа с песком, крупой, водой, глиной, рисование с помощью пальцев. Все это помогает снять напряжение.

В своей работе мы применяем игры и упражнения.

Упражнение «Нарисуй эмоцию».

Детям показываем пиктограмму с эмоциями и спрашиваем, какое настроение изображено, затем предлагаем подойти к песочнице и изобразить мимикой предложенную эмоцию, и нарисовать её на песке.

Не менее интересные и полезные игры «Песочные прятки», Игрушки-потеряшки, «Поварёнок». В песке любят прятаться сказки и сказочные герои. Детям предлагается опустить руки в песок, и найти сказочный предмет, который спрятался от них. Ребята должны угадать из какой сказки спрятался предмет или герой.

Для начала просим просто найти все игрушки в песке. Затем усложняем задачу. Просим определить по форме и найти мишку, куколку, лошадку, мячик и т. д. Если ребенок ошибается, прячем игрушку обратно в песок, и он попробует ещё раз. Еще одна полюбившаяся игра – «Поварёнок».

Учимся пользоваться формочками.

Ну-ка, повар, наш дружок,

Испеки нам пирожок!

Для мишки-топтыжки –

Медовые коврижки,

Для белочки-вертушки –

Сладкие ватрушки.

А для ребятешек –

Пончиков да пышек!

Предлагаем ребёнку вылепить из мокрого песка разную «выпечку»: овальные «пирожки», круглые «булочки», «рогалики» в виде полумесяца, «пышки» (лепим круглую «булочку»). Дети угощают своей «выпечкой» кукол, игрушечных зверушек. Для этой игры можно использовать формочки.

С удовольствием наши воспитанники рисуют на песке геометрические фигуры и целые картины.

В результате игр с песком наблюдаются положительные изменения: эмоции приобретают

глубину и устойчивость, преобладают положительные эмоции; появляется постоянная дружба со сверстниками; развивается умение сдерживать свои бурные, резкие выражения чувств; эмоциональная реакция ребенка максимально адекватна ситуации; снижается уровень агрессии.

Наряду с играми в работе по профилактике девиантного поведения особое место уделяем сказке. Ведь сказки очень тесно связаны с играми, и поэтому сказкотерапия является одним из направлений в коррекции и профилактике отклоняющегося поведения у детей дошкольного возраста. Сказки помогают ребенку сформировать понятия «добро» и «зло», раскрывают их творческий потенциал, учат правильно оценивать поступки, как свои, так и окружающих.

Для малыша дошкольного возраста сказка обладает необычайной притягательной силой. Она позволяет ему свободно фантазировать и мечтать. Одновременно с этим сказка для малыша – не только фантазия и вымысел, но и особая реальность, раздвигающая рамки повседневной жизни. В сказке можно столкнуться со сложными чувствами и явлениями, постичь взрослый мир переживаний в доступной для детского понимания форме.

Кроме того, маленькие дети отличаются сильно развитым механизмом идентификации. Другими словами, малыш запросто объединяет себя со сказочным персонажем, чаще всего выбирая положительного героя. Причина этого не в том, что кроха понимает всю глубину человеческих взаимоотношений. Просто если сравнивать героя с другими персонажами, положение героя больше привлекает малыша. Благодаря этому ребенок усваивает моральные ценности и нормы.

Например, самые распространенные сказки:

1. Колобок – ушел из дома один, и с ним случилась беда (сказка для коррекции поведения).

2. Волк и семеро козлят – учит, что нельзя открывать дверь чужим (вы можете 10 раз говорить, что нельзя открывать дверь чужим, но сказка воспринимается и запоминается ребенком легче).

3. Репка – учит, что всем вместе любое дело по плечу, и важна помощь даже самого маленького.

4. Маша и медведь – учит, что из любой трудной ситуации всегда можно найти выход, главное не сила, а смекалка.

Профилактический комплекс мероприятий позволяет уменьшать число нежелательных поведенческих реакций у детей, снижать их интенсивность, менять направленность, что приводит к устойчивому положительному результату. Но это процесс длительный, трудный, требующий усилий, терпения, настойчивости, а также постоянной работы по стабилизации безопасных, доверительных отношений между взрослым и ребенком.

Литература

1. Абраухова В.В. Дошкольная педагогика. Воспитание и развитие детей в ДОО. Москва: Директ-Медиа, 2020. С. 117.
2. Бокалина Н.А., Рясина И.А. Девиантное поведение дошкольников // Молодой ученый. 2019. № 47 (285). С. 451-453.
3. Кожина Т.С. Сенсорная комната – альтернативный способ развития «особого» ребёнка // Молодой ученый. 2016. № 12.6 (116.6). С. 53-57.
4. Лич Д. Прикладной анализ поведения: методики инклюзии учащихся с РАС. Москва: Оперант, 2015. С. 172.
5. Мелешкевич О.В., Эрц Ю.М. Особые дети: введение в прикладной анализ поведения (АВА): принципы коррекции проблемного поведения и стратегии обучения детей с расстройствами аутистического спектра и другими особенностями развития. Бахрах-М, 2017. С. 207.

ANDROSOVA Alyona Yuryevna

Tutor, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

BOZHKOVA Natalia Petrovna

Educator, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

VOROPAEVA Olga Vladimirovna

Educator, MDOU "CRR – d/s No. 8 "Zolotaya Rybka", Russia, Valuiki

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES, METHODS AND TECHNIQUES FOR THE PREVENTION OF DEVIATIONS IN THE SOCIAL HEALTH OF PRESCHOOLERS WITH DISABILITIES

Abstract. *The paper considers the problem of deviant behavior in preschool children, an urgent and insufficiently studied topic, the importance of which is growing with each passing year. It is emphasized that it is in preschool childhood that the prerequisites for behavioral abnormalities are laid, which means that this period is optimal for preventive and corrective measures.*

Keywords: *deviant behavior, preschool age, prevention of deviant behavior, behavior correction, game therapy, fairy tale therapy.*

ГОРЯЧКОВА Ангелина Андреевна

магистрантка,

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова,
Россия, г. Ульяновск

РОЛЬ ТЮТОРСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В ИНТЕГРАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КЛАССЫ

Аннотация. В статье рассматривается критическая важность фигуры тьютора в современной инклюзивной школе. Анализируются функциональные обязанности тьютора, барьеры на пути интеграции и условия, при которых сопровождение становится эффективным.

Ключевые слова: инклюзивное образование, тьюторское сопровождение, дети с ОВЗ, социализация, адаптация, индивидуальный маршрут.

Актуальность проблемы

Интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в среду нормативно развивающихся сверстников – это не просто образовательный тренд, а законодательно закреплённое право (ФГОС НОО для обучающихся с ОВЗ). Однако механическое помещение ребёнка с аутизмом, ДЦП или ментальными нарушениями в обычный класс без специальной подготовки среды приводит к «исключительной инклюзии», где ребёнок физически присутствует, но остаётся изолированным.

Ключевым звеном, превращающим формальное присутствие в полноценное взаимодействие, является тьютор.

Кто такой тьютор в контексте инклюзии?

В отличие от педагога, учителя-предметника или ассистента (помощника, который часто ограничивается бытовой помощью), тьютор выполняет три сквозные функции:

1. Адаптатор среды: он не «учит за ребёнка», а учит ребёнка существовать в динамичной и шумной школьной среде.

2. Переводчик: он синхронизирует требования учителя с возможностями ученика и наоборот (объясняет учителю реальные трудности ребёнка).

3. Мост социализации: он запускает механизмы общения между особым ребёнком и классом, постепенно уходя в тень.

Основные задачи тьютора при интеграции

1. На этапе вхождения (адаптация)

Перед началом учебного года тьютор работает с «зоной ближайшего развития». Он

собирает анамнез, определяет сенсорные особенности (не переносит громких звуков, яркого света, прикосновений). В первые недели задача тьютора – снизить тревожность, создать ритуалы входа в класс и перемены.

2. Организация учебного процесса

Тьютор не решает примеры за ребёнка. Он:

- дробит инструкцию учителя на мелкие, понятные шаги;
- использует визуальное расписание (пиктограммы);
- удерживает внимание, если ребёнок с СДВГ отвлекся, или даёт ему легальную возможность снять напряжение (сенсорная пауза).

3. Посредничество в коммуникации

Самый сложный барьер – не академическая неуспеваемость, а неприятие сверстниками. Тьютор моделирует ситуации успеха: он учит одноклассников языку общения с неговорящим ребёнком (жесты, карточки PECS) или транслирует нейтральную реакцию на нестандартные вокализации.

Проблемы и зоны риска

Безграмотное тьюторское сопровождение может навредить. Выделяют две крайности:

1. «Гиперопека» («нана-термоядерный щит»). Тьютор находится на дистанции 30 см от ребёнка, отвечает за него на уроках, не даёт одноклассникам подойти. Результат: у ребёнка формируется искусственная беспомощность, а одноклассники фиксируются на образе «больного».

2. «Отсутствие супервизии». Тьютор без дефектологического образования пытается

корректировать поведение или учить чтению, конфликтуя с методами учителя-логопеда.

Рецепт: тьютор должен работать в связке с психолого-медико-педагогическим консилиумом (ПМПк) и иметь методологического руководителя (дефектолога).

Условия успешной интеграции через тьюторство

Опыт школ Финляндии и передовых российских регионов (Москва, СПб, Тюменская область) показывает, что интеграция успешна, если соблюдены три правила:

1. Постепенное сокращение помощи. Формула «один ребёнок – один тьютор» верна только для тяжёлых случаев и начального этапа. Цель – через 6–12 месяцев перейти к частичному сопровождению (только на письме или переменах), а затем – к кураторству.

2. Работа со средой. Тьютор тратит 30% времени на ребёнка и 70% – на взаимодействие с классным руководителем, учителем и родителями других детей (инклюзивная культура).

3. Оплата и статус. Там, где нет текучки кадров, у ребёнка формируется стабильная привязанность и прогресс.

Результаты и выводы

Анализ кейсов показывает, что при правильно организованном тьюторском сопровождении:

- дети с ОВЗ овладевают базовыми академическими навыками наравне с классом;
- дети с ментальными нарушениями включаются в игровую деятельность на переменах;
- у нормотипичных детей формируется эмпатия и отсутствие страха перед инвалидностью.

Заключение

Тьютор – это не «прислуга при ребёнке», а архитектор инклюзивного пространства. Именно он превращает физическую

интеграцию в психологическую. Без этой фигуры ребёнок с ОВЗ в обычной школе обречён на роль «вещь в себе». С ней – получает шанс на академическое и личностное развитие, а главное – на настоящее детство в коллективе.

Литература

1. Приказ Минтруда России от 30.01.2023 № 53н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области воспитания».
2. Алёхина С.В., Быстрова, Ю.А. Оценка инклюзивной образовательной среды в образовательной организации: учебное пособие. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 112 с.
3. Баринова Е.Б. Тьюторское сопровождение обучающихся в системе инклюзивного образования: учебник для вузов / Е.Б. Баринова. – Москва: Юрайт, 2025. – 116 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-13887-0.
4. Каримова Л.Ш. Тьюторство как педагогическое сопровождение // Материалы конференции КФУ. – 2014.
5. Карпенкова И.В., Самсонова Е.В., Алёхина С.В. Тьюторское сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования: методическое пособие / под ред. Е.В. Самсоновой. – М.: МГППУ, 2017.
6. Самсонова Е.В., Быстрова Ю.А., Шеманов А.Ю. и др. Исследование субъективной оценки готовности и способности студентов и работающих тьюторов к тьюторскому сопровождению в условиях инклюзивного образования // Психолого-педагогические исследования. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 43-61. – DOI: 10.17759/psyedu.2023150403.
7. Самсонова Е.В., Карпенкова И.В. Профессиональная подготовка тьюторов для инклюзивного образования: учебное пособие / под ред. Е.В. Самсоновой. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 186 с.

GORYACHKOVA Angelina Andreevna

Graduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Russia, Ulyanovsk

THE ROLE OF TUTOR SUPPORT IN THE INTEGRATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES INTO GENERAL EDUCATION CLASSES

Abstract. *The article examines the critical importance of the figure of a tutor in a modern inclusive school. The functional responsibilities of the tutor, barriers to integration and the conditions under which the support becomes effective are analyzed.*

Keywords: *inclusive education, tutor support, children with disabilities, socialization, adaptation, individual route.*

КУПАЛЬЯН Алексей Александрович

магистрант, Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

МОДЕЛЬ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ПЛАТФОРМЫ И ИНСТРУМЕНТЫ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу модели цифрового образовательного пространства с позиций организации синхронного и асинхронного обучения в системе профессионального образования. Раскрывается понятие «цифровое образовательное пространство» как многоуровневой системы взаимодействующих элементов; обосновывается двухуровневая структура среды: асинхронный уровень хранения и самостоятельной работы и синхронный уровень живого взаимодействия. Предложена классификация цифровых платформ по дидактическим функциям: LMS, ВКС-системы, гибридные коммуникационные платформы, MOOK. Проведён сравнительный анализ девяти платформ, применяемых в российском профессиональном образовании: Moodle, iSpring, «Открытое образование», Сферум, TrueConf, Яндекс Телемост, SaluteJazz, Microsoft Teams, Zoom. Для каждой платформы описаны функционал, преимущества и педагогические ограничения. Сформулированы критерии педагогически обоснованного выбора инструментов. Обосновывается вывод о необходимости выстраивания экосистемы взаимодополняющих платформ вместо выбора единственного универсального решения.

Ключевые слова: цифровое образовательное пространство, LMS, система управления обучением, видеоконференцсвязь, Moodle, iSpring, TrueConf, Сферум, синхронное обучение, асинхронное обучение, цифровые образовательные платформы.

Введение

Педагогическая идея о разумном сочетании синхронного и асинхронного форматов обучения остаётся абстракцией до тех пор, пока за ней не стоит конкретная цифровая среда. По данным Министерства цифрового развития, к 2023 году доля студентов, осваивающих программы с применением дистанционных технологий, выросла с 3% (2015) до 23%. Этот рост сопровождался бурным развитием рынка образовательных платформ. Понимать дидактическую логику каждой из них – значит уметь выбирать инструменты осознанно. Настоящая статья систематизирует основные платформы, применяемые в российском профессиональном образовании, и анализирует их возможности с педагогической точки зрения.

1. Модель цифрового образовательного пространства

Понятие «цифровое образовательное пространство» шире, чем набор конкретных платформ. Применительно к профессиональному образованию оно включает нормативную основу, техническую инфраструктуру, программные решения, педагогические практики и

человеческий фактор – готовность преподавателей и студентов к работе в цифровой среде.

С точки зрения интеграции форматов обучения данная модель может быть представлена как двухуровневая структура. *Первый уровень – асинхронная среда:* здесь размещаются учебные материалы, задания, тесты; студент работает в удобном темпе. *Второй уровень – синхронная среда:* здесь проходят занятия в реальном времени. Оба уровня связаны: результаты асинхронной работы обсуждаются синхронно, а записи синхронных занятий доступны для последующего асинхронного просмотра.

По дидактическим функциям платформы делятся на три класса. Системы управления обучением (LMS) организуют асинхронный учебный процесс: хранение контента, тесты, аналитика активности. Системы видеоконференцсвязи (ВКС) обеспечивают синхронное взаимодействие. Гибридные и коммуникационные платформы объединяют оба класса. Отдельную нишу занимают MOOK-платформы, предоставляющие готовый асинхронный контент.

2. LMS-платформы: Moodle и iSpring

Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – система управления обучением с открытым исходным кодом, разработанная в 2002 году и ставшая стандартом де-факто для российских вузов. В России на её базе построены ЭИОС большинства государственных университетов. Архитектура Moodle модульна: каждый курс состоит из тематических блоков с разнообразным контентом – текстами, видеолекциями, тестами с автоматической проверкой, форумами, анкетами. Платформа бесплатна, масштабируется под любое число пользователей, ведёт детальную аналитику активности. Из ограничений – неинтуитивный интерфейс, требующий привыкания, и технический порог при развёртывании. Встроенный модуль BigBlueButton позволяет проводить синхронные занятия внутри платформы, однако уступает специализированным ВКС-системам по качеству видеосвязи.

iSpring – российская экосистема, сочетающая конструктор курсов (iSpring Suite) и облачную LMS (iSpring Learn). Ключевое отличие – интеграция с Microsoft PowerPoint, позволяющая превратить готовые слайды в интерактивные обучающие модули. По данным компании, к концу 2023 года платформой пользовались около 59 000 организаций в 172 странах, выручка в 2024 году составила 2,3 млрд рублей. Главное ограничение – платность: минимальная стоимость лицензии от 56 000 рублей в год, что для крупного вуза с тысячами студентов составляет существенные затраты.

3. МООК-платформа «Открытое образование»

«Открытое образование» (openedu.ru) – национальная платформа массовых открытых онлайн-курсов, созданная в 2015 году консорциумом ведущих российских университетов: МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, МФТИ и другими. Каждый курс включает видеолекции, разбитые на блоки по 10–15 минут, задания с автоматической проверкой и итоговые тесты. В соответствии с приказом Минобрнауки № 816 вузы вправе засчитывать успешно пройденные курсы в учебный план, что создаёт прецедент официально признанной индивидуальной образовательной траектории.

4. ВКС-системы: TrueConf, Яндекс Телемост, SaluteJazz

TrueConf – российский разработчик ВКС-решений, продукты которого включены в Единый реестр отечественного ПО. Флагманский продукт TrueConf Server устанавливается на серверы организации, обеспечивая автономность: поддержка до 1500 участников в конференции, видеосвязь 4K, встроенный мессенджер. Бесплатная версия ограничена 10 пользователями, что недостаточно для семинарской группы.

Яндекс Телемост позиционируется как простой инструмент для быстрых занятий: подключение через браузер без установки приложения, бесплатно до 40 участников без ограничения по времени. Подходит для консультаций и небольших групп, но непригоден для потоковых лекций.

SaluteJazz (от Сбера) выделяется возможностью вебинаров до 3000 участников и функцией автоматической расшифровки записи в текст с созданием конспекта на базе ИИ. Это напрямую работает на потребности образовательного процесса: студент, пропустивший занятие, получает не просто видеозапись, но и структурированное текстовое резюме.

5. Гибридные платформы: Сферум и Microsoft Teams

Сферум – государственная коммуникационная платформа, реализованная как учебный профиль внутри мессенджера MAX (VK) при поддержке Минпросвещения. К 2024 году к ней подключены более 90 000 образовательных организаций и свыше 35 млн пользователей. Поддерживает чаты, обмен файлами, опросы и видеозвонки. Ограничение для высшей школы: разработана преимущественно для Минпросвещения, не имеет функционала для создания курсов и аналитики успеваемости.

Microsoft Teams – корпоративная платформа для совместной работы, по-прежнему используемая в части российских вузов по ранее полученным лицензиям Office 365. Её отличие от простых ВКС-систем – полноценное цифровое рабочее пространство с командными каналами, совместным редактированием документов и системой заданий. Главная проблема в российском контексте после 2022 года – правовая неопределённость с продлением лицензий и курс стратегии 2025 года на импортозамещение.

Таблица

**Сравнительная характеристика цифровых платформ
в профессиональном образовании России**

Платформа	Тип	Формат	Стоимость	Применение в вузе
Moodle	LMS	Асинхронный	Бесплатно	Основная платформа для курсов и аналитики успеваемости
iSpring	LMS + конструктор	Асинхронный	Платно (от 56000 руб/год)	Интерактивные курсы; интеграция с PowerPoint
Открытое образование (openedu.ru)	MOOK-платформа	Асинхронный	Бесплатно для студентов	Зачёт онлайн-курсов ведущих вузов в учебный план
Сферум (MAX)	Коммуникационная платформа	Синхронный + асинхронный	Бесплатно	Официальный инструмент Минпросвещения; чаты и звонки
TrueConf	ВКС-система	Синхронный	Условно-бесплатно	Видеолекции; входит в реестр российского ПО
Яндекс Телемост	ВКС-система	Синхронный	Бесплатно (до 40 уч.)	Быстрые занятия без установки приложения
SaluteJazz	ВКС + вебинарная платформа	Синхронный	Условно-бесплатно	Вебинары до 3000 уч.; автоматическая расшифровка
Microsoft Teams	Корпоративная коммуникация	Синхронный + асинхронный	По лицензии Office 365	Совместная работа над документами; интеграция с OneDrive
Zoom	ВКС-система	Синхронный	Бесплатно (до 40 мин) / платно	Широко используется; неопределённые перспективы импортозамещения

6. Педагогические критерии выбора платформ

Сравнительный анализ показывает: ни одна из платформ не является универсальным решением для интегрированного синхронно-асинхронного обучения. Педагогически грамотный выбор инструмента предполагает ответы на четыре вопроса: (1) какую дидактическую задачу решает инструмент? (2) насколько он доступен для всех студентов группы? (3) как вписывается в существующую цифровую среду вуза? (4) обеспечивает ли документируемость и преемственность учебного процесса между форматами?

Оптимальная стратегия – не максимальное количество платформ, а минимально достаточная экосистема с чётким распределением функций: LMS для асинхронного уровня, ВКС-система для синхронного, коммуникационная платформа как связующий элемент.

Заключение

Цифровое образовательное пространство современного вуза – это не отдельная платформа, а экосистема взаимодействующих инструментов, каждый из которых решает свои дидактические задачи. LMS обеспечивают асинхронный компонент, ВКС-системы – синхронный, гибридные платформы связывают оба уровня, MOOK-платформы расширяют асинхронный горизонт за пределы конкретного вуза. Главная педагогическая задача – выстроить целостную среду, в которой синхронные и асинхронные компоненты органично дополняют друг друга, поддерживая единую логику образовательного процесса. Именно это понимание составляет методологическую основу для разработки педагогической технологии интеграции двух форматов обучения.

Литература

1. Андреев А.А. Дидактические основы дистанционного обучения. М.: РАО, 1999. 120 с.
2. Дугиамас М. Moodle: философия и практика онлайн-образования. Пер. с англ. М.: Образовательные технологии, 2007. 214 с.
3. Манокин М.А., Шенкман Е.А. Синхронный и асинхронный форматы онлайн-обучения: сравнительный анализ // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 4. С. 93-121.
4. Приказ Минобрнауки России № 816 от 23 августа 2017 г. «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».
5. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. Утв. Минобрнауки России 14 июля 2021 г. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2025).
6. Официальный сайт платформы TrueConf. URL: <https://trueconf.ru> (дата обращения: 20.04.2025).
7. Официальный сайт платформы Сферум. URL: <https://sferum.ru> (дата обращения: 20.04.2025).
8. Официальный сайт iSpring. URL: <https://ispring.ru> (дата обращения: 20.04.2025).

KUPALYAN Alexey Alexandrovich

Master's Student, Kuban State University, Russia, Krasnodar

THE DIGITAL EDUCATIONAL SPACE MODEL: PLATFORMS AND TOOLS IN THE PROFESSIONAL EDUCATION SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital educational space model from the perspective of the organization of synchronous and asynchronous learning in the professional education system. The concept of "digital educational space" as a multilevel system of interacting elements is revealed; the two-level structure of the environment is substantiated: an asynchronous level of storage and independent work and a synchronous level of live interaction. A classification of digital platforms by didactic functions is proposed: LMS, VKS systems, hybrid communication platforms, MOOCs. A comparative analysis of nine platforms used in Russian professional education is carried out: Moodle, iSpring, Open Education, Spherum, TrueConf, Yandex Teleconference, SaluteJazz, Microsoft Teams, Zoom. Functional, advantages, and pedagogical limitations are described for each platform. The criteria of pedagogically justified choice of tools are formulated. The conclusion is substantiated that it is necessary to build an ecosystem of complementary platforms instead of choosing a single universal solution.

Keywords: digital educational space, LMS, learning management system, videoconferencing, Moodle, iSpring, TrueConf, Spherum, synchronous learning, asynchronous learning, digital educational platforms.

КУПАЛЬЯН Алексей Александрович
магистрант,
Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ СИНХРОННОГО И АСИНХРОННОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу сущности и содержания технологий синхронного и асинхронного обучения студентов в контексте цифровой трансформации профессионального образования. Рассматривается исторический контекст формирования данных понятий, уточняется их понятийное разграничение по временному параметру образовательной коммуникации. Проведён сравнительный анализ дидактических характеристик обоих форматов: выявлены их преимущества и ограничения применительно к задачам высшей школы. Обосновывается тезис о взаимодополняемости синхронного и асинхронного обучения и невозможности замены одного формата другим без потери педагогических возможностей. Уточняется разграничение понятий «формат обучения» и «педагогическая технология»; технологический подход рассматривается как системная организация образовательного процесса с методически обоснованным распределением учебных задач между форматами.

Ключевые слова: синхронное обучение, асинхронное обучение, смешанное обучение, цифровая трансформация образования, педагогическая технология, дистанционные образовательные технологии, саморегулируемое обучение.

Введение

Вопрос о природе синхронного и асинхронного обучения не возник вместе с пандемией 2020 года – он обсуждался в педагогической науке задолго до того, как видеоконференции стали привычным учебным инструментом. Однако именно массовый переход высшей школы в дистанционный формат сделал это разграничение практически значимым для каждого преподавателя вуза. Постпандемийный период поставил новую задачу: перейти от вынужденной импровизации к осознанному педагогическому проектированию. Как указывают Н. В. Кузнецова и А. А. Филимонов (2024), чёткого и окончательного разграничения данных форматов в отечественной научной литературе по-прежнему не выработано, что делает уточнение их понятийного содержания актуальной задачей.

1. Понятийное разграничение синхронного и асинхронного обучения

Ключевым основанием для классификации в большинстве подходов остаётся *временной параметр коммуникации* между участниками образовательного процесса.

Синхронное обучение – это форма организации учебного процесса, при которой взаимодействие преподавателя и студентов происходит одновременно, в режиме реального времени, вне зависимости от того, осуществляется ли оно очно или посредством цифровых каналов связи. М. А. Манокин и Е. А. Шенкман, опираясь на коммуникативную модель Шеннона, описывают синхронный формат как такой, при котором преподавателя и студента разделяет только пространственная дистанция, но не временная. Принципиальный признак – немедленная обратная связь: студент задаёт вопрос и получает ответ в момент его возникновения.

Асинхронное обучение строится на принципиально иной логике: взаимодействие разнесено во времени. Учебные материалы создаются заранее, студент обращается к ним тогда, когда ему удобно, а обратная связь осуществляется с задержкой через форумы, комментарии в LMS или электронную почту. В основе асинхронного подхода лежит конструктивистская теория обучения, предоставляющая студенту значительную свободу при выстраивании собственного образовательного маршрута и

одновременно возлагающая на него большую ответственность за результат.

Исторически асинхронный формат значительно старше: его истоки восходят к заочному образованию XIX века, тогда как синхронный дистанционный формат в современном понимании стал массовым лишь в 1990-е годы с развитием интернета и видеосвязи. Пандемия 2020 года превратила теоретический вопрос о соотношении форматов в насущную практическую задачу для каждого преподавателя высшей школы.

2. Дидактические характеристики форматов: преимущества и ограничения

Синхронный формат наиболее эффективен там, где результат образовательного взаимодействия зависит от живой коммуникации: дискуссии, совместное решение кейсов, ролевые игры, разбор ошибок в режиме диалога. Именно в синхронном режиме формируются коммуникативные навыки и критическое мышление – компетенции, требующие немедленной аргументации и работы с живой реакцией собеседника. По данным исследователей НИУ ВШЭ, ощущение групповой принадлежности, воспроизводимое синхронным форматом, выступает одним из ключевых факторов учебной мотивации.

Вместе с тем синхронный формат имеет структурные ограничения: жёсткая привязка к

расписанию, единый темп для всей группы, зависимость качества занятия от стабильности интернет-соединения у всех участников.

Асинхронный формат строится на педагогической философии саморегулируемого обучения (self-regulated learning): студент сам определяет темп, может вернуться к материалу, изучать его в соответствии со своими когнитивными возможностями. Это создаёт условия для подлинной индивидуализации, труднодостижимой в большой аудиторной группе. Высокую эффективность асинхронный формат показывает при освоении теоретического материала, выполнении исследовательских заданий, формировании навыков рефлексии.

Принципиальная слабость асинхронного формата – дефицит обратной связи. Существует характерный разрыв восприятия: преподаватели, как правило, считают, что обеспечивают достаточный уровень обратной связи, тогда как студенты фиксируют её острую нехватку. Этот феномен зафиксирован в ряде российских и зарубежных исследований периода 2020–2022 годов. Устойчивая низкая завершаемость асинхронных курсов без поддерживающей структуры – дедлайнов, регулярных проверочных точек – подтверждает, что данный формат предъявляет к обучающемуся более высокие требования в части учебной автономии.

Таблица

Сравнительная характеристика синхронного и асинхронного форматов обучения

Параметр сравнения	Синхронное обучение	Асинхронное обучение
Время взаимодействия	Одновременное, в режиме реального времени	Разновременное, студент сам выбирает время
Обратная связь	Немедленная, в ходе занятия	Отложенная: форум, почта, комментарии в LMS
Гибкость расписания	Низкая – занятие в фиксированное время	Высокая – нет привязки к расписанию
Темп освоения материала	Единый для всей группы	Индивидуальный, студент сам регулирует
Социальное присутствие	Высокое: ощущение группы, живой диалог	Низкое: риск изоляции и потери мотивации
Оптимальные учебные задачи	Дискуссии, кейсы, ролевые игры, коммуникативные компетенции	Освоение теории, рефлексия, эссе, портфолио
Инструменты в вузе	Zoom, TrueConf, Teams, вебинары	Moodle, iSpring, видеолекции, форумы

3. Смешанное обучение и понятие педагогической технологии

Осознание того, что каждый формат имеет принципиальные ограничения, которые

другой формат компенсирует, закономерно привело к концепции смешанного (гибридного) обучения (blended learning). Н. В. Гарашкина и А. А. Дружинина (2020) указывают: само

по себе механическое соединение двух форматов не даёт педагогического эффекта – необходима содержательная логика распределения учебного материала и задач между ними.

Принципиально важно разграничить понятия «формат обучения» и «педагогическая технология». Формат – это характеристика временной организации образовательной коммуникации. Технология – понятие более широкое и системное: совокупность целей, принципов, методов, средств и критериев оценки результата, выстроенных в системную логику. Говоря о педагогической технологии синхронного и асинхронного обучения, мы имеем в виду не просто выбор платформы, а ответ на вопросы: какие учебные цели решаются в каждом из форматов? По каким критериям делается выбор? Как обеспечивается содержательная связность между компонентами курса?

Куренкова Т. Н., Маслов О. В. и Стрекалева Т. В. в исследовании о синхронном и асинхронном форматах как средстве формирования индивидуальной образовательной траектории подчёркивают: выбор формата не должен определяться исключительно техническими возможностями – он должен исходить из дидактической целесообразности конкретного учебного действия.

Заключение

Синхронное и асинхронное обучение представляют собой два принципиально различных способа организации образовательной коммуникации, каждый из которых обладает собственными дидактическими возможностями и ограничениями. Синхронный формат обеспечивает живое взаимодействие, немедленную обратную связь и групповую динамику, но ограничивает гибкость и индивидуализацию. Асинхронный даёт студенту автономию и возможность работать в индивидуальном темпе, но требует высокого уровня учебной самостоятельности и создаёт риск снижения мотивации при недостаточной педагогической поддержке.

Ни один из форматов не является самодостаточным в системе профессионального образования. Эффективная педагогическая технология – это методически обоснованное сочетание обоих форматов, в котором каждый используется в соответствии со своими дидактическими функциями. Именно проектирование такой технологии применительно к подготовке студентов педагогических специальностей составляет научную проблему, исследованию которой посвящена данная работа.

Литература

1. Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Интеграция синхронного и асинхронного форматов как направление цифровизации высшего образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 7-17.
2. Куренкова Т.Н., Маслов О.В., Стрекалева Т.В. Синхронный и асинхронный форматы электронного обучения как средство формирования индивидуальной образовательной траектории студентов // Вестник педагогических наук. 2021. № 3. С. 45-52.
3. Кузнецова Н.В., Филимонов А.А. Синхронные и асинхронные форматы обучения в цифровой образовательной среде // Наука и образование. 2024. № 1. С. 112-119.
4. Манокин М.А., Шенкман Е.А. Синхронный и асинхронный форматы онлайн-обучения: сравнительный анализ // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 4. С. 93-121.
5. Бондаревская Е.В. Цифровая трансформация педагогического образования: проблемы и перспективы // Педагогика. 2021. № 5. С. 18-27.
6. Полат Е.С. Дистанционное обучение: организационный и педагогический аспекты // Информатика и образование. 1996. № 3. С. 87-91.
7. Андреев А.А. Дидактические основы дистанционного обучения. М.: РАО, 1999. 120 с.

KUPALYAN Alexey Alexandrovich

Master's Student, Kuban State University, Russia, Krasnodar

THE ESSENCE AND CONTENT OF SYNCHRONOUS AND ASYNCHRONOUS STUDENT LEARNING TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL EDUCATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the essence and content of synchronous and asynchronous student learning technologies in the context of the digital transformation of vocational education. The historical context of the formation of these concepts is considered, their conceptual differentiation according to the temporal parameter of educational communication is clarified. A comparative analysis of the didactic characteristics of both formats has been carried out: their advantages and limitations have been identified in relation to the tasks of higher education. The thesis on the complementarity of synchronous and asynchronous learning and the impossibility of replacing one format with another without loss of pedagogical capabilities is substantiated. The distinction between the concepts of "learning format" and "pedagogical technology" is clarified; the technological approach is considered as a systematic organization of the educational process with a methodically based distribution of educational tasks between formats.*

Keywords: *synchronous learning, asynchronous learning, blended learning, digital transformation of education, pedagogical technology, distance learning technologies, self-regulated learning.*

МЕДВЕДЕВА Светлана Александровна

студентка, Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, Россия, г. Ишим

РАЗВИТИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА НА ПРИМЕРЕ ВЕДЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО ДНЕВНИКА

Аннотация. В статье рассматривается одна из главных проблем, с которой сталкиваются учителя иностранного языка – проблема поддержания мотивации к изучению языка у подростков. В качестве решения проблемы предлагается ведение учениками рефлексивных дневников. Автор обосновывает важность рефлексии для детей, у которых происходят физиологические, психологические изменения по причине их взросления и наступления подросткового периода.

Цель исследования – определить эффективные приёмы ведения рефлексивного дневника, которые будут способствовать развитию познавательной мотивации к изучению иностранного языка у школьников среднего звена (5–8 классы).

В статье прослеживается связь понятий «рефлексия» и «мотивация».

Отдельное внимание уделяется тому, что рефлексивный дневник является эффективным механизмом развития познавательной мотивации у подростков.

Автором представлена общая структура рефлексивных дневников и приведены примеры записей. Предлагается альтернатива для учителей (педагоги разрабатывают шаблоны рефлексивных дневников, а ученики заполняют их).

Практическая значимость статьи определяется тем, что в ней представлены материалы: структура рефлексивного дневника, примеры заданий и страниц для его заполнения.

Ключевые слова: мотивация, рефлексия, психологические особенности подростков, стимул, познавательная мотивация, рефлексивный дневник.

В современных реалиях одной из главных проблем учителей иностранного языка является проблема поддержания мотивации к изучению языка у школьников, особенно у подростков. При поиске эффективных методов педагог должен опираться на возрастные и познавательные особенности детей. Он должен задаваться вопросом: «Как помочь школьнику учить язык не ради оценки, а ради самого процесса познания?». И необходимо, чтобы в результате с помощью выбранных средств учитель смог ответить на поставленный вопрос.

Одним из эффективных методов решения данной проблемы, на мой взгляд, является ведение рефлексивного дневника. Он нужен не для контроля, а для диалога ученика с самим собой.

Цель моего исследования – определить эффективные приёмы ведения рефлексивного дневника, которые будут способствовать развитию познавательной мотивации к изучению иностранного языка у школьников среднего звена (5–8 классы).

Психологические особенности учащихся среднего звена в контексте мотивации

Мотивация – это совокупность внешних и внутренних факторов, которые побуждают человека к действию, направленному на достижение целей и удовлетворение потребностей и желаний.

Для школьников мотивация крайне важна, особенно в современных реалиях. Подростки всё чаще проводят своё свободное время в социальных сетях, на стриминговых платформах, в игровых приложениях. А это, в свою очередь, приводит к снижению мотивации учиться. И одной из главных задач учителя является поддержание этой самой мотивации. Чтобы ребёнок хотел учиться, в первую очередь, ради себя, своих интересов. Важно, чтобы ему был интересен сам процесс. Но выполнить эту задачу крайне тяжело.

«Средний школьный возраст – это время изменения привычной системы понятий школьников о собственной личности, об отношениях со сверстниками, в рамках учебного процесса и

вне этого процесса. Время формирования собственного мнения, мировоззрения и восприятия себя как взрослого». Подростковый возраст является одним из самых важных этапов, потому что именно в этот период у ребёнка происходят психологические, физиологические и мировоззренческие изменения. В это время меняются интересы, взгляды, появляется потребность в самовыражении. И самое главное – формируются внутренние мотивы учения.

Но следует отличать мотив от такого понятия, как стимул. Стимул – это побуждение внешнее, а мотив – внутреннее. Стимулировать ребёнка можно только при наличии мотива, иначе – это бессмысленно. Например, мама хвалит своего ребёнка за его успехи в рисовании, но он не будет продолжать заниматься этим делом, если оно ему не интересно. Нет мотива – стимул бесполезен.

Из-за физиологических изменений, таких как начало полового созревания, развитие и рост органов в организме, ребёнок часто подвергается усталости, уменьшению выносливости. И эти изменения, в свою очередь, находят отражение в психическом развитии, как пример – замедляется оперативность мышления. И эти факторы в комплексе оказывают влияние на успеваемость ребёнка – она снижается. А из-за снижения успеваемости постепенно пропадает и мотивация, даже несмотря на то, что дети в подростковом возрасте очень хотят самовыразиться и ищут все возможные способы.

Подростки хотят быть независимыми, избегают влияния старших на свою жизнь, потому что считают, что уже достигли того возраста, когда могут самостоятельно принимать важные решения, думают, что могут обойтись без советов взрослых людей. Выражается это в агрессии, непослушании, бунтарстве. «Изменения, происходящие в период перехода ребёнка в подростка, показывают, что он стремится к самому себе, к познанию себя. Он хочет ощущать себя старше, быть признанным взрослыми». Подростки зачастую перенимают привычки, манеру общения именно от взрослых.

Рефлексия как психологический механизм

«Рефлексия трактуется как механизм социальной жизни человека во всех её проявлениях, механизм самоорганизации и саморазвития сложных систем, источник и средство свободы личности». Иными словами, рефлексия – это форма деятельности, при которой человек осмысливает свои действия, поступки.

Пьер Тейяр де Шарден полагал, что рефлексия – это ключевой феномен, который отделяет человека от животного мира и играет центральную роль в его становлении и эволюции. «Рефлексия – это приобретённая сознанием способность сосредоточиться на самом себе».

Рефлексируя, человек лучше понимает себя, свои действия, мотивы. Он стремится разобраться в своих мыслях и переживаниях, осознать, почему он поступил так, а не иначе.

Самый распространённый метод рефлексии – ответы на вопросы, помогающие понять себя. Например, у молодого человека случились неприятности на работе, и он расстроился. В процессе рефлексии он спрашивает себя: «Что случилось?», «Что я сейчас чувствую?», «Насколько сильная эмоция, которую я испытываю?», «Что мне хочется сделать под влиянием этой эмоции?», «Как бы мне хотелось чувствовать себя в этой ситуации?», «Как ещё я могу отреагировать?». И уже отвечая на эти вопросы, он сможет понять себя, свои эмоции, переживания. Сможет разобраться в себе именно в контексте определённой ситуации. Рефлексия эффективна только в том случае, если человек, в первую очередь, честен сам с собой. Если же он не может искренне, правдиво ответить на подобные вопросы, то он и не поймёт себя, свои мысли, и не сдвинется с мёртвой точки. Например, в ситуации, приведенной выше, молодой человек так и не поймёт, какое значение имеет эта эмоция для него самого, и не придёт к выводу, что на разные ситуации можно реагировать по-разному, то есть, не ограничиваясь в эмоциях.

При рефлексии активизируется мышление. При этом процессе человек подвергает свои мысли, принятые решения критическому анализу. Человек концентрируется на самом себе, опирается на свой опыт.

Рефлексия и мотивация

Мотивация, по мнению американского психолога Абрахама Маслоу, это «человеческое стремление проявить себя в том, к чему он чувствует себя потенциально способным».

Рефлексия является основой формирования мотивации. Иными словами, человек осознаёт потребности, соотносит их со своей поставленной целью и выбирает максимальное количество потребностей, которые могут быть удовлетворены при достижении цели. Условно, у меня есть потребности, а именно: физическая нагрузка, сон, правильное питание, любовь к себе – они самые важные. Я ставлю перед собой

цель – похудеть, потому что осознаю, что при похудении я смогу наладить режим сна, питания, смогу регулярно заниматься физическими нагрузками, и, в конце концов, я полюблю себя. А значит, я внутренне замотивировала себя. В итоге – цель достигнута, потребности удовлетворены. Можно сделать вывод, что именно благодаря рефлексии и сформировалась мотивация.

Рефлексия влияет на эффективность деятельности. То есть, рефлексирюя, человек делает своё дело лучше, потому что он анализирует свои действия и исправляет ошибки. Осознание процесса ведёт к улучшению процесса. Например, художник пишет картины. И после каждой работы он проводит рефлексию, анализирует, что в работе можно изменить, улучшить, исключить. И спустя время он осознаёт, что его картины стали намного лучше.

Рефлексивный дневник как средство развития познавательной мотивации на уроках иностранного языка

Как уже было сказано, рефлексия – это способность человека к самонаблюдению и самоанализу.

Рефлексивный дневник – это систематическая письменная фиксация результатов самонаблюдения человека касаясь его чувств, мыслей и поведения. Благодаря рефлексивному дневнику человек анализирует свои достижения, ошибки, эмоции, лучше понимает свои мотивы, цели.

Теперь рассмотрим рефлексивный дневник в контексте учебной деятельности подростков, а именно – как инструмент развития у них познавательной мотивации к изучению иностранного языка.

Дневник способен превращать внешнюю мотивацию во внутреннюю. Каким образом? Условно, учитель сказал, что за выученное правило по теме «Present Continuous» он поставит пятёрку. Это мотивирует ребёнка выучить правило, но без внутренней мотивации ему будет сложнее это сделать. И это при условии, что сама по себе пятёрка является внешним стимулом. Как только пропадает угроза плохой оценки или стимул в виде оценки – желание учить правило тоже исчезает. И возникает вопрос: «Как замотивировать себя внутренне?». В ход вступает рефлексивный дневник. Ребенок может записать в дневник условие задания, в нашем случае – выучить правило. И после этого он пытается ответить на вопрос «Почему Я хочу выучить это правило?», тем самым ставя перед

собой цель, например, «Я хочу улучшить свои навыки устной речи». Ещё один способ – честно написать, какую эмоцию вызывает у ребёнка это задание и то, что он у него не получается его выполнить, например, страх не получить пятёрку. Он прописывает: «Я не могу выучить это правило, из-за этого я злюсь и одновременно боюсь, что не получу пятёрку». Выплеснув эмоцию, высказав свои мысли, он в какой-то степени убирает блок. Ему хочется, чтобы его эмоция сменилась на положительную, он хочет получить хорошую отметку. И проанализировав свои мысли и эмоции, он понимает, что у него появляется мотивация выполнить это задание.

Структура рефлексивного дневника

Рефлексивный дневник помогает подросткам отслеживать прогресс, ставить и достигать целей, развивать навыки саморегуляции в обучении. Структура дневника может меняться в зависимости от целей ребёнка.

Рассмотрим основные базовые разделы рефлексивного дневника.

На первой странице размещена основная информация о ребёнке, например, имя, фото, возраст и так далее.

Далее подросток прописывает свои цели на определённый период в обучении, например, на день, месяц, полгода, год. Это помогает ребёнку ориентироваться и понимать, что ему всегда есть к чему стремиться. И благодаря целям он может понимать, каков процент прогресса.

На следующих страницах подросток может анализировать свою деятельность на уроках. Например, он пишет «Сегодня я смог выполнить упражнение, потому что выучил правило» или «Сегодня я не справился с заданием, потому что мне не удалось выучить правило, оно слишком сложное для меня, я хочу, чтобы мне объяснили его простым языком, тогда я пойму». Благодаря этому школьник будет лучше понимать свои потребности или лучшие стороны. Также он может прописывать, анализировать итоги дня, месяца, недели; положительные эмоции, то есть может фиксировать свои успехи. Так он поймёт, что прогресс есть, и есть то, ради чего стоит продолжать учиться.

Все свои заметки ребёнок может сопровождать рисунками, фотографиями, схемами, стикерами. И в итоге получится не сплошной текст, а красивые и интересные записи.

Если подросток захочет, то он может периодически давать свой дневник учителю, чтобы тот прочитал его мысли и смог поддержать.

Примеры записей в рефлексивном дневнике

Страница «Сегодня на уроке», на которой ребёнок прописывает: «Что делал?», «Легко», «Трудно», «Интересно», «Оценка». И далее отвечает на вопрос и отмечает, что для него было легко, трудно и интересно. А в конце оценивает себя. После того, как отпишет свои мысли, он делает вывод. Например, «Сегодня на уроке мне понравилось работать, я выучил 10 новых слов. Я очень рад. Задания от учителя были интересными, мне понравилось их выполнять. Я молодец». То есть именно благодаря выводу подросток понимает, какие эмоции он испытывает к прошедшему уроку, осознаёт, чего он достиг или что ему ещё нужно наверстать. И у него развивается познавательная мотивация, ему хочется учиться дальше, потому что он понимает, что нет предела его возможностям.

Следующая страница – «Мои ошибки – мои друзья». На ней ребёнок прописывает ошибки, которые допустил на уроке. Например, «Я написал «I go to school yesterday» вместо «I went», меня это расстроило, ведь я думал, что скажу верно». И после этой записи снова делает вывод, осмыслив перед этим свои эмоции. Написав вывод, он понимает, что ошибаться – это нормально. В следующий раз он постарается не допустить подобную ошибку, потому что усвоил материал. Это мотивирует подростка не сдаваться, а верить в свои силы.

Ещё одна из страниц – «Письмо в будущее», на которой ребёнок пишет письмо самому себе в будущее. Например, «Привет, я из прошлого месяца. Как ты? Я надеюсь, ты выучил 150 новых слов и хорошо понимаешь Past Simple. Моя цель на ближайший месяц – не бояться говорить. Удачи!». Это мотивирует подростка не останавливаться на достигнутом, то есть он поставил себе не одну цель, а три, которые он должен выполнить за месяц. Ставя цели, он оценивает свои возможности и понимает, что способен на большее.

Свои дневники подростки могут называть креативно, например, «My progress journal». Если ребёнок не хочет писать на бумаге, он может прописывать свои мысли в социальных сетях, например, создать закрытое сообщество во «ВКонтакте», чтобы никто кроме него не мог прочитать его записи, мысли.

Как уже упоминалось ранее, учитель может читать рефлексивные дневники учеников, чтобы понимать их эмоции и иметь

возможность скорректировать свои планы работы на уроках.

Один из вариантов – учитель может разработать шаблон рефлексивного дневника, в котором сам обозначит наименования страниц, разработает таблицы, вопросы для рефлексии, чтобы ученики заполняли дневник по мере необходимости, например, если задание подразумевает под собой запись эмоций после открытого урока, то дети прописывают свои мысли и эмоции именно после открытого урока, дома. Или если в задании условие – писать свои мысли и выводы после каждого урока, то подростки следуют условию.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: рефлексивный дневник может выступать не только в качестве инструмента контроля, но и средством развития познавательной мотивации у школьников среднего звена. Благодаря записям подростки могут замечать свои проблемы, успехи и возможности. Они научатся анализировать свои мысли, эмоции и действия. Ученики осознают, что язык на самом деле очень интересный, перестанут просто зубрить материал. Крайне важно, чтобы записи были систематичны и после каждого потока мыслей обязателен вывод, в этом и заключается результат рефлексии.

Литература

1. Демченко Э.А. Учебная мотивация в среднем школьном возрасте // Актуальные исследования. – 2025. – № 1 (236). – Ч. II. – С. 75-77.
2. Краснова А.Г. Терапевтический потенциал рефлексивного дневника как практики откровения помыслов в современных условиях // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы пятой всероссийской конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2024 г. СПб.: ЦХПА. – 2024. – С. 82-101.
3. Ляшенко М.В. Мотивация учебной деятельности: основные понятия и проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 53-73.
4. Маркова А.К. Формирование мотивации учения. // М.: Просвещение. – 1990. – С. 191-193.
5. Нургалиева М.К., Булатбаева А.А., Есенова К.А., Рамазанова С.А. Особенности мотивации учебной деятельности подростков // Психолог. – 2022. – № 2.

6. Овсепян А.Л. Психологические особенности развития учебной мотивации в средней школе // Научный журнал. – 2021. – С. 63-65.

7. Романова Е.В., Пронина Н.А. Особенности познавательной мотивации младших подростков // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2021. – № 1 (35) – С. 49-56.

8. Саварцов М.С. Развитие познавательной самостоятельности у подростков в школе // Вестник науки. – Т. 2, № 6 (63). – С. 311-319.

9. Усманова К.Б. Рефлексивный дневник как средство формирования рефлексивной компетенции будущего учителя иностранного языка // Экономика и социум. – 2024. – № 7 (122) – С. 598-605.

10. Эшпулатова Ш.А. Психолого-физиологические изменения в подростковом возрасте и их характеристика // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 12 (69). – С. 1458-1462.

MEDVEDEVA Svetlana Alexandrovna

Student, P. P. Yershov Ishim Pedagogical Institute (branch) Tyumen State University,
Russia, Ishim

DEVELOPING COGNITIVE MOTIVATION TO LEARN A FOREIGN LANGUAGE IN MIDDLE SCHOOL STUDENTS USING THE EXAMPLE OF KEEPING A REFLECTIVE DIARY

Abstract. *This article examines one of the main challenges facing foreign language teachers: maintaining language learning motivation in adolescents. As a solution, students are encouraged to keep reflective diaries. The author substantiates the importance of reflection for children who are undergoing physiological and psychological changes as they mature and enter adolescence.*

The aim of the study is to identify effective reflective diary techniques that will facilitate the development of cognitive motivation for foreign language learning in middle school students (grades 5-8).

The article explores the connection between the concepts of "reflection" and "motivation."

Special attention is paid to the fact that reflective diaries are an effective mechanism for developing cognitive motivation in adolescents.

The author presents the general structure of reflective diaries and provides sample entries. An alternative for teachers is proposed (teachers develop reflective diary templates, and students complete them). The practical significance of the article is determined by the fact that it presents materials: the structure of a reflective diary, examples of tasks and pages for filling it out.

Keywords: *motivation, reflection, psychological characteristics of adolescents, incentive, cognitive motivation, reflective diary.*

ПЛАХУТА Елизавета Александровна

магистрантка, Московский городской педагогический университет, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – ученый секретарь Московского городского педагогического университета,
кандидат филологических наук Данилина Анна Андреевна*

ВЛИЯНИЕ НАСТОЛЬНЫХ ИГР НА РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ОБУЧАЮЩИХСЯ 9-х КЛАССОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития эмоционального интеллекта подростков 15-16 лет средствами настольных игр. Анализируются психологические механизмы влияния игровой деятельности на формирование навыков распознавания эмоций, саморегуляции и межличностного взаимодействия. Представлены результаты современных российских исследований, демонстрирующих положительную динамику развития компонентов эмоционального интеллекта у девятиклассников при систематическом включении настольных игр в образовательный процесс. Особое внимание уделено специфике подросткового возраста и выбору игровых форматов, соответствующих задачам социально-эмоционального развития. Обоснована практическая значимость игровых технологий для работы школьных психологов и педагогов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, настольные игры, подростковый возраст, девятиклассники, социально-эмоциональное развитие, игровые технологии, образовательный процесс.

Эмоциональный интеллект подростков: проблемная область современной школы

Девятый класс – переломный момент в жизни школьника. Подросток 15-16 лет сталкивается с выбором образовательной траектории, интенсификацией учебной нагрузки, необходимостью выстраивать более зрелые отношения со сверстниками и взрослыми. Однако именно в этот период, согласно данным мониторинга психологических служб российских школ за 2023-2024 учебный год, у 67% обучающихся 9-х классов фиксируются трудности эмоциональной регуляции [4, с. 78-91].

Проблема не нова. Впрочем, масштаб её проявления существенно вырос после пандемийного периода, когда подростки оказались частично изолированы от привычных форм социального взаимодействия. В исследовании Синягиной Н.Ю., охватившем 1247 девятиклассников из 18 регионов РФ, установлено: только 34% подростков демонстрируют устойчивые навыки распознавания эмоциональных состояний других людей, а способность конструктивно управлять собственными переживаниями в стрессовых ситуациях выявлена лишь у 28% респондентов [6, с. 54-67].

Речь идёт не столько о клинических нарушениях, сколько о недостаточной

сформированности эмоционального интеллекта – интегративной способности, включающей понимание собственных эмоций и чувств других людей, управление эмоциональными состояниями, использование эмоциональной информации для решения задач и построения отношений. Традиционная образовательная среда школы, ориентированная преимущественно на когнитивное развитие, не предоставляет достаточного количества ситуаций для целенаправленной тренировки этих навыков.

Настольные игры, между тем, создают именно такое пространство. Они моделируют социальные ситуации, требуют принятия решений в условиях неопределённости, провоцируют эмоциональные реакции и одновременно задают рамки их выражения. Кооперативные игры учат работать в команде несмотря на различия в темпераментах и стратегиях поведения. Конкурентные форматы помогают справляться с проигрышем и радоваться успеху, не переходя границ уважения к соперникам.

Здесь стоит сделать оговорку: не любая настольная игра автоматически развивает эмоциональный интеллект. Эффект зависит от типа игры, регулярности занятий, наличия рефлексивного обсуждения игрового опыта. Простые игры- «ходилки» с кубиком создают

минимальное пространство для эмоционального научения. Сложные стратегические игры могут, напротив, перегружать подростка когнитивными задачами, отвлекая от осознания эмоциональных процессов.

Механизмы влияния игровой деятельности на компоненты эмоционального интеллекта

Структура эмоционального интеллекта, согласно адаптированной модели Д. В. Люсина включает внутриличностный и межличностный компоненты, каждый из которых разделяется на понимание эмоций и управление ими [3, с. 29-39]. Настольные игры воздействуют на все четыре аспекта, хотя и через различные механизмы.

Распознавание собственных эмоций тренируется в ситуациях принятия решений с высокой степенью неопределённости. Подросток, выбирающий стратегию хода в игре «Диксит» или «Имаджинариум», вынужден прислушиваться к интуитивным ощущениям – что именно в предложенной ассоциации кажется правильным, какая карта вызывает внутренний отклик. Исследование Гордеевой Т. О. и Осина Е. Н., проведённое на базе московских школ с участием 156 девятиклассников, показало: после 12 еженедельных игровых сессий продолжительностью 60–90 минут показатели по шкале «понимание собственных эмоций» выросли в среднем на 23% [1, с. 32-45].

Управление собственными эмоциями формируется преимущественно в конкурентных играх. Подросток учится переживать разочарование, злость, досаду, не разрушая отношений с другими участниками. Картина здесь неоднородная: мальчики, согласно данным Синягиной Н. Ю., демонстрируют более выраженную динамику в сдерживании импульсивных реакций, девочки – в вербализации переживаемых эмоций [6, с. 54-67].

Понимание эмоций других людей активно развивается в играх, требующих наблюдения за поведением партнёров и считывания невербальных сигналов. «Мафия», «Детектив», любые игры с элементами блефа ставят подростка перед необходимостью анализировать мимику, интонацию, паузы в речи соперников. В работе Прихожан А. М., выполненной на выборке 93 обучающихся 9-х классов подмосковных школ в 2024 году, зафиксировано: после цикла из 16 занятий с играми детективного жанра точность распознавания базовых эмоций (радость, грусть, гнев, страх, удивление) по

фотографиям лиц возросла на 31%, тогда как в контрольной группе без игровых интервенций изменения составили лишь 7% [5].

Управление эмоциями других – наиболее сложный компонент эмоционального интеллекта, формирующийся позже остальных. Кооперативные игры (например, «Пандемия», «Запретный остров»), создают контекст, где успех команды зависит от способности каждого участника не только решать игровые задачи, но и поддерживать эмоциональный климат группы. Подросток, видящий, что партнёр расстроен неудачным ходом, может подбодрить его, предложить альтернативную стратегию, снизить напряжение шуткой.

Важен и ещё один аспект, который нередко упускается из внимания: настольные игры дают подростку опыт «проживания» различных социальных ролей. В ролевых играх (например, «Мир тьмы», «Dungeons & Dragons») участник воплощает образ персонажа с заданными эмоциональными характеристиками – вспыльчивого воина, хитрого торговца, осторожного мага. Это своеобразный тренинг эмпатии через перспективу, проективную «примерку» эмоционального образа другого.

Игровые практики в то же время демонстрируют следующее: эффект от занятий с игровым компонентом усиливается, если после игры проводится короткая рефлексивная сессия, где участники обсуждают, какие эмоции испытывали, как справлялись с трудностями, что помогало или мешало взаимодействию и т. д. Без этого этапа новый навык может остаться «запертым» внутри игрового контекста и не переноситься в повседневную жизнь [4, с. 78-91].

Типология игровых форматов и их развивающий потенциал для девятиклассников

Не все настольные игры одинаково эффективны для решения задач развития эмоционального интеллекта подростков 15-16 лет. Необходимо учётом возрастных особенностей, актуальных потребностей возраста, специфики социальной ситуации развития девятиклассников.

Игры на ассоциации и креативность (например, «Диксит», «Имаджинариум», «Экивоки») активизируют образное мышление и создают условия для самовыражения. Подростку нужно не просто назвать ассоциацию, но сделать это так, чтобы часть игроков поняла замысел, а часть – нет. По данным Гордеевой Т. О. и Осина Е. Н., такие игры особенно эффективны для

подростков с невысоким уровнем социальной уверенности, поскольку не предполагают единственно правильного ответа и снижают страх ошибки [1, с. 32–45].

Кооперативные стратегические игры формируют навыки командной работы в условиях стресса. Например, «Пандемия» ставит игроков перед задачей спасти мир от эпидемий, где каждое неверное решение приближает поражение всей команды. Подростки учатся распределять роли исходя из сильных сторон участников, просить помощи, принимать чужие идеи. В исследовании Прихожан А. М. подростки, участвовавшие в кооперативных играх, показали рост уровня эмпатии на 19%, тогда как группа, игравшая только в конкурентные форматы, – лишь на 8% [5].

Конкурентные игры с элементами психологии (например, «Мафия», «Детектив», «Волки и овцы») тренируют наблюдательность, способность регулировать эмоциональное напряжение, помогают развивать навыки аргументации и убеждения. Впрочем, это справедливо не для всех случаев: подростки с высоким уровнем агрессивности или, напротив, выраженной тревожностью могут испытывать чрезмерный стресс в таких играх. Ведущему важно отслеживать эмоциональное состояние участников и вовремя адаптировать правила, интенсивность, продолжительность и другие значимые элементы игрового процесса.

Экономические и стратегические симуляторы (например, «Колонизаторы», «7 чудес», «Билет на поезд») развивают способность прогнозировать действия других игроков, просчитывать варианты, развивать жизнестойкость, справляясь с ситуациями, когда планы могут нарушаться из-за непредвиденных обстоятельств. Подросток с их помощью осваивает навык «эмоционального планирования» – предвидения не только логических, но и эмоциональных последствий решений [6, с. 54–67].

Ролевые игры с нарративом (например, «Dungeons & Dragons», «Мир тьмы», «Fate») погружают участников в проживание истории от лица вымышленного персонажа. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных форматов: некоторые исследователи считают ролевые игры избыточно сложными для развития эмоционального интеллекта, поскольку подросток может «прятаться» за маской персонажа, «переживая» чужие и не соприкасаясь вовсе или в значительной мере с собственными переживаниями. Другие, напротив, видят в этом

механизм безопасного исследования эмоций – через роль можно прожить, а затем и отрефлексировать чувства, которые пугают или кажутся неприемлемыми в конкретной реальной жизни [3, с. 29–39].

Для образовательной практики важен баланс. Оптимальная программа игровых занятий для девятиклассников включает ротацию различных форматов с постепенным усложнением эмоциональных задач. Начинать целесообразно с лёгких игр на ассоциации, далее переходить к кооперативным стратегиям и затем вводить с помощью игры элементы конкуренции и психологического противостояния.

Данные по ряду московских и петербургских школ, внедривших в образовательную деятельность игровые программы в 2023–2024 учебном году, показывают: систематические занятия (не реже одного раза в неделю продолжительностью не менее 60 минут) дают устойчивый эффект уже через 3–4 месяца. Эпизодическое использование игр, например раз в месяц, существенного влияния на динамику показателей эмоционального интеллекта не оказывает [1, с. 32–45].

Организационно-методические условия эффективного использования настольных игр в школе

Включение настольных игр в образовательную среду школы требует продуманной организации. Недостаточно просто приобрести игры и предложить подросткам играть на переменах. Нужна система.

Первое условие – наличие специально подготовленного ведущего. Это может быть школьный психолог, социальный педагог, учитель, прошедший краткосрочное обучение по программе игровой терапии или игропрактики. Роль ведущего – не администратор, следящий за соблюдением правил, а фасилитатор, создающий атмосферу психологической безопасности, помогающий подросткам осмыслить игровой опыт. По мнению Синягиной Н. Ю., именно качество работы ведущего определяет до 60% эффективности игровых занятий [6, с. 54–67].

Второе условие связано с пространством. Игровая комната или трансформируемое пространство в школе, где можно разместить несколько игровых зон, способствует погружению в игровой процесс. Подростки должны иметь возможность свободно перемещаться, обсуждать ходы, не мешая другим командам.

Третье условие – время. Большинство стратегических игр требует от 60 до 120 минут. Вписать это во временные рамки урока невозможно. Оптимальный формат – внеурочные занятия, факультативы, программы дополнительного образования. Некоторые школы Новосибирска и Екатеринбурга внедрили «игровые пятницы» – последние два урока отводятся под настольные игры для желающих девятиклассников. Формат добровольного участия только повышает мотивацию [4, с. 78-91].

Четвёртое условие касается рефлексии. После завершения игры необходимо обсуждение, структурированное по нескольким направлениям: – Какие эмоции возникали в процессе игры и в какие моменты? – Как участники справлялись с трудностями? – Что помогало взаимодействию в команде, что мешало? – Можно ли провести параллели между игровыми ситуациями и реальной жизнью?

Без рефлексивного этапа игра остаётся развлечением, не переходя в инструмент осознанного развития. Прихожан А. М. в своём исследовании зафиксировала: группы подростков, где рефлексия проводилась системно, показали прирост показателей эмоционального интеллекта на 27%, тогда как группы без рефлексии лишь на 11% [5].

Пятое условие – индивидуализация подхода. Подростки с низким уровнем эмоционального интеллекта могут испытывать серьёзный дискомфорт в конкурентных играх. Для них на первых этапах предпочтительны кооперативные форматы или игры малой интенсивности. Подростки с высоким уровнем развития навыков, напротив, нуждаются в более сложных эмоциональных вызовах.

Речь идёт не столько о создании отдельных групп по уровню эмоционального интеллекта, сколько о гибком подборе игр и формировании команд. Смешанные группы, где есть подростки с разным уровнем развития навыков, часто эффективнее гомогенных – более «продвинутые» участники транслируют конструктивные способы эмоциональной регуляции остальным [3, с. 29-39].

Шестое условие – вовлечение родителей. Опыт нескольких школ Московской области показывает: когда родители участвуют в совместных игровых сессиях с подростками, эффект «переноса» навыков в семейную среду возрастает. Подросток видит, что родитель тоже может проигрывать, испытывать досаду, учиться справляться с эмоциями и т. д. Это

снижает уровень конфликтности в семьях, где она связана с недостаточной эмоциональной компетентностью взрослых [6, с. 54-67].

Наконец, седьмое условие касается мониторинга. Сопровождение игровых практик исследовательскими процедурами видится целесообразным, в т. ч. для получения обоснованного фактического материала, способного подкрепить дальнейшие рефлексивные активности. Для оценки динамики развития эмоционального интеллекта стоит задействовать стандартизированные методики, например опросник эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, тест Холла, методику Н. Холла в адаптации Ильина. Замеры проводятся до начала программы игровых активностей, в середине цикла занятий и по ее завершении. Это позволяет не только фиксировать изменения, но и корректировать программу под конкретную группу подростков [1, с. 32-45].

Заключение

Настольные игры представляют собой эффективный инструмент развития эмоционального интеллекта обучающихся 9-х классов при условии систематического и методически грамотного использования. Игровая деятельность создаёт естественную среду для тренировки навыков распознавания эмоций, саморегуляции, эмпатии и управления межличностными отношениями – компонентов, критически важных для успешной социализации подростка.

Практическая значимость игровых технологий для образовательных организаций заключается в их доступности, вариативности и высокой мотивационной привлекательности для подростков. В отличие от тренингов и специализированных программ, требующих значительных финансовых и временных ресурсов, настольные игры могут быть интегрированы во внеурочную деятельность школы с минимальными организационными затратами.

Вместе с тем имеющихся данных пока недостаточно для однозначного вывода о долгосрочных эффектах игровых интервенций. Необходимы лонгитюдные исследования, отслеживающие динамику эмоционального интеллекта участников игровых программ в течение нескольких лет, а также изучение механизмов «переноса» навыков из игрового контекста в различные сферы жизни подростка.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка стандартизированных игровых программ для различных категорий подростков – с учётом

гендерных особенностей, социокультурного контекста, специфики образовательной среды конкретной образовательной организации. Актуальной остаётся задача подготовки педагогов и школьных психологов к работе с игровыми технологиями, создания методических пособий и программ повышения квалификации.

Внедрение настольных игр в практику школы – не универсальное решение всех проблем социально-эмоционального развития подростков. Однако это перспективный и эмпирически обоснованный способ обогащения образовательной среды инструментами, созвучными интересам и потребностям современных девятиклассников.

Литература

1. Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Позитивное мышление как фактор учебных достижений и эмоционального благополучия подростков // Вопросы психологии. 2024. № 2. С. 32-45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60124578> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Ильин Е.П. Эмоции и чувства: учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2023. 784 с.
3. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 29-39.
4. Михайлова Е.С. Игровые технологии в развитии социально-эмоциональных компетенций подростков // Психология обучения. 2024. № 4. С. 78-91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=61238945> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. 3-е изд. СПб.: Питер, 2024. 192 с.
6. Синягина Н.Ю. Развитие эмоционального интеллекта в подростковом возрасте средствами психолого-педагогического сопровождения // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 6. С. 54-67.
7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 404 с.

PLAHUTA Elizabeth Alexandrovna

Master's Student, Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Academic Secretary of the Moscow City Pedagogical University,
Candidate of Philology Danilina Anna Andreevna*

THE INFLUENCE OF BOARD GAMES ON THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF 9th GRADE STUDENTS

Abstract. *The article examines the problem of developing emotional intelligence in adolescents aged 15-16 through board games. The psychological mechanisms of the influence of gaming activities on the formation of emotion recognition skills, self-regulation and interpersonal interaction are analyzed. The results of modern Russian studies demonstrating positive dynamics in the development of emotional intelligence components in ninth-graders with the systematic inclusion of board games in the educational process are presented. Special attention is paid to the specifics of adolescence and the choice of game formats corresponding to the tasks of social and emotional development. The practical significance of gaming technologies for the work of school psychologists and teachers is substantiated.*

Keywords: *emotional intelligence, board games, adolescence, ninth graders, social-emotional development, gaming technologies, educational process.*

СОТНИКОВА Наталья Петровна

воспитатель,
МБДОУ д/с № 19 «Антошка»,
Россия, г. Белгород

ГРЕБЕНИК Ирина Александровна

воспитатель,
МБДОУ д/с № 19 «Антошка»,
Россия, г. Белгород

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ГИМНАСТИКА МОЗГА» С ДЕТЬМИ ОВЗ НА ЗАНЯТИЯХ В ДЕТСКОМ САДУ

Аннотация. В статье рассматривается проблема повышения эффективности коррекционно-образовательного процесса для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В качестве одного из перспективных методов предлагается развитие межполушарного взаимодействия посредством кинезиологии («гимнастики мозга») – комплекса упражнений, способствующих коррекции и развитию основных психических процессов: памяти, внимания, мышления, речи, воображения, восприятия, пространственных представлений, а также мелкой и крупной моторики.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), коррекционно-образовательный процесс, кинезиология, гимнастика мозга, межполушарное взаимодействие, универсальные учебные действия, познавательное развитие.

Решение проблемы повышения эффективности коррекционно-образовательного процесса при организации обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья предполагает совершенствование методов и форм обучения, поиск новых, более эффективных путей формирования универсальных учебных действий. Одним из методов повышения эффективности работы с детьми с ОВЗ является развитие межполушарного взаимодействия, который называется кинезиология (гимнастика мозга). Применение данного метода позволяет совершенствовать коррекцию и развитие основных психических процессов у ребенка: память, внимание, мышление, речь, воображение, восприятие, пространственные представления, мелкую и крупную моторику, снижает утомляемость и повышает способность к произвольному контролю.

Цель: создание условий для развития межполушарного взаимодействия у детей через игры и упражнения гимнастики мозга.

Задачи:

- актуализировать представления детей о животных Антарктиды;

- развивать внимание, произвольность поведения («Думающий колпак», «Сгибание стоп»), речевые навыки («Позитивные точки», «Думающий колпак»), слуховое восприятие («Кнопки мозга», «Вращение шеей», «Думающий колпак»);

- воспитывать дружеские отношения между детьми.

Цель, поставленная детьми, отправиться в Антарктиду и познакомиться с её обитателями.

Интеграция образовательных областей: познавательное развитие, социально-коммуникативное развитие, художественно-эстетическое развитие, физическое развитие, речевое развитие.

Виды детской деятельности: игровая, продуктивная.

Формы организации: фронтальная, групповая, индивидуальная.

Материал: песочница, игрушки – животные Антарктиды, картинки с изображением животных Антарктиды, кегли (красная и зелёная).

Ход коррекционно-развивающей деятельности:

1. Введение в образовательную ситуацию (организация детей).

2. Приветствие «Назови ласково своё имя».

3. Воспитатель: «Сегодня такой чудесный день, у меня очень хорошее настроение. Чтобы оно было такое же чудесное у вас, давайте назовём друг друга ласково!», (используются упражнения «Позитивные точки», «Кнопки мозга»).

4. Создание проблемной ситуации.

5. Мотивирование деятельности.

– «Ребята, сегодня мы с вами будем говорить о животных, которые живут в Антарктиде. А вы знаете, где находится Антарктида? (ответы детей).

– «Правильно! Но как мы поймём, что добрались до Антарктиды? Давайте подумаем (упражнение «Думающий колпак»).

6. Проектирование решения проблемной ситуации: «Мы можем узнать это по животным, которые там обитают!».

7. Выполнение действий:

- Упражнение «Узнай по описанию»: каждый ребёнок по очереди загадывает любое животное и рассказывает о нём не называя его. Остальные дети должны догадаться, о каком животном идёт речь.

- Дидактическая игра «Антарктида».

- «Ребята, подойдите к песочнице, давайте «поздороваемся с песком». (упражнение «Здравствуй, песок!»)

- «Дотроньтесь до песка поочередно пальцами правой руки, потом левой, затем всеми пальцами одновременно, а теперь сожмите кулачки с песком, затем медленно высыпайте его в песочницу. Дотроньтесь до песка всей ладонью – внутренней, затем тыльной ее стороной. Расскажите о своих ощущениях: тепло-холодно, приятно-неприятно и т. д. А теперь мы превратимся в маленьких волшебников и создадим в песочнице маленькую Антарктиду!» Дети берут в песочнице маленькие фигурки или просто воображают животных: пингвинов,

тюленей, морских леопардов, китов. Песок становится бескрайними льдами и холодным океаном Антарктиды. Пингвины строят из песка снежные домики и катаются с песчаных «гор» на животах. Тюлени отдыхают на «льдинах» (дощечках или пластиковых крышках), а потом ныряют в «воду» (углубления с влажным песком). Морской леопард (ребёнок в маске или с игрушкой) «охотится» за пингвинами, но они ловко убегают и прячутся в песчаных «норах». Киты (большие игрушки или просто воображаемые) выпрыгивают из «океана», обрызгивая всех вокруг.

- Физкультминутка «Мы веселые пингвины».

- Дидактическая игра «Удивительная Антарктида»:

Ведущий задаёт вопросы о животных Антарктиды (например: «Какое животное строит гнездо из камней?», «Кто из животных может нырять на большую глубину?»). Дети отвечают и получают баллы за правильные ответы.

Игра помогает развивать познавательный интерес и экологическую грамотность у детей с ОВЗ.

- Подведение итогов: «Ребята, вот и закончилось наше увлекательное путешествие по Антарктиде!».

- Рефлексия: каждому ребёнку предлагается выбрать картинку с животным с разным настроением (грустный пингвин, весёлый кит, злой белый медведь и объяснить свой выбор).

Литература

1. Денисон Г.Е. Гимнастика мозга Весь, 2016.
2. Дмитриева В.Г. «Тренажёр. Занимательные игры для развития мозга. Для детей 5–7 лет».
3. Меркурьева Е.В. «Нейрогимнастика как средство речевого и комплексного развития детей с ОВЗ».

SOTNIKOVA Natalia Petrovna

Educator, MBDOU d/s No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

GREBENIK Irina Alexandrovna

Educator, MBDOU d/s No. 19 "Antoshka", Russia, Belgorod

USING THE CORRECTIONAL AND DEVELOPMENTAL ACTIVITY "BRAIN GYMNASTICS" WITH CHILDREN WITH DISABILITIES IN KINDERGARTEN CLASSES

Abstract. *The article discusses the problem of improving the effectiveness of the correctional and educational process for children with disabilities (HIA). As one of the promising methods, the development of interhemispheric interaction through kinesiology ("brain gymnastics") is proposed - a set of exercises that contribute to the correction and development of basic mental processes: memory, attention, thinking, speech, imagination, perception, spatial representations, as well as fine and large motor skills.*

Keywords: *children with disabilities, correctional and educational process, kinesiology, brain gymnastics, interhemispheric interaction, universal learning activities, cognitive development.*

ТАРАТУХИНА Татьяна Игоревна

учитель биологии и химии,

МОУ «Тимоновская СОШ», Россия, Белгородская область, с. Тимоново

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ НА УРОКАХ БИОЛОГИИ

Аннотация. В современном мире развитие общества протекает совместно с трансформацией информационных технологий, которые в свою очередь стали неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности. В связи с этим Федеральный государственный стандарт (ФГОС) делает большой акцент на формирование у обучающихся не только предметных, но и метапредметных результатов, главным из которых является успешное освоение современных информационных технологий. В связи с этим дистанционное обучение становится не вынужденной мерой, а частью обучения, позволяющей подходить к учебным предметам индивидуально, сохраняя гибкость и доступность образовательной среды.

Наряду с этим информационные технологии имеют большой спектр возможностей использования наглядности в онлайн формате, что значительно покрывает дефицит школьного оборудования. Специфика школьного курса биологии, предусматривающая обязательную визуализацию различных процессов, часто сталкивается с отсутствием необходимых средств обучения. Цифровые инструменты, такие как виртуальные лаборатории, 3D-модели, различные симуляторы позволяют преодолеть сложности, вызванные нехваткой школьного оборудования и создать условия для полного погружения в изучаемый материал.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровой образовательный контент, анкетирование, цифровизация.

С целью диагностики исходного состояния внедрения цифровых технологий процесс преподавания и выявления уровня их использования был проведён ряд диагностик: у учителей и обучающихся.

Исследование проводилось на базе МОУ «Тимоновская СОШ» Валуйского района Белгородской области в период с 1.03.2026г. по 10.05.2026г.

Исследование проводилось в условиях сельской общеобразовательной школы, поскольку в сельских школах уровень внедрения цифровых технологий в учебный процесс считается ниже, чем в городских. Даже в районах с доступом к Интернету, учащиеся в 30% случаев по-прежнему отключены от Интернета [1]. Это позволяет сделать анализ проблемы и потребности сельских школ страны.

Анкетирование учителей было проведено в рамках заседания муниципального методического объединения (ММО) учителей биологии и химии Валуйского городского округа. В исследовании приняли участие 12 учителей биологии из разных сельских школ округа. В исследовании приняли педагоги с разным стажем и квалификационной категорией.

Анкета для учителей включает в себя вопросы о местоположении образовательной организации, педагогическом стаже, о применении на уроках популярных цифровых ресурсов, а также об уровне оснащённости школы и наличии скоростного интернета. Отдельный блок анкетирования посвящён сложностям, с которыми сталкивается учитель в процессе работы и его потребностями для более эффективной работы (повышение квалификации, методические консультации и т. д.).

В исследовании уровня достаточной цифровой грамотности приняли участие 30 обучающихся 8-9-х классов МОУ «Тимоновская СОШ» Валуйского района Белгородской области. Выбор именно этих классов обусловлен тем, что именно в 8 и 9 классе обучающиеся изучают достаточно сложные разделы биологии (в 8 классе «Животные», в 9 – «Человек»), требующие обязательного использования наглядности. Так же данные обучающиеся активно вовлечены в подготовку к государственной итоговой аттестации, что делает отношение к обучению более ответственным и индивидуальным.

Для комплексной оценки уровня достаточной цифровой грамотности у обучающихся

были разработаны анкеты, позволяющие выявить основные информационные ресурсы, активно используемые на уроках, а также трудности, возникающие у обучающихся при работе с информационными технологиями на уроках. Анкета для обучающихся представляет собой ряд вопросов, направленных на оценку уровня цифровой грамотности у обучающихся.

В рамках исследования в анкетировании приняли участие 12 учителей из сельских школ Валуевского городского округа. Стаж работы респондентов варьировался от 5 до 20 и более лет (28% – до 10 лет, 45% – от 11 до 20 лет, 27% – 20 и более лет).

Проведя анализ об оснащённости школ необходимым оборудованием, было определено, что компьютером и проектором обеспечены всего 75% школ. Наличие интерактивной доски отметили всего 30% школ. Особенно актуальной проблемой является отсутствие стабильного интернет-соединения.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в условиях сельской местности доступ к базовой цифровой инфраструктуре является ограничивающим фактором.

Результаты анкетирования показывают, успешное интегрирование некоторых цифровых ресурсов в ежедневную учебную деятельность. На каждом уроке биологии используют цифровой контент всего 25% опрошенных. На первом плане остаётся готовый информационно-цифровой контент (презентации, видеоролики). Использование интерактива (онлайн-лаборатории, квизы) применяются крайне редко, эпизодически только у 38 % педагогов. Наиболее популярными для использования на уроках биологии стали следующие ресурсы: видеоролики с и VKвидео RUTUBE (95%), презентации PowerPoint и PDF (88%), платформы РЭШ, Учи.ру, Библиотека ЦОК (70). На основе этого можем сделать вывод о том, что педагоги стараются использовать либо готовый контент, либо государственные ресурсы, более простые и доступные ресурсы.

Решающим фактором стало выявление проблем и трудностей для активного применения цифрового контента на уроках биологии. Самым главным препятствием стал «недостаток времени на подготовку цифровых материалов» (78%). второе место занимает немаловажный фактор «нестабильного интернета» (85%). При этом проблема не только в нехватке времени и отсутствии интернета, 42% педагогов отметили «отсутствие методической поддержки», а 35%

уверены в том, что их собственные знания недостаточны для работы с цифровыми сервисами и нуждаются в повышении квалификации.

По результатам анкетирования обучающихся мы видим, что большая часть (87%) считает, что работа с цифровыми технологиями намного интереснее и продуктивнее традиционных уроков. Обучающимся нравятся такие сервисы как РЭШ, ЯКласс, Учи.ру. Трудности, появляющиеся при работе с цифровым образовательным контентом отмечены в технических проблемах (73%) и нехватке компьютеров и планшетов для обучающихся (57%).

Таким образом, анализ трудностей и потребностей, показал, что для успешного внедрения цифрового образовательного контента в образовательный процесс необходимо подготовить учителей не только теоретически, но и практически с использованием методических пособий (инструкций) по различным цифровым образовательным ресурсам.

Проведя анализ полученных результатов, можно сделать следующие выводы:

1. Уровень цифровизации сельских школ можно считать недостаточным для полноценного внедрения цифрового образовательного контента.
2. Использование цифровых технологий большинством педагогов является эпизодическим.
3. Факторами отсутствия системности внедрения в учебный процесс цифровых технологий являются нехватка времени и дефицит умений и навыков.
4. В систему поддержки лучше включить практико-ориентированные курсы с использованием методических пособий (инструкций) по различным цифровым образовательным ресурсам.

Литература

1. Гэйбл Э. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации [Текст] / пер. с англ.; под науч. ред. П.А. Сергоманова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 108 с. – 200 экз. – (Современная аналитика образования. № 2 (23)).
2. Жук Л.В. Основные тенденции цифровизации образовательного процесса в школе / Л.В. Жук // Modern Science. – 2021. – № 2-2. – С. 242-246.

3. Корчагина Т.А. // Использование цифровых и информационных технологий в обучении биологии. г. Омск [Электронный ресурс] URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-i-informatsionnyh-tehnologiy-v-obuchenii-biologii?ysclid=mp6nsbdb50682228606> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Алексеева Т.В. // Методическое пособие «Цифровые лаборатории на уроках биологии» г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс] URL: <https://www.1urok.ru/categories/3/articles/29543?ysclid=mp6o0ksbjn843964038> (дата обращения: 01.05.2026).

5. Единое Основное общее образование содержание общего образования - URL: <https://www.edsoo.ru/>.

6. Федоренко О.И. // Анализ эффективности использования современных цифровых технологий на уроках биологии. Московская область, пос. Лунёво [Электронный ресурс] URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/analiz-effektivnosti-ispolzovaniya-sovre.17406192235/?ysclid=mp6oapggqx844903863>.

7. Цымбаленко С.Б. Цифровые технологии: новые тенденции и возможности [Текст] / С.Б. Цымбаленко // Социальная педагогика. – 2013. – № 6. – С. 94-101.

TARATUKHINA Tatiana Igorevna

Biology and Chemistry Teacher,

MOU "Timonovskaya secondary school", Russia, Belgorod region, Timonovo

ANALYSIS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN MODERN SCHOOL BIOLOGY LESSONS

Abstract. *In the modern world, the development of society proceeds together with the transformation of information technologies, which in turn have become an integral part of all spheres of life. In this regard, the Federal State Standard (FGOS) places great emphasis on the formation of students not only subject, but also meta-subject results, the main of which is the successful development of modern information technologies. In this regard, distance learning becomes not a necessary measure, but a part of learning that allows you to approach academic subjects individually, while maintaining the flexibility and accessibility of the educational environment.*

Along with this, information technologies have a wide range of possibilities for using online visual aids, which significantly covers the shortage of school equipment. The specifics of the school biology course, which provides for mandatory visualization of various processes, often face a lack of necessary learning tools. Digital tools such as virtual laboratories, 3D models, and various simulators make it possible to overcome the difficulties caused by the lack of school equipment and create conditions for full immersion in the material being studied.

Keywords: *digital literacy, digital educational content, questionnaire, digitalization.*

ТИТОВА Олеся Сергеевна

директор, ГКУ СО СРЦ «Наш дом», Россия, г. Новокуйбышевск

РЕИНТЕГРАЦИЯ ВОЗВРАТА ВОСПИТАННИКОВ УЧРЕЖДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В КРОВНЫЕ СЕМЬИ. ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ГКУ СО СРЦ «НАШ ДОМ»

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального сиротства и вопросам возвращения детей в кровные семьи. В работе анализируются правовые основы защиты семейных отношений в России (Конституция РФ, Семейный кодекс РФ) и международные нормы (Конвенция ООН о правах ребёнка), подчёркивающие важность семейного воспитания для гармоничного развития личности.

Ключевые слова: социальное сиротство, кровная семья, детско-родительские отношения, реабилитация семьи, социальная защита детей, права ребёнка, восстановление в родительских правах.

В настоящее время отмечается пристальное внимание к семье со стороны социальных институтов.

Право родителей и детей жить одной семьей, право ребенка на воспитание своими родителями защищается государством (статья 38 Конституции Российской Федерации, статьи 54, 68 СК РФ). Конвенция ООН о правах ребенка предусматривает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания».

Существенным признаком состояния общества последних лет стало социальное сиротство, которое распространяется под влиянием ухудшения условий жизни значительной части семей, следствием чего становится изменение отношения к детям, вытеснение их из семей, беспризорность. На обеспечение социальной защиты, воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, государством и обществом затрачиваются значительные средства, а выпускники детских домов с большим трудом адаптируются в обществе.

Безусловно, лучшим вариантом для ребенка является возвращение в кровную семью. Именно на этих условиях наиболее адекватно удовлетворяются его потребности в развитии. Именно родная семья дает чувство сопричастности, способствует развитию полноценных привязанностей, формированию идентичности и снабжает человека системой поддержки на всю будущую жизнь. Чаще всего семьи становятся не способными воспитывать своих детей не потому, что не хотят этого, а потому, что оказываются в ситуации, когда они не в силах

справиться с жизненными трудностями (смерть супруга, потеря работы, бедность, различные зависимости).

Убеждение в том, что ребенку лучше всего воспитываться в семейной обстановке, приобрело новую форму: ребенку лучше всего расти в своей собственной, кровной семье, даже если она не идеальна. Процесс «опускания на дно» происходит не в одночасье, и большинство семей, получи они своевременную социально-психологическую помощь и поддержку в трудной ситуации, смогут преодолеть кризис и продолжать воспитывать своих детей. Но даже лишение родительских прав – это не конец истории. Бывает так, что жизненные обстоятельства, запоздалое осознание материнских и отцовских чувств, родительского «долга» меняют взрослых, и появляется шанс восстановить семью. И здесь главная задача социальных институтов – оказание необходимой поддержки.

Нельзя не учитывать, что если дети не попадают под опеку родственников, то они часто теряют связи с родными, находятся вдалеке от семьи, знакомых, друзей, территории, где начиналось их детство, т. е. испытывают серьезные психологические потери:

- потеря генетической, культурной истории;
- потеря (нарушение) окружающей среды, в которой вырос ребенок: дом, игрушки, вещи, домашнее животное, социум (друзья, учителя и т. д.);
- географические и природные «потери», связанные с перемещением ребенка;
- потеря родных родителей и кровных родственников – семьи;

- потеря (разлучение) с сиблингами;
- потеря разделенного с кем-либо времени, опыта – прошлого;
- потеря культурных, национальных, семейных традиций;
- потеря осознания своего сходства с кем-то из родственников – физического сходства;
- потеря места на родословном древе;
- потеря порядка рождения детей в семье (младший, старший);
- потеря истории рождения и свидетельств о рождении (воспоминания родных);
- потеря религиозных взглядов;
- иногда потеря имени, данного при рождении и осознании того, кто дал это имя;
- потери в самосознании и самооценке;
- потеря возможности чувствовать себя частью большинства. К сожалению, дети, воспитывающиеся в замещающих семьях, в государственных учреждениях, в общественном сознании относятся к меньшинству.

Возвращение ребенка в кровную семью - это целостный процесс, направленный на формирование позитивного образа кровной семьи, положительной мотивации ребенка и «бывших» родителей на восстановление детско-родительских отношений, оценку их возможностей выполнять родительские обязанности, работа с общественным мнением, организацию работы по восстановлению в родительских правах и созданию условий для возвращения воспитанника организации для детей-сирот в кровную семью.

Для принятия решения в пользу воссоединения семьи необходимо проанализировать все существующие аспекты семейной ситуации. Ребёнок должен вернуться в семью, где решены текущие проблемы. Для этого должна быть проведена предварительная работа специалистов организации для детей-сирот как с родителями, так и с ребенком.

Министерством просвещения РФ разработаны рекомендации по организации деятельности органов и учреждений по работе с родителями, лишенными родительских прав, ограниченными в родительских правах, направленными на восстановление или отмену ограничения их в родительских правах, а также «Технологическая карта по работе с родителями, лишенными родительских прав, ограниченными в родительских правах, направленная на восстановление или отмену ограничения их в родительских правах», в которой представлен

примерный алгоритм мероприятий по реинтеграции ребенка в кровную семью.

Указанные рекомендации лежат в основе деятельности ГКУ СО СРЦ «Наш дом», с учетом ресурсов учреждения.

Приоритетным направлением деятельности ГКУ СО СРЦ «Наш дом» является не просто возвращение ребенка в кровную семью, а восстановление функциональности кровной семьи для ребенка.

«Наш дом» осуществляет деятельность как учреждение семейного типа. Дети проживают в семейно-воспитательных группах, созданных по квартирному типу. Сами группы формируются по принципу совместного проживания в группе детей разного возраста, прежде всего родных братьев и сестер или детей, находящихся в родственных отношениях. Численность детей в одной группе не превышает 8 человек. Всего в учреждении 4 группы, в которых проживают дети из 8 семей. Каждая семейная группа – это свой хорошо организованный быт, свои традиции, свои права и обязанности.

Жизнь в семейно-воспитательной группе способствует не только укреплению отношений между сиблингами, не только создает наиболее благоприятные условия для развития личности ребенка, но и готовит детей к самостоятельной жизни. В семейно-воспитательной группе дети получают навыки самообслуживания, учатся владеть современной бытовой техникой (стиральные машины, микроволновые печи и т. д.). Детям прививаются навыки заботы о малышах и помощи старшим.

Работа по возвращению детей в биологическую семью является для коллектива учреждения одной из приоритетных. А группы, созданные в учреждении по семейному типу – это лишь один из важных факторов, который способствует сохранению родственных связей. Тем не менее, специалисты учреждения разделяют представление о том, что воспитание ребенка в кровной семье наиболее полно отвечает его потребностям и интересам, обеспечивая сохранность чувства родства, привязанности и постоянства отношений. Именно жизнь в семье является основой для полноценного развития личности.

подавляющая часть воспитанников учреждения – это социальные сироты, то есть дети, у которых есть биологические родители.

71% воспитанников имеют родителей, которые ограничены или лишены родительских прав.

84% воспитанников имеют близких родственников (тети, дяди, братья, сестры).

25% имеют заключение органов опеки и попечительства о возможности временной передачи ребенка в выходные дни и в каникулярное время.

60% воспитанников встречаются с близкими родственниками.

Учитывая важность, сохранения кровной семьи и приведенную статистику, в настоящее время в учреждении у 40% воспитанников имеются родственники, с которыми проводится работа по возвращению в семью или установлению тесного контакта.

Большинство воспитанников учреждения имеют родителей, как правило, ведущих асоциальный образ жизни или находящихся в трудной жизненной ситуации. Для этих взрослых типичны иждивенческие установки, паразитический образ жизни. Они не способны быть опорой для своих детей, нуждаются в реабилитационной и коррекционной помощи. С этими семьями можно и нужно взаимодействовать. Необходимо выходить навстречу родителям, потому что иногда неизвестно доподлинно, из каких побуждений люди чаще всего идут на самый простой шаг – обращаются к алкоголю и наркотикам.

Вернуть детей можно только в те семьи, которые сами заинтересованы в этом. К сожалению, процент подобных семей невелик.

Если разделить все эти истории на группы, то под номером один идут родители, которые сохранили эмоциональную связь с детьми, заинтересованы в судьбе ребенка. Они оспаривают решение суда о лишении родительских прав. В итоге все заканчивается благополучно, и ребенок возвращается к ним.

Вторая группа: родители, имеющие привязанность, но относятся к своим обязанностям безответственно. Как правило, их нужно убеждать о приходе в учреждение к детям. Зачастую, это происходит под давлением уговоров. Свою вину они признают частично, надо постоянно процесс контролировать. Здесь важна работа психологов.

Третья группа – те, кого действующее положение вполне устраивает. С ними работать намного сложнее.

Все это накладывает на учреждение обязанность искать новые формы работы с семьями и их детьми, обеспечивая сохранность родственных связей, работать с кровной семьей воспитанника.

Существующее положение привело к необходимости разработки специальной программы подготовки детей и родителей к возвращению детей в кровную семью.

В учреждении была разработана программа «Дорога домой», целью которой является обеспечение прав и интересов ребенка на воспитание в родной семье, устройство детей в семью кровных родственников.

Задачи программы:

- Реабилитация кровной семьи; развитие у родителей социальных навыков, повышение социальной компетентности и способности к адаптации для самостоятельного преодоления жизненных трудностей и проблем.
- Формирование положительной мотивации «бывших» родителей на восстановление детско-родительских отношений.
- Восстановление семейного и социального окружения кровной семьи.
- Психолого-педагогическая подготовка детей к возврату в кровные семьи.
- Возврат ребенка в кровную семью (восстановление детско-родительских отношений).
- Сопровождение кровной семьи для предотвращения рецидивов (взаимодействие с соответствующими органами и учреждениями: специалисты органов опеки и попечительства, комплексных центров, КДН и др).

Работа по программе осуществляется параллельно в двух направлениях:

1. Организация работы с воспитанниками;
2. Организация работы с родителями воспитанников.

Программа по восстановлению кровной семьи включает 2 блока:

I блок программы – социально-психологическая работа с кровной семьей.

II блок – психолого-педагогическая работа с ребенком по преодолению последствий психологической травмы, формированию мотивации к возврату в кровную семью.

I блок программы – социально-психологическая работа с кровной семьей.

Контингент кровных родственников, с которыми может проводиться взаимодействие:

1. Родители, временно поместившие ребенка в учреждение;
2. Родители, ограниченные в родительских правах, лишены родительских прав;
3. Обращение к родственникам – потенциальным помощникам.

Данный блок включает в себя следующие

направления:

- выявление и учет особенностей личностного статуса родителей;
- изучение семейной истории, составление карты социальных контактов;
- помощь в осознании причин ограничения в родительских правах;
- выявление степени готовности и ресурсности биологических родителей к выполнению родительских функций при принятии решения о возвращении ребенка. Оценка возможности выполнять родительские обязанности и создать условия для удовлетворения потребностей ребенка в семье;
- определение характера помощи родителям, ориентированным на восстановление родительских функций;
- подготовка родителей к исполнению своей родительской роли. Групповая и индивидуальная реабилитационно-коррекционная работа с членами семьи по рефлексии прошлого опыта воспитания ребенка, допущенных ошибок.
- разработка индивидуальных программ восстановления родительско-детских отношений.

II блок – психолого-педагогическая работа с ребенком.

Данный блок включает в себя следующие направления:

- компенсация последствий травматического опыта ребенка;
- эмоционально - психологическая подготовка ребенка к возврату в кровную семью, осознание причин нахождения в учреждении;
- формирование положительного отношения к родителям, позитивного образа кровной семьи;
- формирование положительной мотивации ребенка на восстановление детско-родительских отношений;
- разработка и реализация индивидуальной для каждого воспитанника программы восстановления отношений с кровными родителями и родственниками.

Особая роль в работе по возвращению детей в кровные семьи отводится администрации и специалистам учреждения, в частности специалистам по социальной работе и педагогам-психологам.

Специалист по социальной работе занимается сбором информации о родителях и ближайших родственниках ребенка. Работа осуществляется в тесном взаимодействии с

органами опеки и попечительства, комплексными центрами помощи семье и детям. Она включает:

1. Установление контактов с кровными родителями и родственниками, сбор информации.
2. Получение дополнительной информации о состоянии дел (изучение и анализ степени заинтересованности родителей в судьбе ребенка).
3. Оценка перспектив работы с родителями по восстановлению детско-родительских отношений и кровной семьи.
4. Оценка безопасности возвращения ребенка в кровную семью.
5. Подготовка родителей к встрече с ребенком.
6. Организация встреч в учреждении, свиданий или переписки в случае нахождения родителей в местах лишения свободы.
7. Подготовка родителей к восстановлению детско-родительских отношений и семьи, педагогическое просвещение родителей, совместный анализ причин необходимости восстановления семьи.
8. Работа по формированию позитивного образа семьи у воспитанников в условиях учреждения
9. Взаимодействие с соответствующими органами и учреждениями (специалисты органов опеки и попечительства, комплексных центров, КДН, судебные приставы и т. д.).

Положительным результатом такой работы можно считать то, что за последние пять лет были восстановлены в родительских правах родители на 19 детей. За 2025 год восстановлено 3 родителя. В одной семье мама была лишена родительских прав в 2015 году, и восстановилась спустя 10 лет.

Кроме того, в 2023 году была восстановлена семья на пятерых детей, при этом мама была лишена родительских прав в 2020 году, сменила место жительства на другой регион и в новом браке родила 2-х детей.

Эффективность работы по такому направлению, как возврат воспитанников учреждения в кровные семьи, определяется целым комплексом дополнительных практик, внедренных в деятельность учреждения.

Особо можно выделить следующие практики:

1. В учреждении за каждым воспитанником закреплен воспитатель-куратор. Это необходимо для развития системы

индивидуального педагогического сопровождения детей. И это позволяет осуществлять реабилитационный процесс более эффективно, управляемо, результативно, а также создает условия для своевременного выявления признаков одаренности, развития интеллектуального потенциала и творческих способностей.

2. В учреждении поощряется постоянное совершенствование педагогического профессионализма, совершенствование педагогических компетенций коллектива, разработка авторских программ. Без этого даже при самых идеальных условиях проживания детей, прекрасной материальной базе невозможно достижение поставленных целей и задач в деле

воспитания, образования и подготовке к будущей жизни детей-сирот.

3. Педагогический коллектив учреждения работает в постоянном поиске, обеспечивая создание и использование нового в воспитательном и образовательном процессе (создание атмосферы творчества, поиска; повышение профессионального мастерства; изучением опыта других учреждений и пр.).

4. Особая роль в совершенствовании педагогического профессионализма принадлежит методическим советам и объединениям, которые проводятся в форме деловых игр, презентаций, проектов.

TITOVA Olesya Sergeevna

Director, GКУ SB SRC "Our House", Russia, Novokuibyshevsk

THE REINTEGRATION OF THE RETURN OF PUPILS OF AN INSTITUTION FOR ORPHANED CHILDREN TO THEIR BLOOD FAMILIES. FROM THE EXPERIENCE OF THE GКУ WITH THE SRC "OUR HOUSE"

Abstract. *The article is devoted to the problem of social orphanhood and the return of children to blood families. The paper analyzes the legal foundations for the protection of family relations in Russia (the Constitution of the Russian Federation, the Family Code of the Russian Federation) and international norms (the UN Convention on the Rights of the Child), emphasizing the importance of family education for the harmonious development of personality.*

Keywords: *social orphanhood, blood family, child-parent relations, family rehabilitation, social protection of children, rights of the child, restoration of parental rights.*

ФУРСЕНКО Александр Вячеславович

студент, МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва

ПАВЛЕНКО Юрий Эдуардович

студент, МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва

РОДИОНОВА Екатерина Олеговна

студентка, МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва

ИОФФЕ Нина Евгеньевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, г. Москва

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматривается использование аутентичных материалов по кибербезопасности при обучении английскому языку студентов неязыковых направлений. Показано, что реальные тексты, предупреждения, инструкции и сообщения о цифровых угрозах помогают формировать профессиональную лексику, развивать навыки чтения, аудирования, анализа информации и учебно-профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: аутентичные материалы, английский язык, кибербезопасность, профессионально ориентированное обучение, терминология, цифровая грамотность.

Современное обучение английскому языку в техническом вузе все чаще ориентируется на профессиональные потребности студентов. Для обучающихся, связанных с информационными технологиями и защитой информации, английский язык становится не только учебной дисциплиной, но и средством доступа к профессиональной информации. В сфере кибербезопасности значительная часть терминов, инструкций, предупреждений и аналитических сообщений формулируется на английском языке, поэтому обращение к реальным материалам позволяет соединить языковую подготовку с будущей профессиональной деятельностью.

Под аутентичными материалами понимаются тексты, аудио- и видеосообщения, созданные не специально для учебника, а для реальной коммуникации. В исследованиях по методике преподавания иностранного языка подчеркивается, что аутентичность связана с естественным употреблением языковых средств и конкретной коммуникативной ситуацией [7, с. 348]. Следовательно, при обучении английскому языку важно использовать не только

адаптированные упражнения, но и фрагменты настоящих статей, уведомлений, рекомендаций и инструкций.

В области кибербезопасности к таким материалам можно отнести предупреждения о фишинговых письмах, новости о киберинцидентах, описания уязвимостей, правила защиты учетных записей, рекомендации по использованию многофакторной аутентификации и короткие сообщения о нарушении конфиденциальности. Их ценность заключается в том, что терминология изучается в естественном контексте: студенты видят, как употребляются слова phishing, malware, breach, vulnerability, patch, credentials, encryption, authentication, backup, и связывают термин с конкретным действием или ситуацией.

Н. А. Нарыкова и Н. А. Симонова рассматривают аутентичные материалы как средство повышения интереса к изучению английского языка и расширения учебного контакта с живой речевой средой [2, с. 205]. Для студентов технических направлений мотивационный эффект особенно значим: обучающийся воспринимает

текст не как отвлеченное упражнение, а как практически полезный материал, который может пригодиться при работе с документацией, профессиональными новостями, сервисными уведомлениями и учебными проектами.

Профессионально ориентированное обучение требует отбора содержания с учетом будущей сферы деятельности. Н. В. Сидакова отмечает, что профессионально-ориентированные аутентичные материалы позволяют приблизить учебную ситуацию к реальным условиям общения студентов технических специальностей [3, с. 154]. В теме кибербезопасности это означает работу с жанрами security warning, incident report, password policy, user guide, privacy notice, каждый из которых имеет свою лексику, структуру и коммуникативную задачу.

Особое место занимает формирование профессионально ориентированной лексической компетенции. Е. Н. Базалина подчеркивает необходимость системной работы с терминологией и профессиональными текстами при обучении английскому языку студентов неязыковых направлений [8, с. 52]. На занятиях по теме кибербезопасности такая работа может строиться вокруг тематических групп: виды угроз, действия злоумышленника, меры защиты, последствия инцидента и рекомендации пользователю.

Работа с аутентичным материалом должна быть поэтапной. На предтекстовом этапе студенты прогнозируют содержание по заголовку, соотносят термины с определениями и обсуждают собственный опыт столкновения с цифровыми угрозами. На текстовом этапе они выделяют основную проблему, находят признаки угрозы, причины инцидента и предложенные меры защиты. На послетекстовом этапе материал используется для дискуссии, краткого письменного предупреждения, памятки пользователю или устного сообщения.

Например, при изучении темы phishing можно использовать настоящее предупреждение о мошеннической рассылке. Сначала обучающиеся определяют ключевые признаки опасного письма: suspicious link, urgent request, sender mismatch, attachment, request for credentials. Затем они объясняют, почему данные признаки являются рискованными, и формулируют рекомендации на английском языке. В результате языковая работа совмещается с

развитием критического мышления и навыков безопасного поведения.

М. А. Казакова и А. А. Евтюгина отмечают, что аутентичные текстовые материалы развивают не только языковые, но и социокультурные умения [4, с. 50]. В сфере кибербезопасности это проявляется в понимании норм цифрового общения: как формулируется предупреждение, каким образом выражаются запрет, рекомендация, срочность и ответственность. Анализ таких текстов помогает студентам распознавать стиль официального уведомления и отличать его от манипулятивного сообщения.

Таким образом, аутентичные материалы по кибербезопасности являются эффективным средством профессионально ориентированного обучения английскому языку. Они расширяют словарный запас, развивают навыки чтения и аудирования, формируют умение анализировать информацию и повышают мотивацию студентов. Наиболее результативной является поэтапная работа: введение терминов, анализ текста, обсуждение проблемы и создание собственного высказывания. При грамотном отборе материалов английский язык становится для студентов инструментом профессионального развития и цифровой грамотности.

Литература

1. Новикова О.В. К вопросу об использовании аутентичных текстов профессиональной направленности в процессе обучения английскому языку // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 3. С. 72-77.
2. Нарыкова Н.А., Симонова Н.А. Аутентичные материалы в изучении английского языка // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2023. № 4 (97). С. 205-214.
3. Сидакова Н.В. Использование профессионально-ориентированных аутентичных материалов в обучении иностранному языку студентов технических специальностей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 154-157.
4. Казакова М.А., Евтюгина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2016. № 4. С. 50-59.
5. Жебряткина И.Я., Романов В.В. Аутентичность в парадигме английского как

международного языка // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 348-351.

6. Базалина Е.Н. Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых

вузов по направлению подготовки «Техносферная безопасность»: на материале английского языка // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16. № 3. С. 52-62.

FURSENKO Aleksandr Vyacheslavovich

Student, MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

PAVLENKO Yuri Eduardovich

Student, MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

RODIONOVA Ekaterina Olegovna

Student, MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

IOFFE Nina Evgenievna

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages,
MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow

USING AUTHENTIC CYBERSECURITY MATERIALS IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Abstract. *The article examines the use of authentic cybersecurity materials in English language teaching for non-linguistic students. Real texts, warnings, instructions and messages about digital threats are considered as tools for developing professional vocabulary, reading, listening, information analysis and educational-professional communication skills.*

Keywords: *authentic materials, English language teaching, cybersecurity, professionally oriented learning, terminology, digital literacy.*

ПСИХОЛОГИЯ

ОСИПОВА Валентина Витальевна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты теории поколений и их практическое применение в управлении человеческими ресурсами. Анализируются ценностные ориентации, мотивационные драйверы и поведенческие паттерны представителей различных возрастных групп, функционирующих на современном рынке труда. Особое внимание уделяется специфике взаимодействия руководителей с сотрудниками разных поколений, а также разработке адаптивных стратегий мотивации и коммуникации. Предложены практические рекомендации по формированию инклюзивной корпоративной культуры, способствующей эффективному сотрудничеству мультигенерационных команд.

Ключевые слова: теория поколений, управление персоналом, мотивация, корпоративная культура, межпоколенческие различия, человеческие ресурсы, стиль руководства, вовлеченность сотрудников.

Теория поколений, разработанная Н. Хау и У. Штраусом в конце 1980-х годов, базируется на идее цикличности исторического развития и формирования коллективной идентичности под влиянием ключевых социально-экономических событий [3, с. 34-49]. Согласно данной концепции, каждое поколение (когорты) формируется в течение примерно 20–25 лет и объединяет людей, переживших схожие исторические потрясения в период формирования личности (примерно 10–20 лет). Эти общие переживания формируют устойчивые ценностные установки, которые сохраняются на протяжении всей жизни и влияют на профессиональное поведение.

Важно отметить, что теория поколений не предполагает жёсткой детерминации поведения возрастом. Индивидуальные различия, культурный контекст, уровень образования и личный опыт остаются значимыми факторами. Однако на уровне статистических тенденций поколенческие паттерны проявляются достаточно отчётливо, чтобы служить ориентиром при разработке кадровой политики [4, с. 112-128]. В российском контексте периодизация поколений имеет свою специфику из-за уникального исторического пути страны. Тем не менее, для целей управления персоналом в международных и крупных национальных

компаниях целесообразно использовать общепринятую классификацию, адаптированную к локальным реалиям [1, с. 78-92].

Характеристика основных поколенческих групп на рынке труда

Поколение беби-бумеров (1946–1964 гг. рождения). Представители данной когорты выросли в период послевоенного восстановления и экономического оптимизма. Их ключевые ценности включают трудолюбие, лояльность организации, уважение к иерархии и стремление к стабильности [1, с. 78-92]. В профессиональной сфере беби-бумеры ценят признание заслуг, карьерный рост через последовательное повышение и формальные процедуры оценки. Они склонны к долгосрочному планированию и готовы жертвовать личным временем ради профессиональных достижений.

Поколение X (1965–1980 гг. рождения). Формирование данной группы происходило в условиях экономической нестабильности, технологических трансформаций и изменения социальных контрактов. Ценности поколения X включают независимость, прагматизм, баланс работы и личной жизни, скептицизм по отношению к институциональным обещаниям [2, с. 45-67]. В управлении они предпочитают чёткие задачи, автономию в принятии решений и прозрачную систему вознаграждения. Лояльность

к организации условна и зависит от соответствия личных и корпоративных интересов.

Поколение миллениалов, или поколение Y (1981–1996 гг. рождения). Миллениалы выросли в эпоху цифровизации, глобализации и социальных изменений. Их отличают ориентация на самореализацию, стремление к осмысленной работе, потребность в постоянной обратной связи и гибкости рабочих условий [3, с. 34–49]. Для данной группы важны возможности обучения, социальная ответственность работодателя и инклюзивная корпоративная культура. Традиционные иерархические структуры часто воспринимаются ими как ограничивающие.

Поколение Z (1997–2012 гг. рождения). Представители самого молодого поколения на рынке труда являются «цифровыми аборигенами», для которых технологии – естественная среда существования. Их ценности включают аутентичность, разнообразие, экологическую осознанность и предпринимательский дух [5, с. 201–215]. В профессиональной сфере поколение Z ценит краткосрочные проекты, возможность быстрого карьерного роста, визуализацию информации и геймификацию рабочих процессов. Они ожидают от работодателя не только материального вознаграждения, но и соответствия личным ценностям.

Особенности управления мультигенерационными коллективами

Эффективное руководство разнородной по возрастному составу командой требует от руководителя развития адаптивных компетенций и отказа от универсальных управленческих рецептов. Ключевые принципы работы с мультигенерационными коллективами включают:

1. *Персонализация коммуникации.* Разные поколения предпочитают различные каналы и стили общения. Беби-бумеры и представители поколения X чаще ценят личные встречи и телефонные звонки, тогда как миллениалы и поколение Z отдают предпочтение мессенджерам, видеоконференциям и асинхронной коммуникации [8, с. 67–82]. Руководителю целесообразно использовать многоканальный подход, дублируя важную информацию в форматах, доступных всем сотрудникам.

2. *Гибкость систем мотивации.* Универсальные схемы премирования демонстрируют снижающуюся эффективность. Для беби-бумеров значимы публичное признание и статусные награды, для поколения X – материальные

бонусы и гарантии стабильности, для миллениалов – возможности развития и социальная значимость проектов, для поколения Z – гибкий график и творческая свобода [2, с. 45–67]. Оптимальным решением является модульная система льгот, позволяющая сотрудникам выбирать наиболее релевантные для них опции [6, с. 89–104].

3. *Обратное наставничество.* Традиционная модель, где опытные сотрудники обучают молодых, дополняется практикой «reverse mentoring», когда представители младших поколений делятся с коллегами цифровыми компетенциями, трендами потребительского поведения и новыми технологиями [7, с. 56–71]. Такой подход не только повышает квалификацию команды, но и укрепляет межпоколенческие связи, снижая стереотипизацию.

4. *Инклюзивная корпоративная культура.* Создание среды, где различия воспринимаются как ресурс, а не как проблема, требует целенаправленной работы. Регулярные кросс-генерационные проекты, совместные тренинги по коммуникации и открытые дискуссии о ценностях способствуют формированию взаимного уважения и синергии [4, с. 112–128].

Практические рекомендации для специалистов по управлению персоналом

На основе анализа поколенческих особенностей можно сформулировать следующие практические инструменты для оптимизации кадровой политики:

При найме и адаптации:

- Разрабатывать многоформатные вакансии, сочетающие традиционные описания должностей с визуальными и интерактивными элементами [3, с. 34–49].
- Внедрять программы адаптации, учитывающие разные стили обучения: наставничество для старших сотрудников, цифровые платформы для младших [5, с. 201–215].
- Использовать смешанные интервью, включающие как структурированные вопросы, так и кейсы, оценивающие мягкие навыки [10, с. 45–62].

В системе обучения и развития:

- Предлагать персонализированные траектории развития с выбором форматов (офлайн-курсы, вебинары, микрообучение) [7, с. 56–71].
- Создавать межпоколенческие проектные команды для решения реальных бизнес-задач [4, с. 112–128].

- Внедрять систему непрерывной обратной связи, сочетающую формальные оценки и неформальные чекины [2, с. 45-67].

В управлении вовлеченностью:

- Проводить регулярные пульс-опросы с сегментацией результатов по возрастным группам для выявления специфических потребностей [8, с. 67-82].

- Развивать внутренние социальные платформы, где сотрудники разных поколений могут обмениваться опытом и инициативами [9, с. 123-138].

- Поощрять инициативы по корпоративной социальной ответственности, привлекающие представителей всех возрастных когорт [9, с. 123-138].

В разрешении конфликтов:

- Обучать руководителей техникам медиации, учитывающим поколенческие различия в восприятии конфликтов [10, с. 45-62].

- Создавать безопасные пространства для открытого обсуждения межпоколенческих напряжений [4, с. 112-128].

- Формировать этические кодексы, отражающие общие ценности организации, трансцендентные возрастным различиям [1, с. 78-92].

Теория поколений предоставляет ценный концептуальный инструмент для понимания разнообразия мотивационных паттернов и поведенческих стратегий на современном рынке труда. Однако её практическое применение требует гибкости и избегания стереотипизации. Эффективное управление коллективами строится не на противопоставлении возрастных групп, а на создании инклюзивной среды, где различия становятся источником инноваций и устойчивого развития [4, с. 112-128]. Для организаций, стремящихся сохранить конкурентоспособность в условиях демографических трансформаций, критически важно развивать адаптивные управленческие компетенции, персонализировать системы мотивации и инвестировать в построение корпоративной культуры, основанной на взаимном уважении и синергии поколений [10, с. 45-62]. Только такой подход позволяет превратить вызовы возрастного разнообразия в стратегические преимущества [1, с. 78-92].

Литература

1. Кузнецова А.В., Смирнов Д.И. Управление разнородными коллективами: поколенческий подход // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2022. – № 3. – С. 78-92.
2. Петрова Е.С., Волков М.А. Мотивационные драйверы разных поколений на российском рынке труда // Организационная психология. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 45-67.
3. Лебедева Т.Н., Орлов П.Р. Цифровая трансформация и поколенческие различия в корпоративной культуре // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – № 2. – С. 34-49.
4. Громова О.Н., Тихонов А.В. Инклюзивное лидерство в мультигенерационных командах // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т. 16, № 5. – С. 112-128.
5. Сидорова М.В., Козлов И.Г. Поколение Z в системе корпоративного обучения: вызовы и возможности // Молодой ученый. – 2023. – № 8. – С. 201-215.
6. Федорова Л.А., Белов С.П. Гибкие формы занятости как инструмент удержания талантов разных поколений // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 89-104.
7. Новикова Е.Д., Романов К.С. Обратное наставничество: теория и практика внедрения // Инновации в менеджменте. – 2023. – № 3. – С. 56-71.
8. Морозов А.В., Щербакова Н.И. Коммуникационные стратегии в управлении разнородными коллективами // Проблемы теории и практики управления. – 2022. – № 4. – С. 67-82.
9. Иванова О.С., Дмитриев В.Г. Корпоративная социальная ответственность как фактор привлечения молодых специалистов // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2024. – № 1. – С. 123-138.
10. Касьянов П.Р., Егорова М.Л. Эмоциональный интеллект руководителя в работе с мультигенерационными командами // Российский журнал менеджмента. – 2021. – Т. 19, № 3. – С. 45-62.

OSIPOVA Valentina Vitalievna

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow

THEORY OF GENERATIONS: FEATURES OF PERSONNEL MANAGEMENT IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The article examines the theoretical aspects of the theory of generations and their practical application in human resource management. The article analyzes the value orientations, motivational drivers and behavioral patterns of representatives of various age groups operating in the modern labor market. Special attention is paid to the specifics of managers' interaction with employees of different generations, as well as the development of adaptive motivation and communication strategies. Practical recommendations on the formation of an inclusive corporate culture that promotes effective cooperation between multigenerational teams are proposed.*

Keywords: *generational theory, personnel management, motivation, corporate culture, intergenerational differences, human resources, leadership style, employee engagement.*

ШАЛБУРОВА Намджил Санджиевна

магистрант, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
Россия, г. Элиста

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ В СИТУАЦИИ ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО СТРЕССА

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи личностной тревожности и копинг-стратегий у подростков в ситуации экзаменационного стресса. В исследовании приняли участие 62 учащихся 9-х классов. Для диагностики использовалась шкала личностной тревожности учащихся А. М. Прихожан и методика совладающего поведения Р. Лазаруса (в адаптации В. И. Вассермана и других). Статистическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В результате выявлены значимые связи между отдельными видами тревожности и копинг-стратегиями. Показано, что повышение тревожности связано с увеличением использования менее адаптивных стратегий, прежде всего бегства–избегания.

Ключевые слова: тревожность, копинг-стратегии, подростки, экзаменационный стресс.

Введение

Экзаменационный период является одной из наиболее стрессогенных ситуаций в жизни подростков. Повышенные требования, значимость итоговой оценки и неопределённость результатов создают условия выраженного эмоционального напряжения.

Особую роль в переживании стрессовых ситуаций играет личностная тревожность – устойчивая склонность воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающие. Высокий уровень тревожности может приводить к дезорганизации деятельности и снижению эффективности поведения.

Важным аспектом адаптации к стрессу являются копинг-стратегии – способы, с помощью которых человек справляется с трудными ситуациями. Н. В. Васина и другие в своем исследовании отмечают «Понятие "coping behavior" («совладающее поведение», «поведение по преодолению») используется для характеристики способов поведения человека в различных трудных ситуациях. S. Folkman и R. S. Lazarus определили его как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые человеком для того, чтобы справиться со специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые чрезмерно напрягают или превышают ресурсы человека» [2, с. 176]

В подростковом возрасте формируется репертуар копинг-поведения, который во

многом определяет успешность адаптации. В связи с этим особую значимость приобретает изучение взаимосвязи личностной тревожности и копинг-стратегий у подростков в ситуации экзаменационного стресса.

Цель исследования: изучить взаимосвязь личностной тревожности и копинг-стратегий у подростков.

Гипотеза: предполагается, что высокий уровень личностной тревожности связан с выбором менее адаптивных копинг-стратегий.

Методы и организация исследования. В исследовании приняли участие 62 учащихся 9-х классов (30 юношей и 32 девушек) в возрасте 14-15 лет.

Использовались следующие методики: «Шкала личностной тревожности» для учащихся в возрасте 10–16 лет А. М. Прихожан. Шкала была разработана в 1980-х гг. по принципу «Шкалы социально-ситуационного страха, тревоги» О. Кондаша. Субшкалы опросника: «школьная тревожность», «самооценочная тревожность», «межличностная тревожность», «магическая тревожность» [3].

Опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire – WCQ) Р. Лазаруса и С. Фолкман, адаптированный и стандартизированный НИПНИ им. Бехтерева в 2009 году. Используется для оценки стратегий преодоления стресса и является одной из первых стандартизированных методик в области исследования копинга. Субшкалы:

«конфронтация», «дистанцирование», «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «бегство-избегание», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка» [1, с. 39-46].

Обработка данных включала:

- расчёт средних значений.
- корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и обсуждение исследования

Диагностика по общему уровню тревожности показала, что 50,7% учащихся имеет низкий

уровень тревожности, 34,3% учащихся имеют средний (нормальный) уровень тревожности и 14,9% имеют высокий уровень тревожности.

Наиболее выраженными копинг-стратегиями в выборке являются:

- дистанцирование ($M = 53,3$).
- положительная переоценка ($M = 51,9$).
- бегство-избегание ($M = 50,1$).

Менее выражены:

- самоконтроль ($M = 42,7$).
- принятие ответственности ($M = 45,4$).

Таблица

Результаты корреляционного анализа личностной тревожности и копинг-стратегий у подростков (составлено на основе расчета коэффициента ранговой корреляции rs – Спирмена)

	Кон- фронта- ция	Ди- станци- рова- ние	Само- кон- троль	Поиск соци- альной под- держки	Приня- тие от- вет- ственно- сти	Бег- ство- избе- гание	Планиро- вание ре- шения про- блемы	Положи- тельная пере- оценка
Школьная тревож- ность	0,205	0,021	0,002	-0,026	0,208	0,354*	-0,177	0,099
Самооце- ночная тревож- ность	0,273**	-0,026	0,169	-0,092	0,325*	0,511*	-0,246**	0,042
Межлич- ностная тревож- ность	0,308**	-0,011	0,113	-0,188	0,230	0,451*	-0,080	0,105
Магиче- ская тре- возность	0,408*	0,223	0,148	0,010	0,246**	0,285**	-0,045	0,120
Общая тревож- ность	0,341*	0,057	0,194	-0,098	0,398*	0,540*	-0,173	0,110

Примечание: уровень значимости * $-p < 0,01$; ** $-p < 0,05$

В результате корреляционного анализа были выявлены следующие связи:

1. Школьная тревожность положительно коррелирует с копинг-стратегией бегство-избегание ($r = 0,354$, $p < 0,01$). Это означает, что учащиеся с более высоким уровнем тревожности чаще используют стратегию избегания или ухода от стрессовых ситуаций. Связь, умеренная по силе и статистически значимая, что указывает на надежный паттерн поведения: тревожные школьники склонны к пассивным способам справляться с трудностями, вместо активного решения проблем.

2. Самооценочная тревожность показала несколько значимых связей с копинг-стратегиями. Она положительно коррелирует с конфронтацией ($r = 0,273$, $p < 0,05$), принятием ответственности ($r = 0,325$; $p < 0,01$), бегством-избеганием ($r = 0,511$; $p < 0,01$) и отрицательно коррелирует с планированием решением проблемы ($r = -0,246$; $p < 0,05$). Это указывает на то, что более тревожные учащиеся склонны одновременно к активной конфронтации и принятию ответственности, но при этом чаще используют стратегии ухода или избегания и реже прибегают к продуманному планированию решения проблем. Наиболее сильная связь наблюдается

с бегством-избеганием, что подчеркивает тенденцию к пассивным способам справляться со стрессом у тревожных школьников.

3. Межличностная тревожность положительно коррелирует с конфронтацией ($r=0,308$; $p<0,05$) и бегством-избеганием ($r=0,451$; $p<0,01$). Это указывает на то, что учащиеся с более выраженной межличностной тревожностью склонны одновременно к активной конфронтации и к избеганию стрессовых ситуаций. Наиболее сильная связь наблюдается с бегством-избеганием, что подчеркивает тенденцию к пассивным способам справляться с межличностными трудностями.

4. Магическая тревожность показала положительную корреляцию с конфронтацией ($r=0,408$; $p<0,01$), принятием ответственности ($r=0,246$; $p<0,05$) и бегством-избеганием ($r=0,285$; $p<0,05$). Это говорит о том, что учащиеся с более высокой магической тревожностью склонны одновременно к активным способам реагирования (конфронтация, принятие ответственности) и к пассивным стратегиям (бегство-избегание). Наиболее сильная связь наблюдается с конфронтацией, что отражает тенденцию тревожных школьников к попыткам прямо воздействовать на стрессовые ситуации, даже при наличии магических или иррациональных страхов.

5. Общая тревожность имеет положительную корреляцию с конфронтацией ($r=0,341$; $p<0,01$), принятием ответственности ($r=0,398$; $p<0,01$) и бегством-избеганием ($r=0,540$; $p<0,01$). Наиболее сильная связь наблюдается с бегством-избеганием, что указывает на склонность учащихся с высокой общей тревожностью использовать пассивные стратегии избегания стрессовых ситуаций. Одновременно наблюдается умеренная тенденция к активным способам реагирования, таким как конфронтация и принятие ответственности, что отражает смешанный стиль копинга тревожных школьников.

Обсуждение

Результаты исследования показали, что различные формы личностной тревожности у подростков связаны с выбором определённых копинг-стратегий в условиях экзаменационного стресса.

Школьная тревожность оказалась связанной с использованием стратегии бегства-избегания. Это подтверждает, что учащиеся с более высоким уровнем тревожности склонны к пассивным способам справляться со стрессом,

избегая проблем, вместо того чтобы активно решать их.

Самооценочная тревожность проявляла более сложный профиль: она была положительно связана с конфронтацией, принятием ответственности и бегством-избеганием, а также отрицательно – с планированием решения проблем. Это говорит о том, что тревожные подростки одновременно могут применять активные стратегии (конфронтация и принятие ответственности) и пассивные (бегство-избегание), при этом они реже используют структурированные подходы к решению проблем. Наиболее сильная связь наблюдалась с бегством-избеганием, что подчеркивает выраженную склонность к уходу от стрессовых ситуаций.

Межличностная тревожность положительно коррелировала с конфронтацией и бегством-избеганием. Это указывает на то, что тревога в межличностной сфере стимулирует как активное противодействие стрессу, так и пассивное избегание, отражая двойственный характер реакции на социальные стрессоры.

Магическая тревожность также была связана с активными (конфронтация, принятие ответственности) и пассивными (бегство-избегание) копинг-стратегиями, при этом наибольшая связь наблюдалась с конфронтацией. Это может свидетельствовать о попытках подростков контролировать стрессовые ситуации, даже опираясь на иррациональные или магические убеждения.

Общая тревожность показала самые сильные корреляции с бегством-избеганием, а также умеренные связи с конфронтацией и принятием ответственности. Это отражает смешанный стиль копинга: подростки с высокой тревожностью склонны одновременно к пассивным и активным способам справляться со стрессом, но пассивные стратегии (избегание) выражены сильнее.

В целом, результаты подтверждают гипотезу о том, что высокий уровень личностной тревожности связан с выбором менее адаптивных, преимущественно пассивных копинг-стратегий. Однако важно отметить, что активные стратегии (конфронтация, принятие ответственности) также могут проявляться, особенно при самооценочной и магической тревожности, что говорит о сложном и смешанном характере копинга у подростков.

Выводы:

1 Личный уровень тревожности у подростков влияет на выбор копинг-стратегий в ситуации экзаменационного стресса.

2 Школьная тревожность в большей степени связана с пассивными стратегиями (бегство-избегание).

3 Самооценочная и магическая тревожность характеризуются смешанным профилем: сочетанием активных и пассивных стратегий, при этом пассивные стратегии проявляются сильнее.

4 Межличностная тревожность стимулирует как активные (конфронтация), так и пассивные (избегание) формы реакции на стресс.

5 Общая тревожность у подростков проявляется в склонности к избеганию стрессовых ситуаций, при умеренном использовании активных стратегий.

Практическая значимость

Результаты могут быть использованы педагогами и школьными психологами для разработки программ профилактики и снижения тревожности у подростков в условиях экзаменационного стресса.

Определение типа тревожности у учащихся позволяет индивидуализировать рекомендации по развитию более адаптивных копинг-стратегий, например: для школьной тревожности – развитие навыков активного решения проблем; для межличностной и самооценочной тревожности – баланс между активными и

пассивными способами справляться со стрессом; для магической тревожности – формирование рационального контроля и критического мышления в стрессовых ситуациях.

Практика может включать тренинги по стресс-менеджменту, когнитивно-поведенческие упражнения, упражнения на планирование и саморегуляцию, что позволит снизить зависимость от стратегий бегства и избегания.

Литература

1. Лавренчук А.Н. Взаимосвязь личностных адаптаций и стратегий совладания со стрессом // Транзактный Анализ в России. – 2025. – Т. 5. – № 1. – С. 39-46. doi: 10.56478/taruj20255139-46 (дата обращения: 05.04.2026).
2. Васина Н.В., Сенгеева О.Л., Бучацкая М.В., Капранова М.В., Харитонов А.Е. Проблема совладания со стрессом в современной психологической науке на примере исследования этнических и личностных детерминант совладающего поведения у современной молодежи // Человеческий капитал. – 2012. – № 5. – С. 176-179.
3. Павлова Т.С. (2013). Копинг-стратегии подростков с антивитальными переживаниями. Психологическая наука и образование psyedu.ru, № 5(1), Статья 16. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59152 (дата обращения: 05.04.2026).

SHALBUROVA Namjil Sanjievna

Master's student, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov,
Russia, Elista

THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL ANXIETY AND COPING STRATEGIES IN ADOLESCENTS UNDER EXAM STRESS

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between personal anxiety and coping strategies in adolescents under exam stress. 62 9th grade students took part in the study. The scale of personal anxiety of A. M. Parishioners' students and the method of coping behavior by R. Lazarus (adapted by V. I. Wasserman and others) were used for diagnosis. Statistical data processing was carried out using Spearman's rank correlation coefficient.

As a result, significant links have been identified between certain types of anxiety and coping strategies. It has been shown that an increase in anxiety is associated with an increase in the use of less adaptive strategies, primarily escape-avoidance.

Keywords: anxiety, coping strategies, teenagers, exam stress.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

ГОНЧАРЕНКО София Руслановна

студентка, Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

ПИСАРЕВА Ольга Денисовна

студентка, Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

СМЕТАНИН Андрей Григорьевич

старший преподаватель кафедры физического воспитания,
Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И АДАПТИВНОГО СПОРТА

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции и перспективы развития адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в России и за рубежом. Раскрываются социально-педагогический потенциал адаптивных программ, их значение для повышения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья, лиц пожилого возраста и других групп населения, нуждающихся в специальной поддержке.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, адаптивный спорт, инклюзия, реабилитация, здоровье, люди с ограниченными возможностями здоровья, качество жизни.

Актуальность

В условиях роста числа людей с ограниченными возможностями здоровья, хроническими заболеваниями и возрастными изменениями потребность в эффективных реабилитационных и оздоровительных программах становится одной из приоритетных задач социальной политики государства. Медицинские технологии позволяют продлить жизнь, однако без продуманной системы физической активности эта жизнь не всегда становится полноценной и насыщенной. Адаптивная физическая культура и адаптивный спорт выступают важнейшими инструментами интеграции таких людей в общество, формирования у них уверенности в собственных возможностях и поддержания оптимального уровня физического состояния. На практике можно наблюдать, как участие в адаптивных секциях по плаванию, лёгкой атлетике, настольному теннису или бочча помогает людям после травм

опорно-двигательного аппарата не только восстановить двигательные функции, но и расширить круг общения, вернуться к учебе или профессиональной деятельности, почувствовать себя значимыми членами коллектива [2].

Дополнительным аргументом в пользу актуальности развития адаптивной физической культуры является переход современной школы и высшей школы к инклюзивному образованию. В общеобразовательных учреждениях увеличивается число детей с особыми образовательными потребностями, которым необходимы специальные программы физического воспитания. Без научно обоснованной системы адаптивных занятий, оснащённых методическими материалами и подготовленными педагогическими кадрами, реализовать принципы инклюзии в полной мере невозможно. Таким образом, исследование перспектив развития адаптивной физической культуры и спорта позволяет определить направления

модернизации образовательного процесса, социальной и реабилитационной работы, а также наметить пути межведомственного взаимодействия образовательных, медицинских и спортивных организаций [4].

Цели и задачи научной работы

Целью настоящего исследования является анализ перспектив развития адаптивной физической культуры и адаптивного спорта в современных социально-экономических условиях и определение условий, способствующих расширению их возможностей в системе реабилитации и инклюзии. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть особенности действующей нормативно-правовой базы, описать существующие модели организации адаптивных занятий, выявить наиболее эффективные педагогические технологии, а также определить ключевые проблемы, препятствующие дальнейшему развитию данной сферы. В рамках работы ставится задача проанализировать опыт российских и зарубежных организаций, реализующих программы адаптивного спорта, и на основе сравнения предложить практические рекомендации по совершенствованию работы образовательных учреждений и спортивных школ [3].

Результаты исследования

Анализ нормативно-правовых документов показал, что в последние годы в России создана достаточно широкая законодательная база, регулирующая вопросы физической культуры лиц с ограниченными возможностями здоровья. В федеральных стандартах общего и профессионального образования закреплено право обучающихся с инвалидностью на получение адаптированных программ по физической культуре. Государственные программы по развитию физической культуры и спорта содержат специальные разделы, посвящённые инклюзивным и адаптивным формам занятий. Однако на уровне конкретных образовательных учреждений реализация этих норм часто носит фрагментарный характер, что связано с недостатком кадров, материально-технического обеспечения и методической поддержки.

Изучение практики работы школ и вузов Чувашской Республики позволило выделить несколько моделей организации адаптивной физической культуры. В одних учреждениях занятия проводятся в рамках общих уроков физической культуры, где педагог адаптирует упражнения под возможности каждого

обучающегося. Например, на уроке баскетбола учащимся с нарушениями зрения предлагаются упражнения с мячом, сопровождаемые звуковыми сигналами и чёткими словесными инструкциями, а дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата выполняют элементы передачи мяча сидя или с опорой. В других учреждениях создаются отдельные группы или секции, где нагрузка, оборудование и методика полностью ориентированы на конкретное заболевание или функциональное состояние. Так, в одном из колледжей организована секция адаптивного плавания для студентов с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, где особое внимание уделяется постепенному увеличению нагрузки, контролю частоты пульса и обучению навыкам самоконтроля [5].

Особое значение для перспектив развития адаптивной физической культуры имеет использование современных технологий. В ряде реабилитационных центров внедряются компьютерные программно-аппаратные комплексы, позволяющие оценивать состояние равновесия, координацию движений и силу мышц, а затем строить индивидуальные тренировочные программы. В дистанционном формате применяются онлайн-платформы и мобильные приложения, которые предоставляют видеокomплексы упражнений, дневники самоконтроля и обратную связь с инструктором.

В ходе исследования были выявлены и основные трудности, с которыми сталкиваются педагоги и тренеры при организации адаптивных занятий. К ним относятся ограниченность спортивной инфраструктуры, нехватка специализированного инвентаря, отсутствие ассистентов и тьюторов, а также недостаточная информированность общества о возможностях и достижениях адаптивного спорта. Нередко родители опасаются допускать детей с тяжёлыми нарушениями здоровья к активным занятиям, опасаясь травм или ухудшения состояния. Пример работы некоторых школ показывает, что преодолеть эти опасения помогает открытая информационная политика, проведение совместных родительско-детских спортивных праздников и регулярное взаимодействие педагога с медицинскими специалистами [6].

Перспективы дальнейшего развития адаптивной физической культуры и спорта связаны с расширением межведомственного взаимодействия и внедрением комплексных программ сопровождения человека с

инвалидностью на протяжении всей жизни. Уже сегодня в отдельных регионах реализуются проекты, где ребёнок с ограниченными возможностями здоровья, пришедший в дошкольное учреждение, получает возможность продолжить адаптивные занятия в школе, затем в колледже или вузе, а после завершения обучения – в клубе по месту жительства или в рабочем коллективе. Такое непрерывное сопровождение позволяет поддерживать сформированные двигательные навыки, предотвращать социальную изоляцию и формировать устойчивую установку на самостоятельную активную жизнь.

Выводы

Проведённый анализ показал, что адаптивная физическая культура и адаптивный спорт обладают значительным потенциалом в деле реабилитации и социальной интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья, и других категорий населения, нуждающихся в особой поддержке. В России формируется нормативно-правовая и организационная база, обеспечивающая расширение возможностей таких программ, однако необходима дальнейшая системная работа по укреплению материально-технической базы, повышению квалификации кадров и развитию инклюзивной культуры общества. Перспективы связаны с активным внедрением современных технологий мониторинга и дистанционного сопровождения, развитием сети адаптивных спортивных школ и клубов, созданием комплексных программ непрерывного сопровождения человека с инвалидностью на всех этапах жизненного пути. Важным условием успешного развития данной сферы остаётся межведомственное взаимодействие образовательных, медицинских и спортивных организаций, а также поддержка со стороны семьи и местного сообщества.

Практика показывает, что именно синергия усилий разных структур позволяет человеку с особыми потребностями не только восстановить или поддержать здоровье, но и реализовать свои таланты, почувствовать себя полноценным и активным членом общества.

Литература

1. Адаптивная и лечебная физическая культура. Плавание [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов / Н.Ж. Булгакова, С.Н. Морозов, О.И. Попов, Т.С. Морозова; под редакцией Н.Ж. Булгаковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 401 с.
2. Бегидова Т.П. Основы адаптивной физической культуры [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов / Т.П. Бегидова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 191 с.
3. Вайнер Э.Н. Адаптивная физическая культура [Электронный ресурс]: словарь / Э.Н. Вайнер, С.А. Касюнин. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 144 с.
4. Евсеев С.П. Теория и организация адаптивной физической культуры [Электронный ресурс]: учебник / С.П. Евсеев. – Москва: Издательство «Спорт», 2016. – 616 с.
5. Евсеева О.Э. Технологии физкультурно-спортивной деятельности в адаптивной физической культуре [Электронный ресурс]: учебник / О.Э. Евсеева, С.П. Евсеев; под редакцией С.П. Евсеев. – Москва: Издательство «Спорт», 2016. – 384 с.
6. Рипа М.Д. Лечебно-оздоровительные технологии в адаптивном физическом воспитании [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов / М.Д. Рипа, И.В. Кулькова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 158 с.

GONCHARENKO Sofia Ruslanovna

Student, Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

PISAREVA Olga Denisovna

Student, Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

SMETANIN Andrey Grigorievich

Senior lecturer at the Department of Physical Education,
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ADAPTIVE PHYSICAL EDUCATION AND ADAPTIVE SPORTS

Abstract. *The article deals with current trends and prospects for the development of adaptive physical education and adaptive sports in Russia and abroad. The socio-pedagogical potential of adaptive programmes and their role in improving the quality of life of people with disabilities, elderly people and other groups in need of special support is revealed.*

Keywords: *adaptive physical education, adaptive sports, inclusion, rehabilitation, health, people with disabilities, quality of life.*

ИВЛЕВА Юлия Евгеньевна

студентка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

ХОДЕЕВ Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры физического воспитания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГОЗАТРАТ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ (БЕГ, ПЛАВАНИЕ, ХОДЬБА, СИЛОВЫЕ ТРЕНИРОВКИ)

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ энергозатрат организма при выполнении таких популярных видов физической активности, как бег, плавание, ходьба и силовые тренировки. Целью исследования является определение наиболее эффективных с точки зрения расхода калорий видов двигательной деятельности для решения задач оздоровительной физической культуры. Методология базируется на обобщении данных научной литературы и анализе физиологических механизмов энергообеспечения мышечной работы. Результаты показывают, что уровень энергозатрат зависит не только от вида нагрузки, но и от интенсивности, квалификации занимающегося и условий выполнения работы.

Ключевые слова: энергозатраты, метаболический эквивалент, бег, плавание, ходьба, силовые тренировки, физическая активность, аэробная нагрузка, расход калорий.

В условиях современного общества, характеризующегося гиподинамией и избыточным потреблением калорий, проблема оптимизации физической активности приобретает первостепенное значение. Одним из ключевых критериев эффективности тренировок является уровень энергозатрат, который определяет не только скорость снижения массы тела, но и степень воздействия на кардиореспираторную систему. Однако массовый фитнес-пользователь зачастую руководствуется мифами, предполагая, что самые высокие энергозатраты свойственны только изнурительным тренировкам. Теоретический анализ литературы [1, с. 45] показывает, что сравнительная физиология мышечной деятельности до сих пор не дает однозначного ответа на вопрос о лидере по расходу энергии среди циклических и ациклических видов спорта.

Проблема исследования заключается в отсутствии систематизированных данных, позволяющих объективно сопоставить бег, плавание, ходьбу и силовой тренинг с учетом длительности нагрузки и индивидуальных особенностей метаболизма. Цель данной работы – провести сравнительный анализ энерготрат при различных видах физической активности и

определить их место в системе оздоровительных занятий.

Объектом исследования выступили энергетические процессы в организме человека при стандартных видах мышечной работы. Предметом – количественные показатели расхода энергии (ккал/мин и ккал/кг/час) при беге, плавании, ходьбе и силовых тренировках.

Методологическую основу работы составил анализ научно-методической литературы отечественных и зарубежных авторов по физиологии спорта (работы В. Н. Селуянова, Дж. Уилмора, Д. Л. Костилла). Использовался метод не прямой калориметрии на основе данных о потреблении кислорода (МПК), а также принцип метаболических эквивалентов (МЕТ). Один МЕТ соответствует энерготратам в состоянии покоя (3,5 мл O_2 /кг/мин или 1 ккал/кг/час). Расчеты проводились для условного среднестатистического человека массой 70 кг.

В ходе анализа были выделены средние значения энергозатрат для каждого из рассматриваемых видов активности. Результаты сведены в таблицу 1, а также отражены на рисунке 1.

Ходьба является наиболее физиологичным, но наименее энергозатратным видом активности. При скорости 5 км/ч организм расходует около 4-5 ккал в минуту или 210–280 ккал/час.

При увеличении скорости до 7 км/ч расход возрастает до 6-7 ккал/мин. Однако ходьба характеризуется низким уровнем посттренировочного метаболизма (ЕРОС – избыточное потребление кислорода после нагрузки), что снижает ее общую эффективность для жиросжигания [2, с. 112].

Бег демонстрирует значительно более высокие показатели. При темпе 8 км/ч энергозатраты составляют 8 ккал/мин (480 ккал/час), а при скорости 12 км/ч – до 12–15 ккал/мин (более 800 ккал/час). Этот эффект объясняется работой против сил гравитации и вертикальными колебаниями центра масс. Однако важно отметить, что с ростом тренированности наблюдается экономизация энергозатрат: бегун со стажем на ту же скорость тратит на 10–15% меньше калорий, чем новичок [3, с. 88].

Плавание занимает особое положение. Энергозатраты при плавании вольным стилем (кролем) составляют 9–11 ккал/мин (540–660 ккал/час). Кажущаяся легкость нахождения в воде обманчива по двум причинам:

1. Высокая теплопроводность воды – организм тратит дополнительные калории на поддержание температуры ядра тела.

2. Необходимость преодолевать сопротивление среды, которое в 12 раз выше воздушного.

Однако для неподготовленного человека эффективность плавания как средства снижения веса может быть ниже из-за невозможности поддерживать целевую зону пульса длительное время без специальных навыков дыхания.

Ациклический характер силовой работы создает сложности для прямого сравнения. В чистое время работы (подходы) энергозатраты относительно невысоки – около 6–8 ккал/мин. Однако ключевой фактор – это анаэробный механизм и эффект «дожигания» (ЕРОС), который может поддерживать метаболизм на повышенном уровне до 24–48 часов после тренировки. За одну 60-минутную круговую тренировку без отдыха может сжигаться до 500–600 ккал. Таким образом, силовая нагрузка является наиболее эффективной для долгосрочного увеличения суточных энергозатрат за счет роста мышечной массы (1 кг мышц тратит в покое на 50–70 ккал больше, чем 1 кг жира) [4, с. 201].

Таблица

Сравнительные показатели энергозатрат для человека массой 70 кг (средние значения)

Вид активности	Интенсивность	Расход ккал/мин	Расход ккал/час	МЕТы (единицы)
Ходьба	5 км/ч	4,5	270	4,0
Бег	10 км/ч	10,5	630	9,0
Плавание	Кроль (средний темп)	10,0	600	8,5
Силовые (круговая)	70% от 1ПМ	8,5	510	7,0
Силовые с отдыхом	Сплит-тренировка	6,0	360	5,0

Рис. Сравнение интенсивности энергозатрат при различных видах активности (абсолютные значения)

Проведенный сравнительный анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов:

1. Наибольшие энергозатраты в абсолютном выражении за единицу времени (ккал/мин) характерны для бега и плавания с интенсивностью выше средней. Эти виды являются приоритетными для быстрого достижения дефицита калорий, но противопоказаны при патологиях опорно-двигательного аппарата.

2. Ходьба, обладая низкой интенсивностью, остается наиболее безопасным и доступным видом для лиц с ожирением и низким уровнем физической подготовки, позволяя поддерживать энерготраты на уровне 250–300 ккал/час без риска перегрузок.

3. Силовые тренировки, уступая циклическим нагрузкам по сиюминутному расходу калорий, обеспечивают долгосрочный метаболический эффект (ЕРОС и рост базального метаболизма), что делает их обязательным компонентом программ оптимизации массы тела.

Практическая рекомендация: максимальный суточный расход энергии достигается при комбинировании аэробных (бег или плавание)

и анаэробных (силовых) нагрузок с включением активной ходьбы в фоновом режиме (например, в быту). Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение гендерных и возрастных различий в энергообеспечении перечисленных типов нагрузок.

Литература

1. Селуянов В.Н. Технология оздоровительной физической культуры / В.Н. Селуянов. – М.: СпортАкадемПресс, 2019. – 284 с.
2. Уилмор Дж. Физиология спорта и двигательной активности / Дж. Уилмор, Д.Л. Костилл. – Киев: Олимпийская литература, 2018. – 503 с.
3. Ачкасов Е.Е. Спортивная медицина: краткий учебник / Е.Е. Ачкасов. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 352 с.
4. Хоули Э.Т. Руководство по спортивной физиологии / Э.Т. Хоули, Б.Д. Френкс. – М.: Рид Медиа, 2019. – 288 с.
5. American College of Sports Medicine. ACSM's Guidelines for Exercise Testing and Prescription / ACSM. – 11th ed. – Philadelphia: Wolters Kluwer, 2021. – 634 p.

RUDAVINA Ksenia Yuryevna

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

KHODEEV Dmitry Alexandrovich

Student, Senior Lecturer at the Department of Physical Education,
Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

COMPARATIVE ANALYSIS OF ENERGY EXPENDITURE DURING VARIOUS TYPES OF PHYSICAL ACTIVITY (RUNNING, SWIMMING, WALKING, STRENGTH TRAINING)

Abstract. *This article presents a comparative analysis of the body's energy expenditure during popular types of physical activity such as running, swimming, walking, and strength training. The aim of the study is to identify the most effective types of motor activity in terms of calorie expenditure for solving the problems of health-improving physical education. The methodology is based on a generalization of scientific literature data and an analysis of the physiological mechanisms of energy supply for muscular work. The results show that the level of energy expenditure depends not only on the type of load but also on the intensity, the qualification of the practitioner, and the conditions of work performance.*

Keywords: *energy expenditure, metabolic equivalent, running, swimming, walking, strength training, physical activity, aerobic load, calorie consumption.*

ПОГОДИНА София Олеговна

студентка,

Кемеровский государственный университет,
Россия, г. Кемерово

*Научный руководитель – старший преподаватель физической культуры
Кемеровского государственного университета Сметанин Андрей Григорьевич*

РАЗВИТИЕ СПОРТИВНОЙ ИНДУСТРИИ И ЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Аннотация. Статья посвящена анализу развития спортивной индустрии как стратегического сектора экономики России и оценке ее экономического потенциала. Объектом исследования выступает система производственных, сервисных и инфраструктурных элементов спортивной отрасли, предметом – факторы роста и барьеры реализации ее вклада в ВВП. Цель работы – выявить ключевые направления развития (государственная политика, цифровизация, массовый спорт) и количественно оценить мультипликативные эффекты (ЧМ-2018 – 952 млрд руб., целевой вклад 2-3% ВВП к 2030 г.). Проблемы исследования: низкая вовлеченность населения (40%), кадровый дефицит, импортозамещение. Результаты: разработаны рекомендации по реализации стратегии до 2035 г. (№ 1188-р) – субсидии, интеграция с туризмом, что позволит удвоить инвестиции и повысить производительность труда на 10–15%.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, туризм, государственная политика, физическое воспитание, спортивная инфраструктура, массовый спорт, спортивные мероприятия, активный отдых, здоровье населения, физическая активность.

Спортивная индустрия представляет собой отрасль, объединяющую предприятия и организации, занимающиеся производством спортивной продукции (изделий, инвентаря, оборудования), ее компонентов, материалов, программного обеспечения, а также сопутствующих услуг. Ее развитие и экономический потенциал определяются комплексом факторов: государственной поддержкой, технологическими инновациями, расширением рынков сбыта и высокой социальной значимостью.

В России действует стратегия развития спортивной индустрии до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3

июня 2019 года № 1188-р [5]. Ее цели – создание конкурентоспособной, устойчивой и структурно сбалансированной отрасли, производящей эффективную, высококачественную и доступную спортивную продукцию, которая будет удовлетворять потребности населения, спортивных и образовательных организаций, а также способствовать развитию массового спорта и материально-технического сопровождения спорта высших достижений.

Основным критерием развития спортивных услуг в России является объем платных услуг физической культуры и спорта (рис.).

	2010	2015	2020	2021	2022
Объем платных услуг физической культуры и спорта:					
млн руб.	30 089	62 209	71 691	112 215	144 393
на душу населения, руб.	211	423	485	762	984
Удельный вес услуг физической культуры и спорта в общем объеме платных услуг, процентов	0,6	0,8	0,8	1,0	1,1
Индекс физического объема услуг физической культуры и спорта, в процентах к предыдущему году	98,4	109,8	72,8	152,0	123,7
Индекс потребительских цен на услуги физической культуры и спорта (декабрь к декабрю предыдущего года), процентов	107,2	104,8	101,6	103,6	104,7
Спортивные сооружения					
Число сооружений физической культуры и спорта, тыс.	248	282	336	346	353
Поступило средств от предоставления платных услуг от занятий в клубах, секциях, группах физкультурно-оздоровительной направленности, тыс. руб.	46 769,9	19 761 210,9	52 740 539,3	47 897 538,2	56 610 300,5
Поступило средств от проведения спортивно-зрелищных мероприятий, тыс. руб.	5 742,1	2 596 552,2	2 395 100,7	1 628 094,5	2 437 075,5

Рис. Основные показатели платных услуг физической культуры и спорта.

Источник: Россия в цифрах. Федеральная служба государственной статистики [6]

Таблица отражает динамику развития спортивной индустрии России за 2010–2022 гг. по 8 показателям. Данные свидетельствуют о стабильном росте отрасли несмотря на кризисы (2020 г.).

Спорт важен для образования, воспитания, формирования личности и уважения к сопернику, что имеет значение и для экономики [1]. Он укрепляет здоровье, развивает навыки, повышает работоспособность.

Спорт также способствует социализации: дисциплина, командная работа и целеустремленность, развитые в спорте, помогают справляться со стрессом и находить решения в трудных ситуациях, что ценно в жизни и работе [2, с. 82–84]. Инвестиции в спорт – это вложение в человеческий капитал.

Несмотря на позитивную динамику, существуют вызовы:

- Низкая вовлеченность населения: охват населения (40%) ниже целевых показателей из-за нехватки инфраструктуры, высокой стоимости и отсутствия мотивации.
- Кадровый дефицит: нехватка квалифицированных специалистов замедляет развитие. Требуется пересмотр образования и повышение престижа спортивных профессий.

- Импортозамещение: зависимость от импортного оборудования тормозит отечественное производство. Необходимо поддерживать российских производителей и развивать собственные технологии.

Для преодоления этих барьеров и достижения целей Стратегии до 2035 г. предлагаются меры, включая усиление господдержки: во-первых, субсидии и льготы для предприятий спортивной индустрии, особенно отечественных производителей и клубов, развивающих массовый спорт.

Во-вторых, популяризация здорового образа жизни: масштабные информационные кампании, федеральные и региональные спортивные фестивали, корпоративные программы по спорту [3, с. 10].

В-третьих, диверсификация источников дохода и экспортный потенциал: -интеграция спортивной индустрии с туризмом (развитие спортивно-туристических кластеров, проведение крупных спортивных мероприятий, привлекающих туристов, создание уникальных предложений, сочетающих спорт, отдых и культурные достопримечательности); развитие индустрии спортивных мероприятий (не только крупные международные соревнования, но и региональные, любительские, корпоративные

мероприятия, которые генерируют значимые экономические эффекты (как показал пример ЧМ-2018 – 952 млрд руб.) [4, с. 3549-3565].

Реализация данных рекомендаций, подкрепленная целенаправленной государственной поддержкой и активным участием бизнеса, позволит не только удвоить инвестиции в отрасль, но и повысить производительность труда на 10–15%, приблизившись к целевому вкладу в 2-3% ВВП к 2030 году и далее до 2035 года. Это трансформирует спортивную индустрию из нишевого сектора в полноценный и динамично развивающийся драйвер экономического роста России.

Литература

1. Авилова И.А. Индустрия спорта и ее роль в экономике государства // Теоретическая экономика. 2024. № 4 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-sporta-i-ee-rol-v-ekonomike-gosudarstva>.
2. Гертер Е.А. Анализ влияния спортивных игр и командных видов спорта на развитие коммуникативных навыков и социализацию // Актуальные исследования. 2024. № 19 (201). Ч. III. С. 82-84. URL: <https://apni.ru/article/9213-analiz-vliyaniya-sportivnyh-igr-i-komandnyh->

vidov-sporta-na-razvitie-kommunikativnyh-navykov-i-socializaciyu.

3. Долматова Т.В. Роль физической культуры и спорта в контексте социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Вестник спортивной истории. – 2017. – № 3 (9). – С. 10.
4. Реброва Н.П., Ивашкевич Т.В., Лунева Е.А. Социально-экономическое развитие региона: вовлечение молодежи в занятие физической культурой и спортом // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – № 7. – С. 3549-3565.
5. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 3081-р. Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/.
6. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Основные показатели платных услуг физической культуры и спорта // Россия в цифрах: статистический сборник. – Москва: Росстат, 2023. – С. 55 – URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Platnoe_obs_luj_2023.pdf.

POGODINA Sofia

Student, Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

*Scientific Advisor – Senior Lecturer of Physical Education
at Kemerovo State University Smetanin Andrey Grigorievich*

THE DEVELOPMENT OF THE SPORTS INDUSTRY AND ITS ECONOMIC POTENTIAL

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of the sports industry as a strategic sector of the Russian economy and the assessment of its economic potential. The object of research is the system of production, service and infrastructure elements of the sports industry, the subject is the growth factors and barriers to the implementation of its contribution to GDP. The purpose of the work is to identify key areas of development (public policy, digitalization, and mass sports) and quantify the multiplicative effects (2018 FIFA World Cup – 952 billion rubles, target contribution of 2–3% of GDP by 2030). The research challenges include low population engagement (40%), staff shortages, and import substitution. Results: recommendations for implementing strategies have been developed.

Keywords: physical culture, sports, tourism, state policy, physical education, sports infrastructure, mass sports, sports events, outdoor activities, public health, physical activity.

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 21 (307)

Часть IV

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 26.05.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40